

ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На Рижском судоремонтном заводе идет сборка двух мощных башенных кранов. Слесари-монтажники комсомольцы Виктор Миклашевич (слева) и Николай Молчанов, работая на монтаже, выполняют дневные задания на 270—300 процентов.

Фото А. Моклецова

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

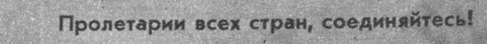
Завтра экзамен! Десятиклассницы московской школы № 100 Ася Разумова, Наташа Каленова и Ира Смирнова занимаются перед экзаменом.

Фото Галины Санько

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Артистки ансамбля Государственной филармонии Таджикской ССР Роза Сулейманова и Муслима Бакиева (справа).

Фото О. Кнорринга

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 22 (1147)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

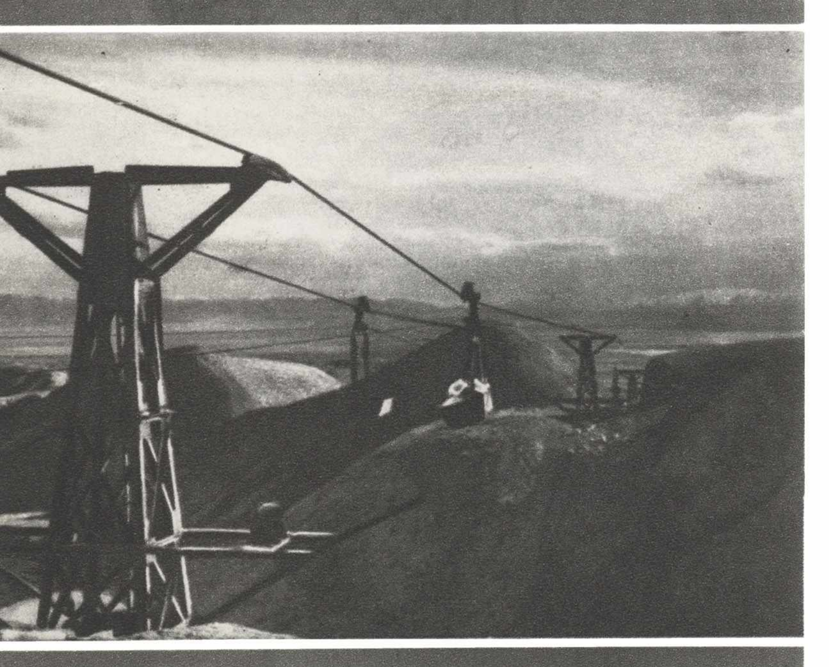
27-й год издания

Нахичеванская АССР. Литературный кружок студентов Нахичеванского учительского института. Шкуфа Джанбахишева читает свое стихотворение, посвященное юбилею республики.

Фото С. Фридлянда

Лицо советской Нахичевани определяют благоустроенные жилые кварталы, асфальтированные магистрали, парки, школы.

Через горные склоны протянулась линия подвесной электрической дороги соляного рудника. Беспрерывно движутся вагонетки, доставляя соль на станцию железной дороги.

Знатные люди Ордубадской шелкомотальной фабрики — депутат местного городского совета Захра Мустафаева и депутат Верховного Совета Нахичеванской АССР Мамед Гусейн Гафаров.

Весна народа

В. ВИКТОРОВ

Фото С. Фридлянда

1

Небывало суровой была зима этого года в Нахичеванской автономной республике. Старики не помнят таких снегов и морозов. Земля трескалась от стужи, и гигантскими сугробами возвышались над равнинами горные хребты.

В эти дни газеты писали о стихийном бедствии, разразившемся над Иранским Азербайджаном. Там ежедневно на улицах и в нетопленных домах замерзали сотни людей.

Стужа не знала границ, она свирепствовала на правом и на левом берегах реки. Но на одном берегу она была полновластным и беспощадным хозяином, а на другом — не могла изменить ритма уверенной и обеспеченной жизни...

Уже весной, в разгар работ на хлопковых полях, табачных плантациях, овцеводческих фермах Нахичеванской республики, в газетах появилось новое сообщение из Иранского Азербайджана:

«По сообщению газеты «Эттелаат», вследствие прошлогодней засухи, отсутствия подножного корма и сильных холодов в течение минувшей зимы в Муганской степи, прилегающей к границам Азербайджанской ССР и являющейся местом зимнего кочевья шахсеванских племен, погибло 80 процентов всего поголовья овец, 75 процентов крупного рогатого скота, 50 процентов верблюдов и 90 процентов лошадей. Население в этом районе обречено на голод».

И в связи с этим сообщением мы вспомнили об овцеводческом колхозе имени 26 бакинских комиссаров, находящемся в Нахичеванском районе. Трудную зиму прожил колхоз, да и весна не принесла облегчения: после небывало суровой зимы склоны гор оставались еще желтовато-серыми, и овцы отказывались есть прошлогоднюю траву, не успевшую пустить свежих побегов.

На одной из ферм колхоза, раскинувшей свои сложенные из камней овчарни по склонам холма, мы встретились с председателем колхоза, Героем Социалистического Труда Газанфаром Нагиевым. Это был невысокого роста загорелый человек, спокойный и учтивый. Он родился в этой деревне в нищей семье батрака. В этой же деревне родились его отец и отец его отца, и никто в семье не имел никогда ни одной овцы. Дед в поисках лучшей жизни ушел на соляной рудник и погиб там. А отец Газанфара Нагиева дожил до счастливых дней и вместе с пятью сыновьями работает в большом и славном здешнем колхозе. Первый сын — председатель артели, второй — ветеринарный фельдшер, награжденный орденом Ленина, третий — шофер, два остальных — рядовые колхозники.

В колхозных отарах 5600 овец, а весенний приплод дал еще полторы тысячи. Как же сохранить поголовье после такой зимы? Герои Социалистического Труда чабан Наби Томаев и заведующий фермой Касун Гусейнов рассказывали, как они создали «санаторий» для 160 совсем ослабевших овец, как выкармливают ягнят сосками.

Теперь самое трудное время позади. Нет, не смогли зимняя стужа и поздняя весна поколебать колхозное благополучие! И, стоя на вершине холма, оглядывая белоснежные островки овечьих отар, Газанфар Нагиев говорит, показывая туда, где поблескивает широкая полоса Аракса:

— На той стороне нынешней зимой погибло полтора миллиона овец... А мы, посмотрите!

...Из распахнутых дверей овчарен с нежным протяжным блеянием хлынули к маткам шелковистые волны ягнят.

2

В эти весенние дни народ Нахичеванской АССР готовился отметить 25-летие своей республики. Нахичевань входит в состав Азербайджанской ССР.

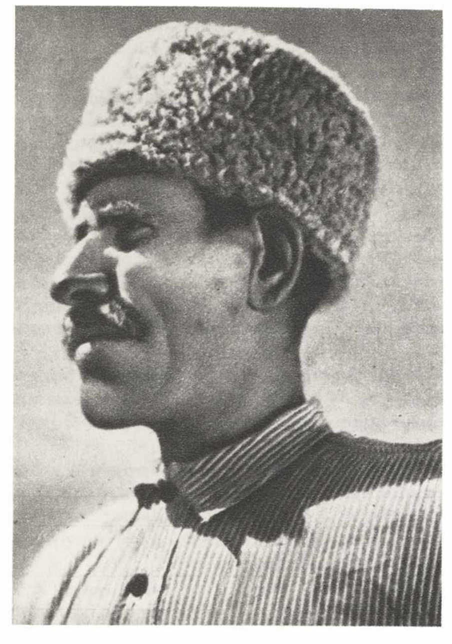
Удивительно разнообразны богатства этой маленькой республики, расположенной вдоль берегов Аракса и состоящей всего из пяти районов. В Норашенском районе произрастают хлопок и табак, в Нахичеванском — хлопок и зерновые культуры, в высокогорном Шахбузском, где еще в апреле не везде свободна от снегов дорога, процветает животноводство, в Джульфинском — виноградарство, в Ордубадском — садоводство и разведение коконов.

Хлопок становится в республике ведущей культурой. Им засеяны тысячи гектаров земли, а через год эта площадь будет увеличена еще на тысячу гектаров. Из 202 колхозов Нахичевани 70 хлопководческих. Их было бы еще больше, если бы не трудности с орошением.

Издавна эти места страдали от отсутствия воды, и жители плодороднейших земель вынуждены были мириться с тем, что их посевы выгорали. Летом здесь почти не бывает дождей, и крестьяне искали воду в глубине земли. Они рыли глубокие колодцы, водоемы, накапливая

Тамам Алиева, звеньевая колхоза имени Жданова, Герой Социалистического Труда, знатный хлопковод республики.

Реза Паша Оглы Исмаилов, звеньевой колхоза «Красный Октябрь», Герой Социалистического Труда, один из лучших табаководов республики.

живительную влагу. И тут же много драгоценной воды протекало мимо полей. Разве могли бедняки-землеробы мечтать о том, чтобы использовать воду горных рек? Для этого надо сооружать в горах водохранилища, прокладывать каналы... Теперь мечта о воде стала явью. В республике идет большая народная стройка водохранилищ и каналов.

Ожила древняя, испокон века бесплодная земля, поднимаются на ней колхозные посевы, сады, табачные плантации...

3

Колеся по колхозам и городам Нахичеванской АССР, встречаешься со множеством людей. На полях колхоза имени Жданова мы познакомились со звеньевой, Героем Социалистического Труда Тамам Алиевой. Она рассказала нам, как живет и работает. Да, кануло в вечность то старое, мрачное время, когда женщина здесь, на Востоке, не значила ничего, когда перед ней были закрыты все пути. Теперь Тамам Алиева уже забыла, что такое затворничество, тесный мирок домашнего очага.

Запомнилась еще одна встреча, на этот раз не на колхозном поле, а в министерском кабинете. За письменным столом сидела стройная, черноволосая женщина — министр социального обеспечения республики Сакина Рзаева. Большой путь прошла она: училась в педагогическом институте в Баку, работала педагогом в сельской школе, была председателем обкома союза начальных и средних школ, а теперь ей поручено руководить министерством.

Вот они, так называемые «восточные женщины». Это они, закрытые с ног до бровей чадрой, плелись позади своего мужа. Но ведь такими же и остались женщины в нескольких километрах отсюда, за Араксом. И когда вспоминаешь об этом, начинаешь понимать, что это расстояние следует измерять не километрами, а десятилетиями.

В республике выросла своя интеллигенция. В большинстве своем она воспитана в Нахичеванском учительском институте, носящем имя Мамедкулизаде — крупнейшего азербайджанского писателя, уроженца этих мест. За десять лет своего существования учительский институт выпустил 390 педагогов: естественников, физиков, математиков, историков — и из них — 110 женщин.

Скончил учительский институт и заместитель председателя Совета министров Нахичеванской АССР Рагим Рагимов. 15 лет тому назад он впервые покинул родное село Киврак и отправился в столицу республики — город Нахичевань. Там он закончил среднюю школу, затем физико-математическое отделение учительского института и стал преподавателем в школе колхоза имени Карла Маркса. Теперь в его родном селе Киврак построена школа-десятилетка — прекрасное новое здание. Есть здесь и своя электростанция, прекрасная баня, больница, детские ясли.

— Если бы вы знали, как изменились за эти годы наши дома! — сказал Рагим Рагимов. — Жили мы в лачугах, посреди — талдыр, яма для костра, в стене — щель вместо окна.

Теперь появились деревни, сплошь состоящие из новых домов. Строятся в них больницы, бани. А в колхозе имени Сталина мы попали на торжество закладки фундамента сельского клуба. Лучшие колхозники работали под руководством техника из Азгоспроекта, и рядом с ними уже стучали молотками знаменитые армянские каменщики, приглашенные колхозом из самого Еревана.

Электричество прочно вошло в быт местных селений. Идет бурное строительство колхозных ГЭС. 27 селений уже электрифицированы, в ближайшем будущем намечена электрификация еще сорока колхозов. И когда с наступлением темноты проезжаешь по великолепному шоссе, прорезающему всю территорию республики, воочию убеждаешься, как изменяет электричество быт деревни, до революции не знавшей и керосиновой лампы...

Советская Нахичевань растит свои кадры ученых. В лабораториях Нахичеванской базы Академии наук Азербайджанской ССР ведутся исследовательские работы, направленные на развитие экономики республики. Ученый секретарь Асад Джафаров пишет диссертацию о борьбе с вредителями зерновых культур.

29 лет тому назад Владимир Ильич Ленин, выступая на VIII Всероссийском съезде Советов, говорил:

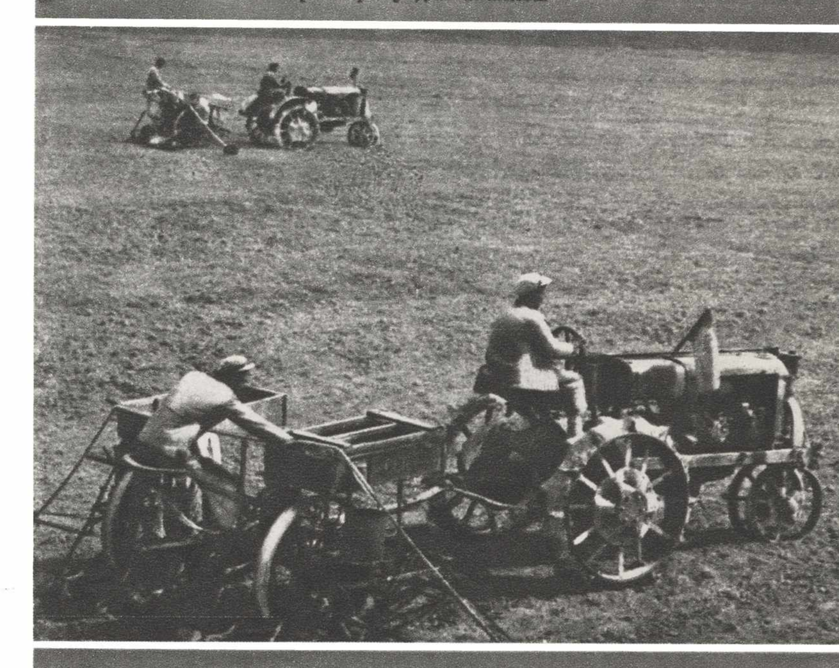
«Я должен также отметить, товарищи, что на Востоке наша политика за этот год одержала крупные успехи Мы должны приветствовать образование и упрочение Советских республик, Бухарской, Азербайджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян».

Товарищ Сталин, развивая ленинские мысли, сказал в своем докладе на X Всероссийском съезде советов об объединении Советских республик:

«Только тут, в мире советов, в лагере социализма, удалось с корнем вырвать национальный гнет и нала-

Хлопок становится ведущей сельскохозяйственной культурой республики. В Норашенском районе построен хлопковый завод. Из огромных бунтов хлопка-сырца лаборантка Фахрантаж Амирова берет пробу для анализа.

Далеко, до самых склонов снежных гор, протянулись колхозные поля. Заканчивается сев хлопка. Стоит еще раз представить себе изнуряющий ручной труд на полях по ту сторону виднеющейся отсюда границы, чтобы полнее оценить всю силу колхозного строя.

Судьбу урожая решает правильное и своевременное орошение полей. Полив поручается самым опытным колхозникам. В колхозе имени Мясникова орошением руководят старые мастера Назарлиев, Абдулаев и Калымов.

На колхозных полях, в разгар полевых работ, можно увидеть санитарные машины — передвижные амбулатории, оснащенные всем необходимым для оказания первой помощи колхозникам.

дить взаимное доверие и братское сотрудничество народов... Теперь, когда мы здесь решаем вопрос о желательности, необходимости объединения, нам предстоит увенчать эти основы новым зданием, основанием новой могучей союзной трудовой державы».

Так осуществлялась на практике ленинско-сталинская национальная политика. Только советская власть могла уничтожить угнетение и неравноправие нерусских национальностей, дать им собственные республики или автономные области и превратить отсталые колониальные окраины в цветущие Советские республики, входящие в единый могучий Союз.

Когда знакомишься с Нахичеванской АССР, на каждом шагу видишь, как осуществлялся великий принцип добровольности объединения и равенства народов, являющийся основой национальной политики советского государства. С помощью братских республик и в первую очередь Российской федерации некогда отсталый народ шагнул далеко вперед и по праву занял свое место в ряду других советских народов, творящих вместе с ним единое великое дело — строительство коммунизма.

Город Нахичевань — один из старейших на Востоке. Но не древние башни определяют лицо этого города. В нем много новых светлых домов, много школ. Здесь работает база Академии наук Азербайджанской ССР, отделение Союза советских писателей.

Молодая советская литература имеет здесь глубокие и благородные корни. В Нахичевани жили и работали два крупнейших азербайджанских писателя, Джалил Мамедкулизаде (Молла Насрадин) и Мамед Сеид Ордубады.

Имена этих классиков азербайджанской литературы связаны с историей родной земли, с борьбой народа за лучшую, светлую жизнь.

«Когда я первый раз в жизни открыл глаза, то увидел темный мир, а в этой темноте услышал «Аллах — Акбер, Аллах — Акбер», и меня будил каждое утро крик отца «Аллах—Акбер».

Так писал Мамедкулизаде, вспоминая прошлое города Нахичевани, где он родился в 1869 году. Это был темный мир, и с этим миром повел борьбу человек, впоследствии ставший азербайджанским Салтыковым-Щедриным.

Десять лет прожил будущий писатель в деревне Неграм, обучая грамоте детей, изучая жизнь крестьян, и эти наблюдения определили характер его творчества: он стал сатириком, бичуя в своих произведениях религиозные суеверия, кулацкую алчность, бесправие женщин и рабскую покорность мужчин.

Известная повесть Мамедкулизаде «История Денабашского селения» написана на основании неграмских наблюдений. В этой повести, имеющей много общего с «Пошехонской стариной» Салтыкова-Щедрина, писатель изобразил мрачную жизнь тогдашней деревни, где царствовали мироеды, муллы, учителя, обучавшие ребят не на родном, а на арабском и фарсидском языках.

Революция 1905 года целиком захватила Мамедкулизаде. Он начал издавать сатирический журнал, названный им «Молла Насрадин». С тех пор этот журнал выходил до 1932 года. Менялись мишени, по которым вел свой огонь Мамедкулизаде, но цель его была одна: бичевать врагов своего народа, пробуждать революционное сознание своих земляков, звать их к новой жизни.

В селении Неграм, где жил Мамедкулизаде, теперь находится крупнейший и богатейший в республике колхоз, владеющий 2500 гектарами земли.

В Неграме еще цела маленькая школа, в которой Мамедкулизаде разговаривал со своими учениками не на фарсидском, а на родном, азербайджанском языке. А рядом возвышается большое каменное здание новой школы-десятилетки. И тут же, в больнице, работает фельдшером дочь писателя Минавар Мамедкулизаде...

Ежегодно из районов республики прибывают в Нахичеванский учительский институт новые группы молодежи. Из далекого горного селения приехали Ибрагим Багиров и Зейнаб Мамедова, ныне студенты 2-го курса исторического факультета.

В шестидесяти километрах от селения Неграм раскинулся второй по величине город в республике — Ордубад. Тенистые улицы поднимаются в гору и сходятся у небольшой уютной площади, над которой нависли ажурные балконы белых домов.

Этот прекрасный старинный городок осенью засыпан фруктами, которые свозят колхозники на консервный завод. Производительность этого отлично оборудованного предприятия большая — сотни тысяч банок разнообразных варений.

Но главная достопримечательность Ордубада — шелкомотальная фабрика. Здесь и сейчас работает старейший мотальщик Мамед Гусейн Гафаров, хорошо помнящий то время, когда фабрика принадлежала местному богатею.

Легко и неутомимо мелькают в воздухе руки старого мастера, и кажется, что он вытягивает нить из самого воздуха, из солнечных лучей, и легкий танец коконов в горячей воде как будто не имеет к этому никакого отношения. Но стоит вглядеться пристальней, и можно заметить, как легкие паутинки нитей отделяются от коконов и сливаются под пальцами мотальщика в одну бесконечную, сверкающую струнку.

Мамед Гафаров хорошо помнит круглолицего мальчика, стоявшего вместе с ним у дышащих горячим паром станков. Теперь его книги — «Тавриз Туманный», «Меч и перо» — можно встретить в любом азербайджанском доме. Первые его произведения были созданы вот здесь, в цехах этой старой фабрики:

«Мы боимся всего,
Наш хлеб висит на одной нитке.
Они нас вызывают на работу, когда еще звезды сияют,
И не пускают домой, пока весь город не заснет».

Эти стихи, написанные Мамедом Ордубады, шептали изможденные запарщики, бросая коконы в кипяток.

Депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР Мамед Сеид Ордубады живет в столице Азербайджана — Баку, но каждое лето он приезжает в родной городок и заходит на старую фабрику, где некогда начинал свой жизненный путь и где теперь рабочие не боятся, что каждый миг может оборваться нить их жизни...

Позади суровая зима, позади уже и горячая посевная страда. С открытой душой и светлым сердцем встречают колхозники Неграма, рабочие и садоводы Ордубада, нахичеванские солекопы, шахбузские овцеводы, студенты и врачи, поэты и ученые большую радостную дату — 25-летие своей республики.

Вместительный зал клуба колхоза имени Первого Мая заполнен зрителями. С живым интересом следят они за игрой приехавших к ним артистов Нахичеванского театра.

Апрель. Нахичевань.

МОЛОДЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ

Беседа с министром высшего образования СССР С. В. КАФТАНОВЫМ

В высших учебных заведениях СССР начался выпуск молодых специалистов. Завершается учебный год, развертывается подготовка к новому приему студентов.

Выпуск нынешнего года — самый крупный за все время существования советской высшей школы. Только университеты и педагогические институты оканчивает в нынешнем году около 60 тысяч специалистов. Высшие технические и сельскохозяйственные учебные заведения пошлют на предприятия много тысяч инженеров различных специальностей, агрономов, механизаторов, зоотехников, мелиораторов. Около 140 тысяч воспитанников советской высшей школы выйдут на широкую дорогу творческой деятельности. Они полны стремления сразу же пойти в гущу жизни, приложить знания, приобретенные за годы учебы, к практической работе на заводах и фабриках, в сельском хозяйстве. Руководители предприятий, партийные и комсомольские организации призваны создать для новых специалистов необходимые условия, чтобы они с первых же дней своей самостоятельной работы могли включиться в творческую жизнь коллектива, стать полезными людьми.

Как и в прошлом году, высшие учебные заведения Советского Союза пополняются почти 200-тысячной армией юношей и девушек, поступающих на первый курс. Комплектование высшей школы — дело большой государственной важности. В нынешнем году этому вопросу следует придать особое значение. Многое должны сделать руководители, педагоги и прежде всего комсомольские организации средних школ. Надо с любовью, с большим тактом помочь выпускникам этих школ правильно выбрать будущую профессию, учитывая и особенности того или иного вуза и наклонности учащегося, его способности, подготовку. Значительная роль в этом принадлежит и родителям. Выбор будущей профессии — серьезная веха в жизни советской молодежи.

Растущее народное хозяйство требует, чтобы мы обратили особое внимание на комплектование вузов, готовящих специалистов для горной промышленности, и на комплектование педагогических учебных заведений, где план приема не выполняется.

Серьезно повысить качество подготовки специалистов нельзя без всемерного улучшения идейно-политического воспитания подрастающего поколения интеллигенции. Воспитание молодых специалистов в духе беззаветного служения делу партии Ленина—Сталина, делу коммунизма — важнейшая задача высшей школы. Все методы воспитания молодежи подчинены единой цели — формированию нового человека, свободного от пережитков старого мира, активного борца за победу коммунизма, стойкого, бодрого, не боящегося трудностей, умеющего мужественно преодолевать их.

Постановка идейно-воспитательной и культурно-массовой работы среди студентов из года в год улучшается. Появилось немало новых интересных и весьма эффективных форм этой работы. Так, широкое распространение в вузах Советского Союза получило составление студентами рефератов на актуальные общественно-политические темы. Там, где руководители институтов серьезно подошли к этому интересному и полезному начинанию, достигнуты крупные успехи. Пример в этом показывает Московский энергетический институт имени В. М. Молотова, где за последний год студенты-комсомольцы написали сотни рефератов, многие из которых представляют собой серьезную разработку той или иной темы. Такое же положение и в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Похвальное распространение получили диспуты о лучших произведениях советской литературы и искусства. Эти диспуты раскрывают перед студентами во всей полноте образ человека сталинской эпохи, красоту его характера, величие его интересов и чаяний, способствуют высокоидейному воспитанию студенческой молодежи.

Во многих вузах страны стало традицией проведение комсомольских студенческих собраний с обсуждением вопросов коммунистической морали, этики, дружбы, с обсуждением, каким должен быть советский студент, советский инженер, врач, педагог.

В последние годы широкое развитие приняла научная деятельность студентов. Многие вузы проводят научные студенческие конференции. Только в Москве существует свыше 50 студенческих обществ и более тысячи кружков, в которых ведут активную исследовательскую работу около 20 тысяч студентов.

Советская высшая школа придает важное значение привлечению студенчества к участию в работе научно-технических кружков и обществ. Эта работа — необходимая ступень на пути к самостоятельному труду. Студенты, занимающиеся научной работой, пополняют аспирантуру, которая готовит молодых советских ученых.

В настоящее время в аспирантуре вузов обучаются 10 тысяч будущих ученых.

Недавно в «Правде» было опубликовано письмо ленинградских ученых на имя товарища Сталина. Научные работники ленинградских вузов — Политехнического института имени М. И. Калинина, Технологического института имени Ленсовета, Инженерно-экономического института имени В. М. Молотова — и других научных коллективов выступили с обязательствами помочь промышленности Ленинграда осуществить программу послевоенной сталинской пятилетки.

Обращением ленинградских ученых положено начало новому движению за творческое содружество работников науки и производства — содружество, направленное на дальнейший технический прогресс народного хозяйства СССР.

Эта благородная, глубоко патриотическая инициатива подхвачена учеными Москвы, Свердловска, Куйбышева, Казани, Томска и других городов, а также рабочими и инженерно-техническими работниками промышленности Советского Союза.

Советские ученые не составляют замкнутой касты. Творческий союз ученых и рабочих приносит хорошие плоды. На московских заводах «Серп и молот» и «Динамо» успешно внедряются технические усовершенствования, предложенные Московским институтом стали имени Сталина; благодаря этому достигнута значительная экономия металла, снизились брак и себестоимость продукции. Плодотворно сотрудничают с предприятиями столичных заводов ученые Московского высшего технического училища имени Баумана. Новая обработка шариков, изобретенная профессором Кованом вместе с инженерами 1-го подшипникового завода имени Л. М. Кагановича, обеспечила увеличение производительности и снижение себестоимости продукции.

Предложения ученых московских вузов, внедренные в производство, дали крупный экономический эффект. Один лишь завод «Металлист» получил свыше 600 тысяч рублей экономии. Ученые вузов сконструировали для московского карбюраторного завода новый тип карбюратора, установленный теперь на автомашине «ГАЗ-54»,— это сэкономило стране тысячи тонн бензина. Благодаря помощи коллектива научных работников Московского инженерно-экономического института завод «Калибр» сумел добиться досрочного выполнения своих производственных планов, значительно снизил себестоимость и получил большую сверхплановую прибыль.

Творческое содружество работников науки и производства дает образцы смелого новаторства и высшего мастерства, новые формы социалистического труда, знаменующие стирание граней между трудом умственным и физическим, ускоряет движение нашей Родины к коммунизму.

Союз науки с производством, несомненно, приведет к улучшению качества учебного процесса в вузах, обогатит научных работников знаниями насущных нужд и задач, стоящих перед промышленностью, намного повысит качество подготовки специалистов, актуальность разрабатываемых кафедрами научных работ.

Готовясь к новому учебному году, Министерство высшего образования ведет большую работу по улучшению учебных планов и программ, добиваясь, чтобы они полностью отвечали уровню, которого достигла современная передовая наука, чтобы преподавание было пронизано большевистской партийностью, непримиримостью к буржуазным теориям в науке, борьбой с реакционной буржуазной идеологией. Серьезная работа ведется также по созданию высококачественных учебников, по укреплению профессорско-преподавательских кадров вузов, особенно периферийных.

В своей исторической речи на предвыборном собрании 9 февраля 1946 года вождь большевистской партии и советского государства товарищ Сталин начертал перед советским народом величественную программу экономического и культурного развития страны на ближайшие пятнадцать лет. Для успешного осуществления этой программы понадобятся сотни тысяч новых инженеров, врачей, учителей, агрономов, экономистов и других специалистов.

Своими успехами советская высшая школа обязана тому исключительному вниманию, какое повседневно оказывается делу высшего образования со стороны большевистской партии, правительства, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Условия жизни и учебы советского студенчества, окруженного заботами народа, большевистской партии и правительства,— тот идеал, к которому стремится и за который борется прогрессивное студенчество мира.

В буржуазных странах условия обучения в высшей школе фактически закрывают трудящимся дорогу к высшему образованию. Так, например, из доклада американской правительственной комиссии по вопросам высшего образования, адресованного Трумэну, известно, что в вузах США установлена высокая плата за обучение, процветает жесточайшая расовая и политическая дискриминация, почти полностью закрывающая доступ в высшие учебные заведения детям трудящихся, неграм, а также лицам, подозреваемым в воззрениях, не совпадающих с установками Уолл-стрита. Из-за материальных лишений, возникающих в результате роста цен и вследствие высокой платы за обучение, многие студенты, в том числе и ветераны войны, вынуждены были в последнее время оставить вузы.

Не лучше положение в Англии и Франции.

Стоит ли говорить о том, что в колониальных и зависимых странах студенты сталкиваются с еще большими затруднениями?

Антидемократический, реакционный характер буржуазной высшей школы проявляется не только в фактическом лишении трудящейся молодежи возможности получить высшее образование, но и в самом содержании обучения и воспитания. Вдалбливание ложной идеи незыблемости и вечности капиталистического строя, пропаганда неофашистского бреда о мировом господстве англо-саксонской расы, распространение псевдонаучных идеалистических теорий — вот что составляет идейные основы буржуазной школы.

Советский народ с чувством законной гордости повторяет слова В. М. Молотова: «Пусть объявится такое капиталистическое государство, которое захотело бы потягаться с Советским Союзом в области подъема культуры страны!». Такого государства в мире нет!

Теперь, когда социализм в СССР из мечты человечества стал завоеванной действительностью, явью, когда советский народ решает задачу постепенного перехода от социализма к коммунизму, особенно ярко видно, что наша советская, социалистическая культура — самая передовая в мире.

Далекая станция

Евгений РАТНЕР

Мы выходим на ярко освещенный электричеством пустынный перрон. Бросаются в глаза большие часы на здании вокзала. 2 часа 41 минута. Глубокая ночь. Вокруг все потонуло в темноте. Станция кажется маленьким светлым островком в необъятном черном океане. С грохотом, быстро удаляясь, ныряет в этот океан поезд. На какое-то мгновение охватывает чувство тоскливого одиночества.

Мы обмениваемся крепкими рукопожатиями с дежурным по станции Янисом Талле, широколицым, широкоплечим, коренастым латышом.

— Горячие часы сейчас...— говорит он.

Я удивленно гляжу на дежурного, не понимая, шутит ли он или говорит всерьез. Какая может быть работа теперь, в глухую ночь, на этой маленькой станции?

Тишину неожиданно разрезает высокий, пронзительный гудок паровоза. Талле открывает семафор.

— Сборный состав пришел,— бросает он.

Яркий сноп лучей бежит впереди приближающегося к станции поезда. Рядом с Талле появляется старший весовщик Карлис Пудурис.

— Забираем 15 вагонов порожняка, 7 с грузом, прицепим 14 наших груженых,— говорит ему Талле.

Мы идем к только что прибывшему длинному составу. Освещая фонарями вагоны, предназначенные для отцепки, дежурный и весовщик внимательно осматривают их.

Откуда-то появляется еще один человек с фонарем.

— Товарищ дежурный, у меня все в порядке, могу начинать,— говорит он, слегка растягивая слова, и уходит.

— Это наш составитель Ансис Теле. Стахановец! — с гордостью объясняет Янис Талле.— Посмотрите, как он будет расформировывать состав. Вагоны, которые должны остаться у нас, в Стенде, находятся в различных местах состава. Значит, нам нужно расформировать поезд, передвинуть прибывшие к нам вагоны на те пути и к тем тупикам, где их будут разгружать или нагружать. Раньше на такую операцию у нас уходила масса времени, а теперь Теле по-стахановски, за 20—30 минут, справляется.

Между тем Ансис Теле уже успел разбить состав на две части. Паровоз захватил группу вагонов, прошел с ними сотню метров, по сигналу Ансиса дал толчок — и два вагона, отделившись от других, покатились вперед и через стрелку перешли на соседний путь. Паровоз сразу же подхватил остальные вагоны, снова по сигналу Ансиса прошел несколько десятков метров, опять дал толчок — и один вагон покатился на следующий путь; потом к первым двум вагонам пошли еще два...

Наблюдая за Ансисом Теле, мы видим, как скупы его жесты, как точны его сигналы и распоряжения.

Около нас снова появляется Янис Талле. Чувствуется, что это человек, который может быстро завоевывать симпатии окружающих. Он полон энергии и хорошей, веселой бодрости.

— Любуетесь?— спрашивает он.— Да, такой работой можно залюбоваться! В особенности, если вспомнишь, как прежде паровоз, маневрируя, суматошно метался по путям. Сколько напрасно тратилось времени, угля!..

Слова Яниса заглушает пронзительно вибрирующий паровозный дискант.

— Вишь, как храбро «самовар» заливается...— ухмыляется Талле.

— Какой «самовар»?— удивляюсь я.

— У нас так паровоз узкоколейки называют. К нам ведь примыкают узкоколейные линии. От самого моря, из рыбачьих поселков Месрагса и Рои, от Вентспилса, через леса, тянутся они к нам.

Мы обходим здание вокзала и останавливаемся перед длинным составом. Миниатюрный паровозик устало пыхтит, окружая себя пепельными облаками пара. За ним тянется вереница вагончиков, груженных распиленными стволами сосен — крепежным лесом для донецких шахт.

— Привет, Андерсен!— кричит Талле машинисту, высунувшему голову из оконца паровозика.— Сколько привез?

— Как всегда, 110.

— Смотри, не надорвись!— шутливо замечает ему Талле.— Тяжеловес,— говорит он нам, кивая головой в сторону паровоза.— Может быть, это слишком громкое слово для нашего «самовара», но факт остается фактом. Его норма — 75 тонн, а берет, сами слыхали, 110. И без ремонта Андерсен уже наездил на нем больше 40 тысяч километров. К утру еще приведут свои составы Янсонн, Пухальский. Уверяю вас, они ни в чем не уступят Андерсену. Эти парни соревнуются между собой.

Генерал-директор движения 3-го ранга профессор С. П. Бузанов беседует с работниками станции Стенде. Слева направо: дежурный по станции старший лейтенант службы движения Я. А. Викшерис, составитель поездов А. Ф. Теле, главный кондуктор К. К. Вейде, профессор С. П. Бузанов, старший весовщик К. Я. Пудурис и дежурный по станции техник-лейтенант службы движения Я. П. Талле.

Фото Б. Федосеева (ТАСС)

Узкоколейные вагончики становятся борт о борт с большими вагонами, предназначенными для погрузки. Весовщик Карлис Пудурис мелом выводит на них большими буквами: «Сталино», «Горловка», «Макеевка». Потом он подходит к, видимо, ожидающей его группе грузчиков, пристально оглядывает ее и глуховатым голосом произносит:

— Я вижу среди вас новичков.

— Есть несколько! — раздаются голоса.

— А им объяснили, как и на кого мы работаем?

— Был такой разговор,— за всех отвечает невысокий, широкоплечий мужчина. — Насчет Донбасса и угля был разговор: что хотя Донбасс от нас и далеко, а дело у нас с шахтерами общее: чем больше мы им крепежа пришлем, тем больше они угля выдадут.

— А насчет соцсоревнования со станцией Даудзава рассказали?

— И об этом шла речь. Разребята вместе с нами работают, значит, чтоб никакого подвоха. Грузить беспрокладочным способом, чтобы каждый вагон больше в Донбасс крепежа повез. Пояснили, что об этом и договор с Даудзавой у нас подписан и что стендовцы покамест ни у кого в хвосте, так сказать, не плелись.

— Ребята понятливые, но дошел ли этот разговор до них или только ушей коснулся? — не унимается Карлис Пудурис.

— Дошел! Поняли!— раздается несколько голосов.

— Тогда можем начинать,— удовлетворенно произносит Карлис Пудурис.

Через пару минут приступают к погрузке крепежного леса. Я слышу, как один из грузчиков-новичков говорит товарищу:

— Дотошный, видать, дядька, этот весовщик!

— Он не только весовщик,— доносится ответ,— он общественный человек,— агитатор, председатель месткома. Человек правильный, о деле заботливый...

Людской гомон плывет от тупиков, где разгружают вагоны. Мы подходим к платформе, у которой стоят грузовики. Работа идет полным ходом. Одни машины наполняются какими-то мешками, ящиками, другие — суперфосфатом.

— Для кого это?— спрашиваю я одного из грузчиков.

Тот останавливается, удивленно смотрит, ухмыляется.

— Известно, для кого,— для себя, конечно!

— Как для себя?

— Да очень просто, для колхоза нашего. Здесь многие колхозы Талсинского уезда удобрения получают. А то — для лавок продукты, материалы разные. Говорят, даже с Кавказа фрукты привезли. А там дальше — тракторы из Харькова для нашей МТС прибыли, новенькие.

Кипучая жизнь этой, казалось бы, глухой станции захватывает нас, но вездесущий Янис Талле говорит решительно:

— Время позднее, пора и об отдыхе подумать.

II

Просыпаемся мы рано и вместе с электромонтером узкоколейки Арвидом направляемся в депо.

Утро ясное, голубое. Ранний ветерок так старательно подчистил небо, что на нем ни облачка. Вот только у станции, над путями, вьются тучки паровозного дымка — пришел новый сборный состав.

У вокзала встречаем Яниса Талле, заканчивающего дежурство.

— Много вагонов одного только леса погрузили и отправили за сутки,— говорит он, сильно втягивая носом воздух, словно нюхая его.— Весна! Того и жди, скоро даже на стрелках цветы распустятся,— Янис смеется громким, заразительным смехом.

Продолжая путь в депо, мы идем вдоль колеи, где стоит сверкающий свежей краской пассажирский поезд узкоколейки.

— Наши вагончики! Сами делаем,— говорит электромонтер Арвид Аустер, проводя рукой по одному из них.— Вы думаете: раньше здесь депо тоже выпускало вагоны? Ничего подобного!..

Депо небольшое, вернее, просто маленькое. Знакомимся с его начальником Теодором Штельмахером, с токарями Артуром Фрейманисом, Янисом Миллером, мастером Петром Стапкевичем и другими. С гордостью говорят они о том, что депо за прошлый год сэкономило государству свыше полумиллиона рублей. Здесь немало рабочих, выполнивших и перевыполнивших свои пятилетки, есть среди них изобретатели, рационализаторы.

От Теодора Штельмахера мы узнаем, что Арвид Аустер — один из лучших стахановцев, уже завершивший программу пяти лет. Начальник депо рассказал и о коммунисте-токаре Артуре Фрейманисе. Во время войны Фрейманис работал в МТС на Алтае. Вернувшись домой, он первый организовал в Стенде социалистическое соревнование, первый применил здесь рационализаторские мероприятия, ускорившие ремонт отдельных деталей паровозов в пять раз. Он первый показал, как нужно работать по-стахановски.

А с какой теплотой говорит Фрейманис о Янисе Миллере!

— Знаете, какой это человек, какая у него голова, какие руки? Он все может. Он и токарь, и слесарь, и сварщик. Он вместе с начальником депо сконструировал гидравлический пресс для насадки колес на оси вагонов. Этот пресс сэкономил государству несколько десятков тысяч рублей. Янис весь отдает себя работе. Он и ульманисовскую тюрьму и гитлеровский концлагерь прошел. Теперь Янис — коммунист. Мы вместе с ним в партию вступали.

— Скажите, а не скучно вам тут живется? Вот Горький когда-то описывал одну полевую станцию...

— Знаю этот рассказ,— перебивает Фрейманис.— «Скуки ради» называется. У нас тут книжки читают. И русские и латышские. Что вам на это ответить? Я тут, в Стенде, родился и вырос. Людей здешних, как свои пять пальцев, знаю,— он задумался.— Тут в буржуазное время не просто скука была, а страшная тоска загрызала. Я уж не говорю о том, что никакой культуры, никаких развлечений не было. Вся жизнь и весь мир умещались в границах станции. А если взять каждого человека в отдельности, то его интересы были еще уже — только о личном благополучии люди беспокоились: как бы не потерять работу, прокормить семью. Кто побольше зарабатывал, у того была одна страсть — скопить деньги и построить свой дом. И никто, конечно, не думал о том, чтобы улучшить работу станции, депо. Да и кому это нужно было? В сутки здесь самое большее 4—5 вагонов грузили. А бывало, и ни одного... Но так жили те, кого в поселке называли счастливыми — кто имел хоть какую-нибудь должность. Вакансии появлялись лишь тогда, когда кто-нибудь умирал. На освободившееся место сразу появлялось десять—двадцать претендентов. Некоторых зачисляли кандидатами на должность стрелочника, телеграфиста, кассира. И, бывало, люди старились, даже умирали кандидатами.

Фрейманис вздохнул и, помолчав немного, продолжал:

— Вот возьмите хотя бы нашего составителя Ансиса Теле. Ведь только при советской власти стал он составителем. А раньше скитался в поисках всякой временной черной работы. Ему в свое время удалось гимназию окончить, и все же с каким трудом этот энергичный человек со средним образованием устроился стрелочником! Немало лет проработал простым грузчиком наш теперешний начальник депо, имея квалификацию машиниста. Нужда и горе — они были еще пострашнее тоски и скуки. А теперь? — задает сам себе вопрос Фрейманис, и его лицо сразу оживляется.— Теперь депо расширилось. Выстроен у нас новый лесопильный завод. Все люди учатся, стремятся трудиться лучше, что-то новое придумать. Где-нибудь, скажем, на Урале или на Украине, новые стахановские методы применили, а мы, как только о них узнаем, начинаем думать, мудрить, как бы и нам так сделать. А это, я вам скажу,— большое дело, когда человек мозгами раскидывает. Ему тогда скучно никогда не будет! К тому же появилась у наших людей настоящая, прямо-таки, жадность к общественной жизни. Я уж не говорю о таком, как Талле. Он техническим кружком руководит, агитатор, готовится вступить в партию. А вот возьмите Карлиса Пудуриса. Это был очень замкнутый человек, полностью ушедший в свой личный мирок. А теперь председатель месткома, один из организаторов социалистического соревнования, стахановец. Конечно, нашим коммунистам немало пришлось поработать с такими людьми.

— Ну, а вы сами? — вставляю я вопрос.

— О, мне скучать совсем нет времени! Я депутат уездного Совета, руковожу кружком по изучению истории партии, ответственный за культмассовую работу в Доме культуры, который создан только при советской власти. У нас там и кино, и концерты с участием рижских артистов, и шахматные турниры, и доклады, и лекции. Вот, кстати, сегодня прибывает к нам агитпоезд Латвийской дороги. Нет, товарищ, у нас теперь каждый чувствует, что он не только житель небольшого поселка Стенде, а гражданин Советского Союза!

III

Остановившись против здания вокзала, агитпоезд сразу же широко оповестил о своем прибытии. Из репродуктора во все концы поселка хлынули звонкие песни, бравурные марши. И быстро понеслась весть: приехали артисты, приехал ученый из самой Москвы, а с ним начальник дороги и начальник политотдела.

Герои Социалистического Труда муж и жена Винокуровы из колхоза «Заветы Ильича», Канского района, Красноярского края. Ксения Васильевна — звеньевая. Степан Маркович — бригадир полеводческой бригады колхоза.

Фото Л. Лихота

Интересно, как будет реагировать коллектив маленькой станции на приезд столь высокого для него начальства. Многие сразу же внимательно осмотрели себя: в порядке ли форма, застегнуты ли все пуговицы. Это — естественное проявление дисциплинированности. В беседе с начальством каждый держал себя с достоинством, с полным сознанием того, что он хотя и небольшой, но нужный и полезный винтик в сложном советском железнодорожном механизме.

Начальник дороги Бондаренко отправился в депо проверить ремонт узкоколейных паровозов. Начальник политотдела Граудин собрал для беседы коммунистов. Доктор технических наук профессор Бузанов пошел смотреть работу составителей, дежурного.

Наблюдая на путях за Ансисом Теле, профессор сосредоточенно вел записи. Потом он долго беседовал с составителем, задавал ему вопросы и некоторые ответы тоже заносил в блокнот.

Несколько часов пожилой ученый неутомимо ходил по станции. Через стекла очков его умные глаза, казалось, видели все. Профессор подметил, что Теле внес свое, новое в метод Гурьева, известного всем железнодорожникам составителя поездов, и с одобрением сказал:

— Вы молодец, дорогой мой! Вы расформировываете составы серийными толчками не на вытяжке с наклоном, а на прямой. Это значительно сложнее, чем у Гурьева, поэтому особенно ценна ваша инициатива. Нужно ваш опыт передать на другие станции.

Профессор совместно с весовщиком Карлисом Пудурисом подсчитывает, что организованная последним беспрокладочная погрузка леса высвобождает в сутки почти два вагона для дополнительной погрузки, и оба они обнаруживают резервы для дальнейшего улучшения работы узкоколейки. Потом ученый собирает стрелочников, составителей, дежурных по станции и до самого вечера беседует с ними о сокращении маневровой работы со сборными поездами.

— Светлая голова,— говорит мне Янис Талле.— За несколько часов словно целый университет с ним прошел. Профессор, доктор наук — и на нашей маленькой станции! Вот какая жизнь у нас.

...Вечером мы сидим в переполненном зале Дома культуры. Весь поселок собрался на концерт. На сцене выступают участники художественной самодеятельности Рижского узла. Плавные латышские песни сменяет бурная пляска, звучат стихи Маяковского и Судрабкална, за шуточными частушками следуют сцены из советских оперетт...

Ночью я выхожу на станцию. Как и вчера, она ярко освещена электричеством. Но теперь станция не кажется одиноким светлым островком в океане тьмы. Все вокруг живет, неутомимо трудится. А тот, кто ложится в этот час в постель, засыпает с мыслями о завтрашнем дне больших работ.

ЗА НАШУ ДРУЖБУ, ЗА НАШЕ БУДУЩЕЕ!

Письмо рабочим города Лученец в Чехословакии

Рабочие московского завода «Динамо», вручившие знамя чехословацким рабочим, И. С. Лычкин (слева) и Г. И. Бокалдин.

Фото О. Кнорринга

Дорогие товарищи! Мы прочитали в первомайском номере журнала «Огонек» корреспонденцию из вашего города и решили написать вам. То, что мы узнали, глубоко взволновало нас, потому что речь идет о самом дорогом для рабочего человека — о верности нашему красному знамени, нашим великим коммунистическим идеям.

Два десятилетия прошло с тех пор, как мы, рабочие московского завода «Динамо», преподнесли вашей делегации, приехавшей в Москву, наше боевое знамя. Срок немалый. Но забыть об этой встрече мы не могли и, конечно, не забыли. Часто вспоминали вас, Игорь Любчиш, вспоминали старого металлиста Шрамека и других ваших товарищей. Часто спрашивали себя: что с вами, где наше знамя? Сумели ли вы его сберечь или оно попало в руки врага? И вот мы прочли о том, как в тяжелые годы фашистской оккупации, рискуя жизнью, вы сохранили знамя. Вы назвали его знаменем борьбы и дружбы. Верно! Поэтому-то нам особенно радостно, что оно сохранено — это пробитое пулями знамя нашего родного завода.

В черные годы фашистского режима оно вдохновляло вас на борьбу с врагами. Мы понимаем ваше волнение, товарищ Любчиш, когда вы рассказывали о том, как это знамя развевалось на ветру над городской ратушей, как оно взвилось над баррикадами навстречу нашей Советской Армии. Оно звало вас к борьбе с врагами за светлое будущее, за счастье ваших детей.

Мы читаем рассказ Игоря Любчиша о том, как пытали его сына Ондрея Любчиша и как Ондрей погиб, унося с собой в могилу имена товарищей, которым было доверено беречь знамя, читаем и говорим: товарищ Любчиш, мы гордимся тем, что вы, старый чешский рабочий, воспитали своего сына настоящим патриотом! Мы перечитываем те строки, где рассказывается о подвиге старого честного пролетария Шрамека. Шрамек не проронил при пытках ни единого слова и сделал все, что было в его силах и даже выше его сил, чтобы сохранить знамя московских рабочих. Слава ему! Он умер, как верный сын рабочего класса, как патриот своей родины.

Мы гордимся подвигом героев Лученца. В нашей стране, воспитавшей таких героев-патриотов, как Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, Николай Гастелло, умеют ценить геройство во имя родины, во имя великого дела освобождения трудящихся.

Многотысячный коллектив рабочих завода «Динамо» склоняет свои головы перед памятью Ондрея Любчиша, старого металлиста Шрамека и всех тех, кто, не щадя своей жизни, погиб в борьбе с врагами вашей родины.

Дорогие друзья! Мы живем и работаем в советской, социалистической Москве, которую народы называют знаменосцем мира, знаменосцем всего передового, прогрессивного человечества. Мы с большой радостью читаем в газетах сообщения из Праги о могучем росте вашей страны, о вашем победном движении вперед, к социализму. Наша дружба скреплена кровью наших павших героев, и никогда никому не удастся эту дружбу поколебать.

За два десятилетия, что прошли с тех пор, как приезжала в Москву делегация рабочих Чехословакии, у нас многое изменилось. Вы помните, товарищ Любчиш, Рогожско-Симоновский район, где находится наш завод? Теперь район называется Пролетарским. Здесь появились новые улицы с многоэтажными домами и благоустроенными квартирами для нас, рабочих завода «Динамо». Здесь построен Дворец культуры, сюда проведено метро. Наш завод с того времени, что вы у нас были, вырос во много раз! Он обогатился многими светлыми корпусами, тысячами новых машин. Если бы вы снова побывали на нашем заводе, вы бы его не узнали. Теперь мы изготавливаем оборудование для электровозов, метрополитена, автобусов, трамваев, троллейбусов. Нам не приходится краснеть перед нашим народом за свою продукцию. План из месяца в месяц перевыполняется. Переходящее красное знамя Совета министров СССР вот уже три раза подряд присуждается нам. Вместе с заводом выросли люди, вырос весь наш коллектив.

Оба мы, пишущие это письмо, кадровые рабочие завода «Динамо». В 1928 году, когда приезжала ваша делегация, я, Иван Сергеевич Лычкин, работал токарем и был членом заводского комитета. Потом я стал мастером, а затем начальником цеха. Два моих сына, Борис и Сергей, погибли на фронте в боях за Родину.

Я, Георгий Илларионович Бокалдин, который, как председатель завкома, от имени всего коллектива «Динамо» вручал вашей делегации знамя, работал в то время модельщиком. Сейчас я старший диспетчер.

Светлой памяти товарищ Шрамек спрашивал меня, Бокалдина, где учатся мои дети, кем они смогут стать после учебы. Я ответил тогда, что они смогут в Советской стране стать тем, кем захотят. Прошло двадцать лет, и я могу сообщить вам, друзьям старого металлиста Шрамека, что старшая моя дочь стала юристом, а младшая — инженером. Перед детьми рабочего в нашей стране раскрыты все пути к счастливой жизни.

Может быть, вы помните модельщика Гаврилу Заболоцкого и обмотчика Сергея Миронова? Без отрыва от работы они оба окончили институт и стали инженерами. Мы могли бы назвать имена десятков и сотен рабочих нашего завода, прошедших такой же путь. Когда ваша делегация приезжала на наш завод, Иван Георгиевич Кабанов работал у нас инженером. Сейчас он министр электропромышленности СССР.

Мы много работаем, много изобретаем. Среди наших новаторов, стахановцев немало бывших солдат Советской Армии, прошедших путь от Сталинграда до Берлина и участвовавших в освобождении вашей Праги. Борис Лукахин, летчик, последние дни войны отгонял от Праги вражеские самолеты. Теперь он токарь. Михаил Баранов был танкистом, ныне он слесарь-сборщик. И Луньков, и Лаврухин, и Петрунькин, и другие воины, освобождавшие вашу землю, теперь строят коммунизм.

Весь наш народ занят мирным трудом. Англо-американские империалисты готовят новую войну. Мы хотим мира, мы не хотим войны. Империалистам ее трудно будет начать, если мы и впредь будем крепить нашу дружбу, если мы будем бдительно охранять мир.

Мы читали книгу Юлиуса Фучека, которого у нас в стране глубоко уважают за железную волю, благородное сердце и светлый ум. Он говорил: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!» Пусть эти слова вашего национального героя, замученного фашистами, помнит каждый!

В дружбе народов, в солидарности миллионов простых людей во всем мире наша могучая сила.

Московский завод «Динамо», на котором мы работаем, носит теперь имя Сергея Мироновича Кирова, одного из ближайших друзей и соратников великого Сталина. Нам хочется закончить это письмо словами Кирова, этого пламенного большевика-трибуна, советского патриота:

«Будущее принадлежит той эмблеме труда, которая нарисована на наших знаменах, с которыми мы вышли в Октябрьскую революцию, будущее принадлежит серпу и молоту».

Пусть же крепнет наша дружба, товарищи, в которой залог победы великого дела, дела коммунизма!

Иван ЛЫЧКИН,
Георгий БОКАЛДИН.

Москва. Завод «Динамо».

«Кем быть?»

Кого в школьные годы не волновал этот радостный и в то же время тревожный вопрос? Кем быть: строителем, историком, конструктором, учителем, летчиком, лингвистом, геологом, врачом?.. Безграничные возможности открыты перед советскими юношами и девушками. Любая профессия доступна, любая профессия почетна в нашей стране.

Не всегда десятиклассник может сам найти свое призвание. И тогда к нему на помощь приходят мудрые старшие друзья-ученые, преподаватели вузов, учителя.

Залы Московского политехнического музея заполнились оживленными группами молодежи. Это ученики десятых классов. Сегодня они пришли в музей на традиционную ежегодную экскурсию-консультацию «Кем быть?»

За столиками, установленными в комнатах музея, сидят представители вузов столицы — доктора и кандидаты наук, профессоры и доценты. На этот раз они выступают в необычной для них роли экзаменуемых, едва успевают отвечать на многочисленные вопросы, которые сыплятся на них со всех сторон.

Группа девушек обступила доктора технических наук лауреата Сталинской премии Г. А. Шаумяна. Ученый рассказывает школьницам о Московском ордена Трудового Красного Знамени Высшем техническом училище имени Баумана.

Кандидата геологических наук М. В. Гзовского окружили таким тесным кольцом, что пробраться к нему почти невозможно. Увлекательно рассказывает Гзовский о трудной, но интересной жизни геолога-разведчика, жизни, насыщенной напряжением, опасными приключениями, но всегда радостной, полной вдохновенного труда.

Многие институты выставили стенды с фотографиями, отображающими не только учебно-методическую работу, но и быт студентов, занятия в кружках, спортивную жизнь.

В. ВАСИЛЬЕВ

ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА СВОБОДНОЙ ВЕНГРИИ

В Центральном парке культуры и отдыха в Москве открылась промышленная выставка Свободной Венгрии.

Напротив входа в павильон большое панно, изображающее вступление в Венгрию Советской Армии-освободительницы. Это панно как бы символизирует новую жизнь венгерского народа, первые шаги молодой демократии, идущей к социализму при дружеской помощи и поддержке великого Советского Союза.

Многочисленные экспонаты выставки являют собой своеобразный отчет об успешном выполнении Венгерской республикой трехлетнего плана развития народного хозяйства. В начале осуществления плана — к 1 августа 1947 года — продукция промышленности Венгрии составляла всего 65 процентов довоенного уровня, а к началу 1949 года этот уровень был превышен на 20 процентов. Венгерский народ, руководимый партией трудящихся, успешно борется за выполнение трехлетнего плана в 2 года и 5 месяцев.

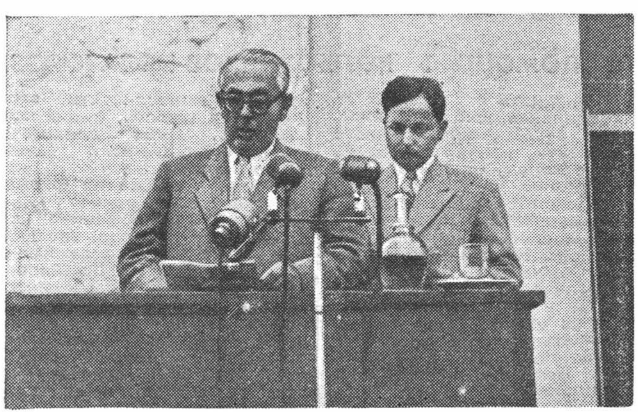
На стендах выставки посетители видят макеты, фотоснимки, диаграммы, таблицы, характеризующие строительство новых предприятий тяжелой индустрии: крупной электростанции, заводов и т. д. Дизели, электромоторы, компрессоры, роторы турбин, металлорежущие станки, электроосветительная, телефонная и радиоаппаратура — все это свидетельствует о высокой технической культуре венгерских предприятий, ставших ныне достоянием народа, о растущем с каждым годом ассортименте их продукции. С большим мастерством исполнены модели теплохода, дизельэлектрохода, автобуса, трамвая и дизельного поезда, которые выпускаются сейчас заводами и верфями демократической Венгрии.

В Венгрии имеются большие запасы бокситов. Широкое использование их и развитие алюминиевой промышленности стали возможными только теперь, после освобождения страны от влияния иностранного капитала, в условиях планового хозяйства. Среди многочисленных изделий из алюминия особый интерес представляет легкая изящная мебель, по внешнему виду ничем не отличающаяся от деревянной.

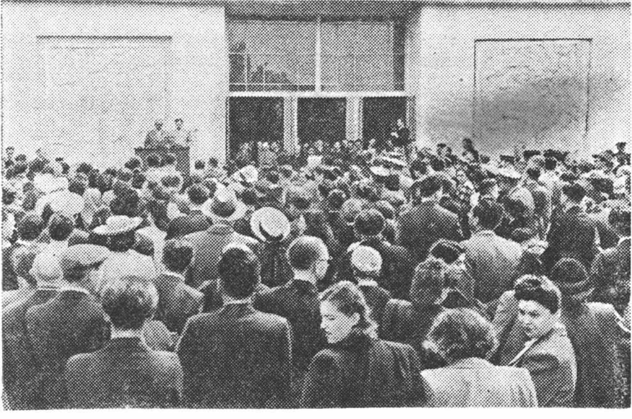
На выставке демонстрируется также продукция пищевой и легкой промышленности: знаменитые венгерские вина, пользующиеся мировой славой, высококачественные изделия из цыгейки. Широко представлены кустарные промыслы крестьян, в том числе широко известный херендский фарфор.

Многочисленные плакаты и фотоиллюстрации показывают жизнь венгерских трудящихся, свободных от гнета капитала: строительство новых жилищ, работу школ, больниц, санаториев, детских учреждений.

Промышленная выставка Свободной Венгрии пользуется широкой популярностью среди москвичей.

Открытие промышленной выставки Свободной Венгрии. Вверху: выступление министра торговли и кооперации Венгрии г-на Ронаи Шандор. Внизу: у входа в павильон выставки.

Фото Дм. Бальтерманца

ОРДЕН СТАРОГО ПУЛЕМЕТЧИКА

Никогда раньше не приводилось бывать в Москве колхозному сторожу из села Свободное, Красноармейского района, Грозненской области, Арсентию Федоровичу Сутурмину.

Его пригласили в столицу, в Кремль, для получения правительственной награды.

И вот сидит Арсентий Федорович Сутурмин, старый колхозный сторож, в номере столичной гостиницы, и на пиджаке его сверкает новенький орден Красного Знамени, который он только что получил из рук Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. М. Шверника.

Этим орденом Арсентий Федорович Сутурмин был награжден двадцать девять лет назад, в годы гражданской войны, когда служил в 450-м стрелковом полку начальником пулеметной команды. Но в те горячие годы ему не пришлось получить боевую награду. Приказ был где-то в штабных документах. Демобилизовавшись из Красной Армии, отважный пулеметчик вернулся в родное село Чернолесское, Новоселицкого района, Ставропольского края. Был он избран председателем Ревкома, затем одним из первых вступил в артель по совместной обработке земли, как коммунист, стал зачинщиком колхозного движения — все это отвлекло его от мысли о награде.

Шли годы. Арсентий Федорович долго руководил колхозом, растил трех сыновей и дочь. Потом появились внуки, правнуки. Грянула Великая Отечественная война. Постаревший пулеметчик вступил в партизанский отряд, дрался с немцами под Прохладной и Моздоком, уходил во вражеский тыл, приносил оттуда ценные сведения о противнике.

Миновала грозная военная страда — Арсентий Федорович вернулся в родное село. Грудь его украшали три медали: «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» II степени, «За победу над Германией». Два сына погибли на войне, третий — Иван — вернулся после ранения и стал председателем сельсовета. Даже у внука появился боевой орден. Это, пожалуй, и натолкнуло Арсентия Федоровича на мысль о своей старой награде.

Вскоре Арсентий Федорович переехал на жительство к сыну, в село Свободное, Красноармейского района, Грозненской области. В колхозе имени XVII партсъезда стал он сторожем. И вот однажды он решил написать в Москву, с просьбой отыскать затерявшийся приказ об ордене.

Приказ этот от 23 июня 1920 года был обнаружен в архивах. Он гласил, что начальник пулеметной команды Арсентий Федорович Сутурмин в бою под Букатинскими хуторами близ Царицына проявил героизм. Когда солдаты 450-го полка внезапно были окружены кавалерией противника и пулеметчики, растерявшись, не открывали огня, Сутурмин повел пулеметный огонь и отбил наступавшего противника. Затем в том же бою, видя, что кавалерия противника окружила вторую роту, Сутурмин с двадцати шагов открыл огонь, снова отбил атаку противника и захватил три пулемета.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник, после вручения ордена колхозному сторожу, долго беседовал с ним о жизни колхоза, расспрашивал о его семье. Старый пулеметчик рассказал и о своей партизанской деятельности, и о сыновьях своих, и о внуках, которые сейчас служат в Черноморском флоте, работают бригадирами в МТС, электромеханиками на колхозной электростанции. Вспоминали в беседе и минувшие годы гражданской войны, когда шли бои за Царицын. Спрашивал Арсентий Федорович у Николая Михайловича, как лучше вести колхозное хозяйство, шире развить животноводство, и подробно записал все, что посоветовал ему Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

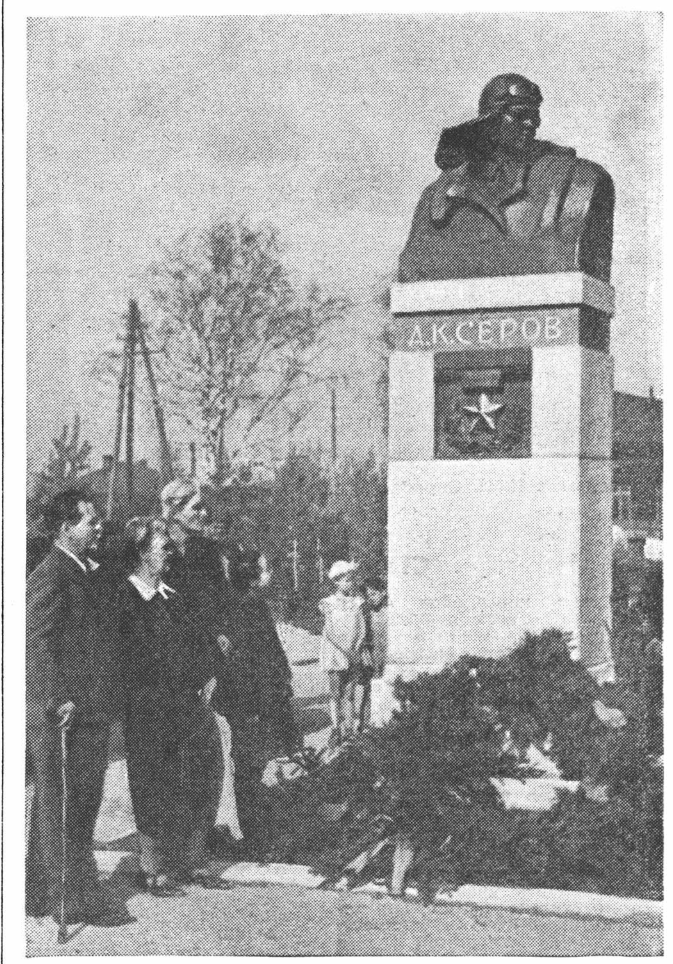
Радостный, поехал в родное село старый колхозный сторож, везя награду, заслуженную двадцать девять лет назад. С благодарностью вспоминает он внимание, с которым приняла его столица.

Я. ЛАПИН

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник вручает орден Красного Знамени А. Ф. Сутурмину.

Фото Дм. Бальтерманца

Исполнилось десять лет со дня гибели Героя Советского Союза А. К. Серова. На родине Героя, в городе Серове, состоялось открытие памятника — бронзового бюста — выдающемуся летчику. На открытие памятника собрались трудящиеся города. Из Москвы приехали родные Героя: отец Константин Терентьевич, мать Любовь Флоровна, брат Евгений Константинович.

Фото В. Коковихина

ИНТЕРЕСНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

20 мая в Московской ветеринарной академии было по-деловому оживленно и в то же время празднично: здесь происходила научная конференция Академии и передовиков сельского хозяйства Ухтомского района, Московской области. Конференция наметила конкретные меры оказания помощи колхозам и совхозам района в выполнении постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о трехлетнем плане развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства.

Помимо представителей Ухтомского района, на конференцию прибыли гости — колхозники Мытищинского, Раменского и других районов Подмосковья.

Осмотрев лаборатории и кабинеты академии, участники конференции и гости собрались в аудитории клинического корпуса. Вместе с маститыми учеными, имеющими за плечами не один десяток лет научной и педагогической деятельности, за столом президиума и в зале сидят доярки, конюхи, свинарки, зоотехники. Рядом с видным ученым страны лауреатом Сталинской премии академиком К. И. Скрябиным — заведующая молочной фермой колхоза имени Буденного Герой Социалистического Труда А. С. Клюева. Сосед заслуженного деятеля наук С. И. Афонского — председатель колхоза «Коллективный труд» Герой Социалистического Труда М. И. Ботин.

— Творческое содружество с людьми производства, — сказал, открывая конференцию, ректор академии профессор В. М. Коропов, — должно влить свежую плодотворную струю в работу нашей академии. Мы обязаны приблизить нашу тематику к практическим задачам социалистического животноводства.

Секретарь Ухтомского горкома ВКП(б) Герой Социалистического Труда В. П. Ситников рассказал об успехах в развитии животноводства Ухтомского района.

— Коллектив Московской ветеринарной академии уже оказал нам большую помощь в профилактике, в лечении больных животных, но это — только начало большой работы,—говорил тов. Ситников — Колхозники района призывают ученых еще ближе сплотиться с практиками, смелее переносить научный эксперимент на колхозную ферму.

Герои Социалистического Труда Н. М. Калинкин, М. И. Ботин, Д. И. Станиславский и другие рассказали ученым о своем опыте выращивания свиней, по кормлению и уходу за животными, по раздою коров.

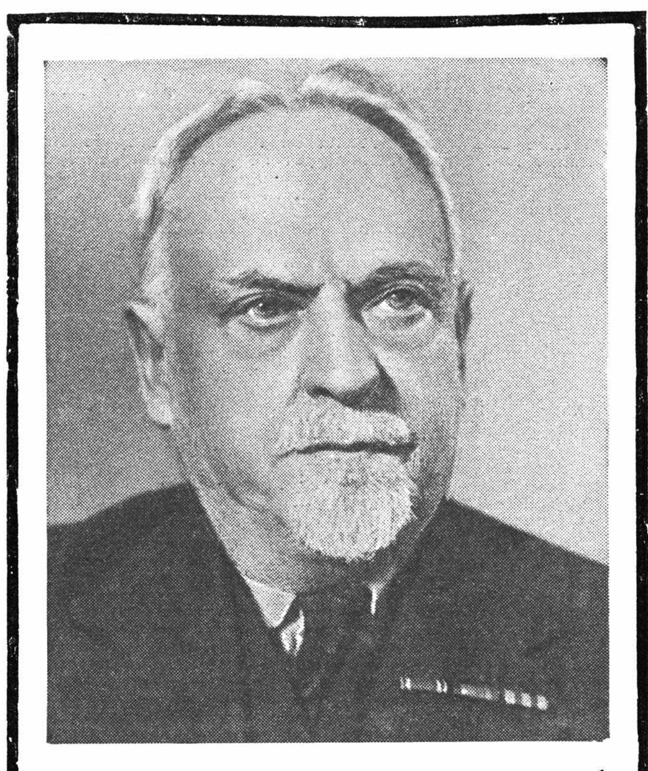
Н. М. Калинкин привел цифры, рисующие успехи колхоза имени Буденного. По численности поголовья крупного рогатого скота, свиней, лошадей колхоз далеко превзошел уровень довоенных лет.

— Эти успехи, — подчеркнул он, — далеко не предел. Но, чтобы идти вперед, нам нужна помощь ученых, так как иногда у наших людей нехватает знания теории. Поэтому я обращаюсь к вам, товарищи ученые, с просьбой: помогите нам организовать борьбу с болезнями животных, помогите улучшать селекционную работу и наладить строго научный уход за скотом.

С большим вниманием собравшиеся прослушали выступление академика К. И. Скрябина, призвавшего ученых и колхозников в творческом содружестве успешно выполнить постановление партии и правительства о трехлетнем плане развития общественного животноводства.

Ректор академии В. М. Коропов сообщил колхозникам о помощи, которую окажет коллектив академии животноводам. В ряде колхозов будет организован образцовый зоотехнический учет. Научные сотрудники устроят в колхозах 60 лекций и бесед. Ученые примут непосредственное участие в селекционно-племенной работе колхозов, помогут наладить правильное кормление скота, будут проводить консультации, оказывать хирургическую помощь. В план нового учебного года Московской ветеринарной академии включены лекции Героев Социалистического Труда — мастеров колхозного животноводства.

Б. ВАСИЛЬЕВ

18 мая 1949 года, на 75-м году жизни, скончался старейший член большевистской партии, выдающийся деятель советского здравоохранения, действительный член Академии медицинских наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР, профессор Николай Александрович СЕМАШКО. Н. А. Семашко похоронен на Ново-Девичьем кладбище в Москве.

Академик К. И. Скрябин в перерыве между заседаниями беседует с Героем Социалистического Труда А. С. Клюевой.

Фото Г. Санько

СТУДЕНТ-ЗАОЧНИК ПОЛУЧИЛ ДИПЛОМ

Среди хлеборобов Алтая хорошо известен председатель колхоза имени В. М. Молотова — Федор Митрофанович Гринько, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда. Он уже не молод, но это не помешало ему начать учебу во Всесоюзном заочном сельскохозяйственном институте.

— Время теперь у нас такое — образование требуется колхознику,— говорит Федор Митрофанович.

Пожалуй, ни в одном другом высшем учебном заведении страны возрастной состав студентов не отличается такой пестротой, как в этом институте. Среди десяти тысяч студентов сорока двух его отделений немало будущих ученых агрономов, зоотехников, плодоовощеводов, виноградарей, лесоводов, шелководов в возрасте свыше сорока, пятидесяти и даже шестидесяти лет.

В числе студентов-заочников — Герой Социалистического Труда Дмитрий Петрович Зубков (Киргизская ССР), добившийся урожая сахарной свеклы в 817 центнеров с гектара на площади 24 гектара, Герой Советского Союза Евгений Александрович Клюшников — ныне работник Черняховского горкома ВКП(б), опытный зоотехник Ливенского госплемрассадника Семен Антонович Зубко, гвардии полковник в отставке Георгий Иванович Копылов.

Теперь в селах Киевщины никто не удивляется тому, что колхозные агротехники, готовясь к зачетам, вечерами сидят над книгами академика Лысенко. В селениях Туркменистана, в горных кишлаках Памира, на чайных плантациях Грузии, на полях дальневосточных колхозов — всюду трудятся студенты Всесоюзного заочного сельскохозяйственного института.

Свыше двадцати лет существует организованная по почину академика В. Р. Вильямса система заочного высшего сельскохозяйственного образования. Много тысяч специалистов уже подготовлены заочными институтами из числа колхозников-практиков. Но никогда еще дело не принимало такого размаха, как сейчас. В ближайшие годы 20 тысяч человек получат высшее сельскохозяйственное образование заочно.

Недавно состоялся очередной выпуск специалистов, окончивших Всесоюзный заочный сельскохозяйственный институт. Перед государственной экзаменационной комиссией, в составе которой были такие видные представители советской сельскохозяйственной науки, как академики И. Якушкин, Е. Лискун, В. Бушинский, Е. Замарин, И. Василенко, с честью выдержали испытания 84 специалиста. Среди выпускников — директор Красноармейской МТС Чувашской АССР Я. Федоров, совхозный агроном из Смоленской области М. Зуев, главный зоотехник Министерства сельского хозяйства Белоруссии Ф. Журавлев и другие. Одиннадцать заочников получили дипломы с отличием.

С ПОМОЩЬЮ КОЛХОЗНИКОВ-НОВАТОРОВ

Тринадцать лет назад А. А. Капацинская, доцент Горьковского сельскохозяйственного института, начала выводить новую породу овец. Простые, неказистые, с грубой шерстью, местные овцы остались в Горьковской области от крестьянских единоличных хозяйств. Но эти овцы обладают ценными свойствами: выносливостью, неприхотливостью к кормам и плодовитостью: они дают за год по три—четыре ягненка. Эти качества решила сохранить в потомках. А. А. Капацинская

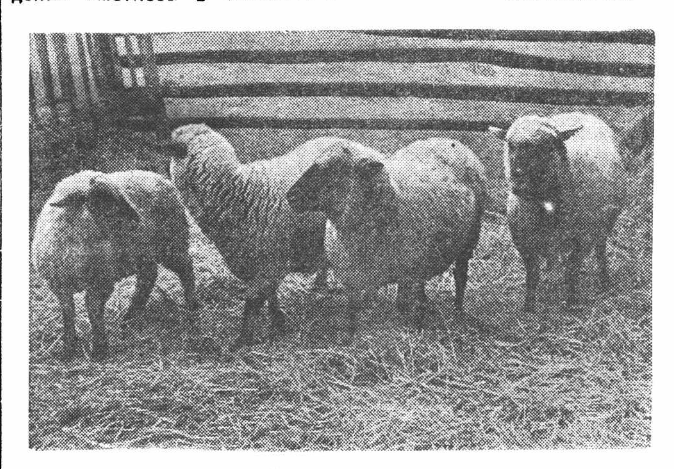
Для выведения новой породы, которая давала бы много мяса и шерсти, были выбраны племенные бараны-гемпширы. А. А Капацинская поставила перед собой задачу — создать такую породу, в которой стойкость и плодовитость местных овец сочетались бы с большим весом, скороспелостью и обилием шерсти гемпширов. Началась сложная, кропотливая работа на колхозных фермах Богородского, Павловского, Сосновского, Дальне-Константиновского районов. В первые годы появились метисы первой, второй, третьей генераций. Затем началось разведение «метисов в себе» — с учетом выносливости, веса, настрига шерсти, линий экстерьера. Овец делили на классы, подбирали только белой масти.

Вся эта работа на фермах проводилась на основе учения Мичурина, с помощью колхозников-новаторов. Заведующая фермой колхоза имени 1 Мая Елена Михайловна Орлова, старый чабан Алексей Иванович Стрижев, животновод колхоза «Заря коммунизма» Дарья Константиновна Пичугова, чабан артели «Искра» Иван Сергеевич Воронцов оказывали большую поддержку ученым.

Теперь овец новой породной группы в области несколько тысяч. Их средний вес — 55 килограммов, почти в два раза больше веса простой овцы; средний настриг полутонкой шерсти — 3 килограмма, в два и в три раза больше настрига грубой шерсти с местной овцы; при этом новые овцы выносливы, неприхотливы к кормам и плодовиты.

Недавно специальная государственная комиссия закончила работу по определению породности овец и единодушно дала им хорошую оценку.

Ал. ВОЛГИН

Семья овец новой породной группы на ферме колхоза имени 1 Мая. Справа налево: овцематка № 73, ее дочка, внучка и правнучка.

К РОДНЫМ БЕРЕГАМ

Советская китобойная флотилия «Слава» после успешного промысла в морях Антарктики возвращается на родину. Мы публикуем переданное по радио для читателей «Огонька» сообщение капитана-директора «Славы» тов. Солянина:

— Через моря и океаны моряки нашей флотилии с честью несут красное знамя советской Родины. Промышляя в водах Антарктики, мы перевыполнили план добычи китов. Нами полностью освоен китобойный промысел в далекой Антарктике.

Наши китобои прошли славным путем Беллинсгаузена и Лазарева. Мы первыми посетили группу южных Сандвичевых островов, часть которых носит русские названия: острова Лескова, Завадовского и другие. Ледяные пустыни Антарктики нами прочно освоены. Этот факт еще раз подтверждает права Советского Союза на пространства, открытые русскими мореплавателями.

— Как живет экипаж нашей флотилии? Мы радостно отпраздновали на кораблях Первое Мая и День Победы, заставшие нас в тропиках Атлантического океана.

Перевалив экватор и простившись с Южным полушарием, мы вступили в тропическую зону, где нещадно палит солнце. Температура воздуха — 40° выше ноля. Наши моряки мужественно выдерживают это испытание.

В пути мы узнали по радио радостную весть: научным сотрудникам флотилии Викентию Алексеевичу Бодрову и Музе Константиновне Прозоровской, находящимся на борту нашего корабля, за разработку и внедрение в промышленность метода производства витаминных рыбьих жиров Совет Министров СССР присвоил высокое звание лауреата Сталинской премии. Я хотел бы также назвать имена некоторых передовиков социалистического соревнования, людей, показывающих пример самоотверженного труда в самых сложных условиях морского промысла. Это стахановцы Пургин, Панов, Золотов, Гупиков, Гниляк, Овсянников, Пустохайлов, Николаев

— Достигнуть родных берегов нам, должно быть, удастся только в конце этого месяца. Однообразие плавания прерывается неожиданными встречами с морскими хищниками здешних мест. Несколько дней назад китобойную базу сопровождало стадо голубых акул. Эти прожорливые хищники рыскали вдоль борта корабля, ожидая поживы. Один из наших лучших моряков, мастер разделки китов, Павел Кузовков, решил поймать акулу. Он быстро наладил стальной крючок, привязал его к шелковому линю, наживил кусок китового сала. Через несколько минут акула, попавшись на крючок, была вытащена на палубу. Хищнику вспороли живот, вынули внутренности, и, к нашему удивлению, сердце его в течение нескольких часов продолжало пульсировать. В животе акулы оказалось 8 живых маленьких акулят, размером 8—10 см каждый. Это была хорошая награда научным работникам флотилии, которые немедленно заспиртовали свои трофеи. Из акулы было добыто немалое количество медицинского жира, челюсти и шкура сохранены: быть может, пригодятся музею.

В один из последних дней на пути флагмана флотилии «Слава» повстречалось стадо кашалотов, среди которых находились самки с сосунками. Наши китобои, возглавляемые известным капитаном-гарпунером Афанасием Пургиным, решили поймать живого китенка — случай, совершенно небывалый в истории китобойного промысла. И все же это удалось сделать. Пойманный живьем китенок проявил большое сопротивление. Семь моряков не смогли с ним справиться Только с помощью лебедки удалось подтянуть «младенца» длиною с московский троллейбус, к борту китобойца. Когда моряки решили поднять маленького кашалота на палубу, 105-миллиметровый манильский канат лопнул. Тогда мы начали буксировать его. Всем хотелось доставить молодого кита живьем в Одессу. Моряки долго и упорно упрашивали меня взять его на борт китобазы, единодушно решив отказаться в пользу «пленника» от положенного рациона молока. Я уже было чуть не согласился, но потом решил проконсультироваться с находящимся на корабле кандидатом биологических наук Виктором Александровичем Арсеновым.

— Как кормить китенка? — спросил я его.

— Молоком, только молоком.

— Сколько же ему нужно молока?

— В сутки примерно шестьсот килограммов консервированного сгущенного молока.

— Но ведь всех наших запасов тогда хватит ему едва ли на трое суток!

Когда выяснилось, что мы не можем обеспечить «гостя» таким количеством молока, было решено отпустить его к матери, которая все время беспокойно курсировала вокруг корабля.

В часы отдыха моряки флотилии занимаются рыбной ловлей, чтением, игрой в шахматы и коллективно слушают радио. Мы ежедневно слушаем голос нашей Родины, голос родной земли, которую скоро увидим.

НА ЭКЗАМЕНАХ

Весна — пора цветов и экзаменов. Весной начинается вступление в жизнь...

— Ну, девочки, смотрите же... Теперь вы немаленькие, — уходя на работу 20 мая, сказал, обнимая проснувшихся дочек Галю и Милу, рабочий одного из московских заводов Константин Иванович Сычев. — Дело это серьезное — первый экзамен...

Девочки заканчивают четвертый класс, но очень хорошо понимают, что такое экзамен — первый в жизни. Расцеловавшись с матерью, сестры побежали вдоль гранита Софийской набережной в школу — совсем рядом.

Нельзя сказать, что средняя женская школа № 19 Ленинского района отличается великолепием здания, но в одном школа не имеет равной себе — она стоит против Кремля за рекой. Из окон классов видны башни Кремля, дворцы и парк, и даже садовники в белых фартуках, которые по утрам, во время первых уроков, возятся у деревьев и клумб...

Вот и сейчас Галя и Мила Сычевы, сев рядом на первой парте, перед тем как писать изложение, взглянули в окно, на кремлевские, искрящиеся на солнце звезды.

Конечно, это очень сложно — первый раз в жизни держать экзамен. Но не легче и в последнем, десятом, классе. Нечто глубоко волнующее есть в этих строгих, тихих и напряженных часах.

Вот звенит звонок, и директор школы Софья Ивановна Перстова смотрит, как девочки расходятся по классам. Десятиклассницы входят в строгий актовый зал. Три ряда столиков. На каждом из них нежные весенние цветы. Девушки, получив тему для сочинения на аттестат зрелости, ушли в мысли о великом Горьком, о путях развития реализма в русской литературе XVIII—XIX веков, о своей могучей стране, о собственной счастливой судьбе.

Софья Ивановна тихо ходит между столами, наблюдая, как ее питомицы начали работу. Вот Таня Товстуха занялась планом сочинения. Горький — ее любимый писатель. Кто может сомневаться, что она сегодня докажет, как упорно готовилась к этому большому и светлому дню! Вот Нина Омельянович. Устроившись поудобнее за последним столом, она занялась своей темой — о реализме в русской литературе. Взялись за черновики Инна Прусс, Галя Семенова, Валя Борисова. Тишина стоит в зале, тишина глубоких раздумий.

— Они учатся по-настоящему, всерьез, для себя и Родины,— сказала нам старейшая учительница школы Мария Григорьевна Рождественская, недавно награжденная за многолетний труд орденом Ленина.

В 6-м классе «Б» идут испытания по географии. За столом молодая учительница Людмила Ивановна Деревянко и ассистент. Людмила Ивановна только в прошлом году закончила пединститут и сейчас вместе со своими ученицами подошла к первому итогу своей педагогической работы.

— Ира Викторова!

Ире попался 25-й билет: географический обзор Америки и Венгрии. Не торопясь, девочка указкой обвела материки заливы, полуострова, подробно рассказала о климате, растительности, почвах... Она хорошо знает географию Америки и Венгрии, знает и то, что происходит в этих странах, кто сейчас подлинный хозяин Америки, как живут там негры, как капиталисты выжимают соки из рабочих. Ира хорошо представляет себе и новую, народно-демократическую Венгрию, идущую к социализму.

Галя и Мила Сычевы рассказывают матери об экзаменах.

Фото О. Кнорринга

Десятиклассница Таня Товстуха обдумывает план сочинения.

...По соседству, в 6-м классе «А», проходят испытания по биологии. Педагог Елизавета Леонтьевна Космач и ассистент Клавдия Яковлевна Воронцова слушают ответ ученицы Наташи Шередека. Наташа обстоятельно говорит о сталинском плане преобразования природы.

Педагог вместе с ассистентом подводит итог: из семнадцати учениц, сдававших испытания по биологии, одиннадцать получили «пятерку», три — «четверку» и только две — «тройку». Это, конечно, хороший результат. Но, пожалуй, самое ценное то, что девочки не просто заучили материал, а очень хорошо разбираются в основах мичуринского учения, прочно, надолго вооружаются знанием непреложных факторов жизни.

...Экзамен у десятиклассниц подходит к концу

Девушки перечитывают свои сочинения, взвешивая каждое слово. Таня Товстуха поставила точку и поднялась. Сочинение написано!

В тот же день мы прочитали работу этой вступающей в жизнь 17-летней девушки. Работа блестящая, одухотворенная, ясная, глубоко патриотическая. Отлично проанализировав творчество Горького, Таня закончила сочинение следующими словами:

«Он никогда не умрет, потому что в «песне смелых и сильных духом» он всегда будет «живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

Это сочинение — не только рассказ о великом русском писателе, но и глубоко волнующая программа жизни девушки.

...Прозвенел последний звонок. Опустели экзаменационные классы. Две маленькие школьницы — Галя и Мила Сычевы — прибежали в садик к ожидавшей их матери, рассказали, как они писали изложение. А в школе не замирала жизнь. Педагоги проверяли тетради. Комиссии давали оценки.

Н. МАР

КОРОТКО

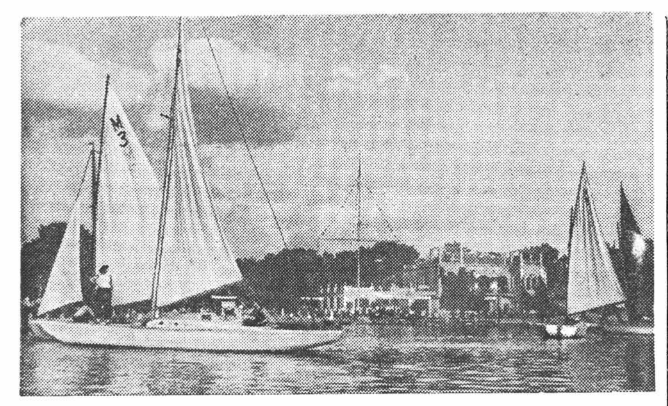
«НАРОДЫ МИРА» — новый капитальный труд советских ученых. Подготовку его заканчивает в этом году Институт этнографии Академии наук СССР. В девятитомнике будут даны подробное описание жизни народов, населяющих земной шар, история развития их культуры. Уже сдается в печать пятый том, посвященный 32 советским народам Северной Азии.

МОРСКИЕ ВОРОТА ДОНБАССА — Ждановский (б. Мариупольский) порт начал свою шестидесятую навигацию. В 1889 году к его причалам подошли первые суда. За годы советской власти облик порта неузнаваемо изменился: намного выросли его грузооборот, техническая вооруженность.

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ Государственного музея латышского и русского искусства отметила общественность Риги. В последние годы музей пополнился произведениями Репина, Крамского, Сурикова, Шишкина. Выставлено много работ ведущих латышских мастеров кисти — Пурвита, Розенталя, современных живописцев Латвии — Отто Скулме Варславана и других.

ДОМ ИСКУССТВ строится в столице Эстонской ССР — Таллине. В шестиэтажном здании разместятся: выставочный зал монументальной скульптуры, рабочие ателье для скульпторов, мастерские художников, магазины изделий прикладного искусства.

СТАРЕЙШИЙ ЯХТКЛУБ СТРАНЫ

Когда морские корабли входят в Бугский лиман, направляясь в Николаевский порт, часто им навстречу мчатся белокрылые яхты и шверботы. Это флот Николаевского яхтклуба. Сотни любителей водного спорта совершенствуют здесь свое мастерство судовождения.

В мае исполнилось 60 лет Николаевскому яхтклубу — одной из старейших спортивных водных станций на Юге нашей страны.

Сейчас по берегу Южного Буга расположены причалы и ангары для нескольких сот судов — яхт и шлюпок, — водные бассейны, вышки.

Сотни бывших воспитанников клуба стали лучшими спортсменами страны. Николаевские яхтсмены Синько, Горбаченко, Иванова неоднократно завоевывали звание чемпиона Украины по парусному спорту. Тысячи рулевых, гребцов и пловцов, воспитанных в яхтклубе, мужественно сражались в рядах военно-морских сил нашей страны. Среди них Герой Советского Союза контр-адмирал Египко, капитан-лейтенант Колбасюк, капитан второго ранга Бокарджиев и другие.

В прошлом году в Николаеве было проведено более 30 массовых соревнований по водному спорту, ряд морских походов. Текущий спортивный сезон обещает быть намного интереснее.

Фото В. Акимова

НА ВЕЛОСИПЕДАХ ПО САДОВОМУ КОЛЬЦУ

В минувшее воскресенье, около 12 часов дня, в Москве, на Садовом кольце, светофоры открыли «зеленую улицу» спортсменам. Главный судья велогонки на приз газеты «Московский большевик» маршал Советского Союза С. М. Буденный обратился к участникам соревнований с напутственным словом. Затем один за другим, с интервалом в 10 секунд, уходили со старта велогонщики. Помимо москвичей приз оспаривали посланцы Ленинграда, Минска, Таллина, Риги, Тулы, Петрозаводска, Каунаса, Ногинска.

Один из главных претендентов на первое место, заслуженный мастер спорта Алексей Логунов (Военно-Воздушные Силы), стартовал под № 35. Сергей Вершинин (ЦДКА) тронулся в путь одним из последних: у него был № 50. Динамовец Федор Тарачков стартовал десятым.

Велосипедисты развили большую скорость. Логунов, прекрасно чувствующий темп гонки, необычайно энергично нажимал на педали. На улице Чайковского он догнал одного из сильнейших велосипедистов Советского Союза, Вениамина Батаена (Военно-Воздушные Силы), стартовавшего под № 30. Финиш на площади Маяковского. Лучшее время показал Логунов — 24 минуты 05,3 секунды. Это рекордный результат в гонках по Садовому кольцу. Второе место занял Вершинин, и третье — старший сержант Федор Терентьев (Петрозаводск, Дом офицера). Успех Терентьева особенно радует. Молодой спортсмен, лишь накануне соревнований приехавший в Москву, мало знакомый с трассой гонки, сумел опередить многих признанных мастеров.

Командный приз выиграли велосипедисты Военно-Воздушных Сил в составе заслуженных мастеров спорта Логунова, Батаена и Шелешнева.

ЦЕЛЕБНЫЙ ИСТОЧНИК

Разведочную скважину № 1334 бурили у самого берега моря, в районе города Баку, на мысе Шихово. Бур вошел в земную толщу на две тысячи метров, а признаков нефти все не было. Разведчики уже собирались осваивать третий километр, как вдруг из скважины, словно из лопнувшего котла, со свистом рванулись вверх струи пара. Среди горячих облаков его возник прозрачный фонтан с пышным султаном обжигающих брызг.

Бакинский институт курортологии и физических методов лечения имени С. М. Кирова занялся исследованием сюрпризной скважины. Было выяснено, что бьющая из нее вода, температура которой превышает 70 градусов по Цельсию, содержит серу, иод, бром, щелочь и другие элементы и мало чем отличается по составу и свойствам от известных целебных источников Мацесты и Пятигорска. Как установили врачи, апшеронскими водами можно с успехом лечить подагру, ревматизм, заболевания нервной системы, мышц, кожных покровов. Новый источник не только целебен, но и обилен он дает в сутки до 200 тысяч литров чудесной воды. Совет министров Азербайджанской ССР принял решение о строительстве у скважины бальнеологической лечебницы.

На побережье Каспия вырастают сейчас уютные домики из сборных конструкций, идет сооружение ванного корпуса, оборудуется пляж. Строительные работы первой очереди должны быть закончены в этом году.

Жители Баку теперь будут иметь в самом городе маленький курорт, до которого можно доехать на трамвае.

В. П.

ПУШКИНСКИЕ ДНИ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Общественность стран народной демократии широко и торжественно отмечает 150-летие со дня рождения гения русской поэзии А. С. Пушкина.

В Румынской народной республике создан комитет по проведению юбилея. Пушкинские дни начались еще в апреле. Радиопередачи, газеты и журналы рассказывают о жизни и творчестве Пушкина, проводится конкурс на лучший перевод его сочинений, демонстрируется кинофильм «Юность поэта». Издательства выпускают произведения А. С. Пушкина. Вышли юбилейные почтовые марки.

Государственный оперный театр ставит оперы «Евгений Онегин» и «Борис Годунов».

В Польской народной республике Славянский комитет совместно с Обществом польско-советской дружбы наметил большую программу юбилейных торжеств. Кооперативное издательство «Ксенжка» выпускает избранные сочинения Пушкина в шести томах, а также книги о великом поэте для детей и молодежи.

Польские театры ставят оперы «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», в городах и селах показываются советские фильмы о жизни Пушкина, организованы специальные выставки, проводятся сооррания и лекции, издаются художественные плакаты и портреты.

В Венгрии пушкинские празднества откроются концертом в городском театре Будапешта. Национальный музей организует большую выставку памяти А. С. Пушкина. Юбилейные программы готовят будапештская радиостанция и государственный оперный театр. Издается двухтомник избранных произведений поэта.

Общество культурной связи Албания — СССР и Союз албанских писателей выступили инициаторами создания комиссии по празднованию 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Газеты и радио Албании знакомят трудящихся с творчеством гениального русского поэта.

Оперный театр в Софии поставил оперу «Евгений Онегин».

ИГРА В СКАЗКИ

Няня уселась на стул (ее играла Кира Авсеева из девятого класса), а маленькие пятиклассницы окружили ее. Спицы проворно замелькали в няниных руках, и она начала:

«Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился...»

Все внимательно слушают, но, так как «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях» они уже давно выучили наизусть, девочки одна за другой подхватывают текст и начинают изображать события сказки.

Вера Куранова, рассказывая «про царицу злую», повертывает за подбородок лицом к себе подружку:

«Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»

Надя Богданова в тон ей отвечает словами зеркальца.

Накинутый на голову темный платок преобразил Аллу Топоркову в нищую чернцу, а няниным клубком девочки перебрасывались, как «наливным яблочком».

В легких намеках на действие, без излишней театрализации, ожила перед зрителями поэтическая пушкинская сказка.

Следом за няней на сцену вышел юноша Игорь Иванов. С задорной улыбкой он весело сообщил, что расскажет «О попе и о работнике его Балде». Из-за дивана, на котором сидит рассказчик, как из-за ширмы, появляются действующие лица сказки: неторопливый, добродушный Балда, чумазые бесенята, толстопузый поп. Сочным, народным языком они ведут между собой диалог.

Увлекательная игра в сказки превратилась в театральное представление. И юные зрители, пришедшие на пушкинский спектакль Дома пионеров Железнодорожного района Москвы, с восторгом приветствовали маленьких артистов и их руководителя Т. Андрееву. За талантливое исполнение сказки ребята из этого кружка получили почетную грамоту на городском конкурсе, посвященном Пушкину

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.

ЭКСКУРСИИ В ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

На днях из Москвы на Кавказ и в Крым выехали первые партии туристов.

Летние туристские походы прочно вошли в быт трудящихся нашей страны. В прошлом году десятки тысяч людей провели свой отпуск в таких походах. Более 900 тысяч человек совершили экскурсии в Москву, Ленинград и на курорты.

Впервые после войны возобновляются маршруты по Военно-Сухумской и Военно-Осетинской дорогам, а также по горным районам и побережью Крыма.

Большой интерес для туристов представит новый маршрут — пушкинский. Они ознакомятся в Ленинграде со всеми местами, связанными с жизнью и творчеством великого русского поэта, побывают в Пушкинском заповеднике — Михайловском, Тригорском, в Святогорском монастыре, на лодках по реке Сороть поедут в Петровское.

Центральные комитеты профсоюзов ассигновали в этом году 8,5 миллиона рублей для предоставления льготных путевок туристам и экскурсантам — студентам вузов, лучшим производственникам предприятий.

НОВЫЕ МАРКИ

Министерство связи СССР выпустило в обращение новые серии почтовых марок, отражающих исторические и знаменательные даты в жизни нашей советской Родины.

К майским праздникам вышли две марки (в 40 копеек и в один рубль) — яркокрасного и зеленого цвета — с одинаковым сюжетом. На них изображена группа советских людей, несущих красное знамя с надписью: «Да здравствует 1-е Мая!»

В ознаменование Дня большевистской печати выпущены две марки. На одной, в 40 копеек, нарисованы книги — произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — и газеты: «Правда», «Комсомольская правда», «Труд» и другие. На второй марке, в один рубль, изображены рабочий с сыном за чтением «Правды». Марки — яркокрасного и лилового цветов — выполнены художником Л. Ф. Голованевым.

Серия из трех марок с двумя сюжетами отражает празднование Дня радио в стране. На двух из них—в 40 копеек и в один рубль — даны первый в мире радиоприемник (грозоотметчик), портрет А. С. Попова, радиомачта и радиорупоры, а на третьей — в 50 копеек — картина «А. С. Попов демонстрирует адмиралу Макарову первую в мире радиоустановку». Цвет этих марок лиловый, яркозеленый и коричневый. Первые две — работы художника И. И. Дубасова, третья исполнена по картине лауреата Сталинской премии художника И. С. Сорокина.

Готовится красочная серия из шести марок, посвященных 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РИСУНКИ ПУШКИНА

1. ПОРТРЕТ ПОЭТА ДЕЛЬВИГА

«Никто на свете не был мне ближе Дельвига,— писал Пушкин, пораженный известием о безвременной кончине друга, — вот первая смерть, мною оплаканная».

Ближайший друг Пушкина, его «брат названный», Дельвиг был связан с поэтом двадцатилетней дружбой, с самой школьной скамьи. Страстная любовь к поэзии, ненависть к аракчеевскому духу александровского режима и взаимная любовь связывали их.

Дельвиг один из первых понял, что такое Пушкин. Горделивым восторгом проникнуты его стихи о шестнадцатилетнем поэте:

Пушкин! он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением...

Когда Пушкин томился в ссылке, в Михайловском, Дельвиг приехал навестить его. Благодарные строки посвятил Пушкин приезду друга:

Когда постиг меня судьбины гнев,—
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С 1827 года Пушкин вновь в Петербурге. Судьбой отмерены были им еще четыре года дружбы. Но и на эти годы падали частые разлуки, вознаграждаемые такими замечательными подарками, как послание Пушкина Дельвигу «Прими сей череп, Дельвиг...» В блестящем, остроумном послании поэт рассказывал о похищении студентом из склепа скелета предка Дельвига. Он рисовал воображаемый портрет «крепкоголового» рыцаря и его изумление при виде внука

...без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Дельвиг был в это время самым близким Пушкину человеком — Пущин был уже на каторге в Сибири. В эти годы затеял Дельвиг «Литературную газету», в сущности, орган Пушкина, который и редактировал ее во время отлучек Дельвига из Петербурга.

Поэты одного направления, они понимали друг друга с полуслова. «Дельвиг не любил поэзии мистической,— с удовольствием вспоминал Пушкин острый афоризм приятеля. — Он говаривал: «Чем ближе к небу, тем холоднее». Спокойный юмор Дельвига восхищал Пушкина: «Дельвиг говаривал, что самою полною сатирою на некоторые литературные общества был бы список членов с означением того, что кем написано».

Когда весной 1829 года вышла из печати книга стихотворений Дельвига, Пушкин был в Москве. Он приветствовал друга замечательным четверостишием «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?» и, назвав их «Загадка», послал с бронзовым сфинксом в Петербург Дельвигу. В эти самые дни, проводя вечер в семье своих друзей Ушаковых, Пушкин и нарисовал им портрет «своего Дельвига».

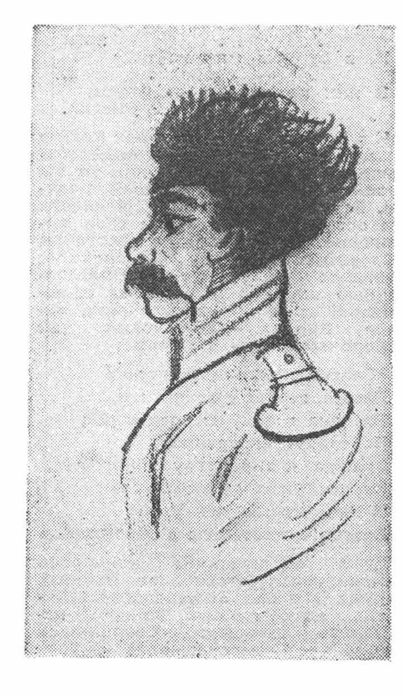
Этот рисунок является одним из редких для Пушкина законченных графических произведений. С другой стороны, открытие этого портрета существенно пополняет иконографию Дельвига. До сих пор мы знали только его портрет работы Лангера, бюст работы Гальберга и ряд набросков П. Л. Яковлева. Если яковлевские рисунки грешат карикатурностью, то первые два портрета отмечены другой тенденцией: Лангер готовил парадный портрет поэта для распространения в литографии при альманахе, а Гальберг работал в скульптуре: ему надо было дать прежде всего отчетливую форму лица, а главное — он делал посмертный портрет, он увековечивал черты поэта. Пушкин, не связанный никакими побочными соображениями, нарисовал наиболее убедительный, реалистический портрет располневшего Дельвига с его характерной улыбкой и дал почувствовать образ своего умного друга, лирического поэта, «доброго Дельвига».

2. ПОРТРЕТ ДЕКАБРИСТА ЯКУБОВИЧА

«Герой моего воображенья» — назвал Пушкин Якубовича. Это известный декабрист, человек, знаменитый разнообразными историями, связанными с его отчаянной храбростью. Осенью 1817 года произошла в Петербурге нашумевшая дуэль из-за балерины Истоминой. Дуэль была необычной. Должны были стреляться, две пары: камер-юнкер граф Завадовский стрелялся с гвардейским офицером Шереметевым и убил его; вторая пара — корнет гвардии уланского полка Якубович и служащий в Коллегии иностранных дел начинающий писатель Грибоедов — отложила дуэль и стрелялась через год в Тифлисе.

Зачинщик двойной дуэли Якубович был арестован и переведен из гвардии в армию — в «теплую Сибирь», на Кавказ. В одной из перестрелок он был ранен пулей в лоб и с тех пор не снимал черной повязки с головы.

Приехав в 1825 году в Петербург, Якубович примкнул к заговору декабристов. Он предлагал убить Александра I. Он должен был арестовать царскую семью. Осужденный по первому разряду, Якубович умер в ссылке в Енисейске после пятнадцатилетней каторги.

Пушкин, лично знавший Якубовича всего несколько месяцев после окончания лицея, был очарован его яркой личностью: «Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc — в нем много, в самом деле, романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя была бы лучше». Но если «Кавказский пленник» не имел никакого отношения к Якубовичу, то в другом произведении Пушкина, в «Романе на Кавказских водах», Якубовичу было отведено центральное место. Повесть не была написана, но по многочисленным планам ее видно, что кульминационным эпизодом предполагалась сцена похищения Якубовичем героини и его дуэль с ее братом.

Портрет Якубовича сделан Пушкиным в альбоме его приятельниц Ушаковых по возвращении из путешествия в Арзрум, вероятно, под впечатлением рассказов, слышанных поэтом на Кавказе о приключениях Якубовича. Пушкин не видел его двенадцать лет, но выразительная внешность знаменитого бретера, героя бесчисленных приключений, воскресла в артистическом рисунке Пушкина. Пушкину не пришлось видеть Якубовича в повязке, он не знал, что тот ходил коротко стриженный, и нарисовал ему стоящие дыбом волосы, прекрасно дополняющие его дикий взор и выражающие неукротимость его натуры.

3. ПОРТРЕТ ГРИБОЕДОВА

«Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году,— писал Пушкин после смерти писателя.— Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества,— все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую несносную улыбку,— когда случалось им говорить о нем, как о человеке необыкновенном. Люди верят только Славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в Московском Телеграфе. Впрочем, уважение наше к Славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос».

Эти глубокие и мудрые размышления Пушкина, эта изумительная по остроте сопоставлений характеристика сопровождают рассказ о встрече поэта с телом убитого Грибоедова. Пушкин вспоминает о «странных предчувствиях» и «пророческих словах» Грибоедова перед его отъездом на Кавказ. Пушкин говорит о «пылких страстях» Грибоедова в молодости, об осьми годах «уединенных, неусыпных за-

нятий» в Грузии, о «неописанном действии», произведенном «Горем от ума», вдруг поставившем «его на ряду с первыми нашими поэтами». Поэт говорит о браке Грибоедова, о последних годах его жизни, о смерти, постигшей его «посреди смелого, неровного боя», которая «не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна».

Эти страницы, внесенные Пушкиным в «Путешествие в Арзрум»,— конечно, лучшие слова, когда-либо написанные о Грибоедове, и, может быть, лучший некролог в мировой литературе.

Не раз стремился Пушкин и в рисунке передать образ так высоко им ценимого, «замечательного» человека — Грибоедова. Публикуемый портрет из ушаковского альбома сделан, повидимому, вскоре после получения известия о гибели Грибоедова. Живо и выразительно передана на портрете его усмешка. Намеченный на рисунке головной убор, какой носили персидские сановники, говорит о горестных раздумьях Пушкина по поводу дипломатической карьеры Грибоедова, так рано оборвавшей «бурную его жизнь».

Т. ЦЯВЛОВСКАЯ-ЗЕНГЕР

ВЕНОК

С. МАРШАК

Не лавры жесткие в его венок,
А свежие цветы земли родимой
Вплетут сегодня запад и восток,
Онежские леса и рощи Крыма.

И если был пред смертью одинок
Поэт, придворной челядью гонимый,
То в наши дни так явственно и зримо
Исполнился предсказанный им срок.

Во всех краях великого Союза
Смеющаяся пушкинская муза
Нашла себе признанье и приют.
В степях и тундрах Пушкина поют.
И он зовет на подвиги поэтов
В стране труда — в Республике Советов.

«Пророк России»

В академическом собрании сочинений Пушкина под 1826 годом, в отделе «Отрывков», напечатано следующее четверостишие:

«Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием на выи
К у(бийце?) г(нусному?) явись».

В пушкиноведении существуют две гипотезы относительно этих строк. По одной из них эти строки представляют первоначальную концовку известного стихотворения Пушкина «Пророк», по другой — отрывок не дошедшего до нас стихотворения, посвященного декабристам. Историческая основа четверостишия (Россия, Николай — убийца декабристов, казнь через повешение) решительно противоречит содержанию известного «Пророка», где действие происходит вне истории. В четверостишии пророк призывается не обличать Николая, а самым своим появлением во дворце вызвать в царе ужас и смятение.

Если эти строки являются отрывком другого, не дошедшего до нас «Пророка», то, судя по конкретным данным, заключенным в четверостишии, оно должно было быть обращено к историческому лицу, которое автор называет «пророком России». Высказывались предположения, что эти строки Пушкин обращает к самому себе, ощущая себя гневным, негодующим мстителем за декабристов. Однако тот, кого Пушкин призывал явиться перед Николаем, был не только мстителем, но «пророком России», т. е пророком ее исторических судеб, ее политического будущего, ее революции. Пушкин сам назвал себя в «Арионе» певцом декабристов, а не вождем их, каким рисуется образ «пророка России». Еще труднее видеть обращение Пушкина к себе самому в трех следующих строках.

Пушкин, несомненно, не раз думал о том, что он мог оказаться на виселице рядом с пятью повешенными. Однако этими раздумьями нельзя объяснить чисто риторический и поэтому органически чуждый поэзии Пушкина призыв поэта к себе: «восстать» — в виде тени казненного и явиться убийце Николаю. Подобное толкование натянуто и малоубедительно.

К кому же обращался Пушкин? Кажется, нельзя сомневаться в том, что это один из пяти повешенных декабристов, который, чтобы привести Николая в трепет, должен был «восстать» из гроба в том виде, в каком он покинул свет. Кого же из пяти мог назвать Пушкин «пророком России»?

Вдохновенным «пророком» революционного будущего России был в своем поэтическом творчестве Рылеев, даже тогда, когда он в своих «Думах» изображал события давно прошедших лет. Свои мысли о будущем он сам называл «пророчествами». В «Полярной Звезде» за 1825 год были напечатаны его «Стансы», посвященные Бестужеву. В минуту разочарования в своем призвании Рылеев писал:

«Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей».

В той же «Полярной Звезде» была напечатана «Исповедь Наливайки», которая действительно завершалась пророческим предсказанием судьбы самого Рылеева и его друзей:

«Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!»

«Пророком» грядущей русской революции явился Рылеев в «Гражданине»:

«Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
. . . .
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги».

И в других стихотворениях можно указать тот же характерный для Рылеева «пророческий» тон, то же провидение будущего своей родины. Вероятно, и в беседах Рылеева эта особенность находила свое выражение. За три года до восстания Рылеев написал думу «Волынский», имевшую большой успех. Приговоренный царицей к казни за гражданский подвиг — разоблачение тирана Бирона, — Волынский так «пророчествовал» в тюрьме:

«Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.
Вражда к тиранству закипит
Неукротимая в потомках —
И Русь священная узрит
Власть чужеземную в обломках...»

Дума «Волынский» кончалась казнью героя (отсечением головы), а дума «Голова Волынского» («Видение императрицы Анны») начиналась словами: «Свершилась казнь...» — и рассказывала о том, что последовало за этим. Царица не может найти покоя, вспоминая о казненном патриоте и испытывая муки совести. В тронной зале, куда она удалилась, перед ней появляется отсеченная голова Волынского такою, какой она была в момент свершения казни:

«Он здесь!» — внезапно зазвучал
По сводам Тронной страшный голос...
В царице трепет пробежал,
И дыбом приподнялся волос!..
Она взглянула — перед ней
Глава Волынского лежала,
И на нее из-под бровей
С укором очи устремляла.
. . . .
«Что медлишь ты?.. Давно я жду
Тебя к творцу на суд священный;
Где каждый восприемлет мзду;
Равны там царь и раб презренный!»
Окончив грозные слова,
Попрежнему из мрака ночи
Вперила мертвая глава
В царицу трепетную очи...»

Думу «Видение императрицы Анны» Рылеев читал 16 декабря 1822 года на заседании Вольного общества любителей российской словесности, где она была единогласно одобрена для напечатания в «Соревнователе Просвещения и Благотворения». Однако из-за цензуры дума в печати не появилась и распространялась в списках.

После событий 14 декабря и особенно после казни декабристов читатели Рылеева и, конечно, Пушкин должны были с особым чувством и вниманием перечитывать его пророческие стихи. Глубже воспринимался их политический смысл, понятнее становилась их направленность. Поэт предсказал свою гибель, разделил жребий своих героев. Он изобразил казнь патриота, борца против деспотизма и угнетения своего народа, но он же нарисовал монарха-убийцу, трепещущего перед образом своей жертвы. Мысль о продлении аналогии между Рылеевым и его героем Волынским легко могла подсказать тему пушкинского четверостишия — появление казненного декабриста перед гнусным убийцей Николаем.

Образ Рылеева, «восставшего» с веревкой на шее и в одежде смертника, тем легче мог возникнуть в воображении современников, что им было известно, как Рылеев сорвался с виселицы и с петлей на шее «восстал» на помосте перед тем, как был повешен вторично.

Приведенные соображения позволяют нам представить дошедшее до нас четверостишие Пушкина как отрывок стихотворения о Рылееве, о пророческом значении его деятельности и его гибели от руки самодержца. Это было первое выполнение завета Рылеева:

«Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье...»

В. НЕЧАЕВА

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Жамсо ТУМУНОВ

Вы — сокровище русских людей.
Как ваш взгляд величав и спокоен!
Перед вами — питомец степей,
Скотовод, литератор и воин.
А отец мой — в колхозе столяр,
Мать — при доме, вся предана внукам:

Подрастут и уедут, как я,
В города, обучаться наукам.
Свой родной малахай на меху
Перед вами с почтеньем снимаю,—
Никакому иному стиху
Я с восторгом таким не внимаю.
Вдоль по улицам нашей Москвы
Пробегаю и думаю часто:
«Как случилось, что молоды вы,
Хоть по возрасту вам полтораста?»

Может статься, ваш друг Кюхельбекер
Под могучими соснами пади
Повторял ваши строфы в том веке,
И внимал ему темный мой прадед.
На Ононе, быть может, в изгнаньи,
Коченея от ветра и стужи,
Ваше полное веры посланье
Прочитал ему добрый Бестужев.
Мы услышали вас — и с тех пор
Дружелюбьем поэта и брата
На просторе степном у озер
Согревается юрта арата.

Я же с вами знакомство завел
Зимним вечером, в юрте-читальке.
Вашу книгу привез комсомол
В наш улус и холодный и дальний.
Да, вы были у нас не в гостях,
Вы живете на нашем Ононе.
Помню: в юности ранней, в степях,
По ночам мы пасем своих коней
Или вечером ясным, в мороз,
Возим сено по снежной дороге,
И январских сияющих звезд
В небе искрятся тысячи многие.
Мы любуемся их красотой
И дивимся, какая их сила!
Только ваше сиянье собой
И небесные звезды затмило.

Но за годом проносится год...
Вот идем мы под знаменем нашим
В незабвенный победный поход...
За спиной — Бородинские пашни...
Мы зеленой весною взошли
На крутые руины Берлина,
Мы с собой ваши строки несли,
С вами сердцем слились воедино.
И теперь, если роем канал
Иль сажаем лесные преграды,
Чтобы край недорода не знал,—
Вы среди комсомольской бригады.

Хорошо сознавать: это вы,
Это вашего имени площадь.
Осеняя наклон головы,
Стих ваш знаменем вольным полощет.
Пыль, однако, у вас на пальто —
Исходили дорог вы немало:
Видел вас Казахстан золотой,
Долы Грузии, скалы Урала.
И родная моя сторона
Жадно к вам простирает объятия.
К вам любовью горит и она,
Пробужденная наша Бурятия.
Вы советскому сердцу подстать,
Вы в грядущее бодро глядите.
Дайте мне вашу руку пожать,
Вечно юный наш друг и учитель!

Перевел с бурят-монгольского
С. ШЕРВИНСКИЙ

Юные пушкинцы

«...Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней...»

Переполненный зал жадно внимал чудесным пушкинским словам, которые, волнуясь, читала маленькая девочка. В школе имени Пушкина в селе «Пушкинские горы» шел концерт. Показывалась инсценировка «Цыган».

Она была приурочена к школьному празднику — учительница литературы и русского языка Н. Алмазова и преподавательница начальных классов А. Корнеева за свою замечательную педагогическую деятельность удостоены высшей правительственной награды — ордена Ленина. Десятки поздравительных писем и телеграмм пришли со всех концов Советского Союза от бывших питомцев школы дорогим учителям.

В роли Земфиры ученица 7-го класса Эльза Овсянникова.

Фото Ю. Говорова

На праздничном концерте юные любители играли «Цыган» с воодушевлением, стремясь воспроизвести волнующий мир пушкинских образов. Люба Барменко была отличным Алеко, а Эльза Овсянникова в роли Земфиры танцовала так увлекательно, что смело могла бы выступать и перед более взыскательной аудиторией.

Был теплый весенний вечер. От здания школы, где ставился пушкинский спектакль, всего пятнадцать минут ходьбы до могилы великого поэта. И от этого детская постановка приобретала особую торжественность: играющая «младая жизнь» как бы символизировала вечную славу поэта.

По пушкинским местам

На берегу Сороти

Академия наук СССР заканчивает восстановление всех пушкинских памятников, разрушенных немецкими захватчиками.

На высоком берегу реки Сороти, в Псковской области, стоит скромный одноэтажный дом поэта. Здесь, в селении Михайловском, только за два года (1824—1826) Пушкин написал свыше 100 художественных произведений: основные главы «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Цыган», «Графа Нулина».

В маленьком флигеле, рядом с домом поэта, жила его няня, Арина Родионовна.

«Михайловская Губа», которая состояла из селений Михайловского и Петровского, в 1742 году была подарена Елизаветой Петровной прадеду А. С. Пушкина—Абраму Петровичу Ганнибалу, увековеченному Пушкиным «арапу Петра Великого». В 1781 году, после его смерти, земли были поделены между сыновьями, и село Михайловское досталось Осипу Абрамовичу, от которого в 1806 году и перешло к его дочери Надежде Осиповне, матери А. С. Пушкина.

После смерти поэта Михайловское в течение многих десятилетий находилось в запустении: мебель и вещи, принадлежавшие Пушкину, расхищались, дом был продан на слом, и на его месте воздвигнут новый, отличный от дома поэта, изображенного на известном рисунке землемера Иванова (1837 год) и описанного И. И. Пущиным и другими мемуаристами.

Это подтвердил в своем письме художнику В. В. Максимову 3 июля 1898 года сын поэта Г. А. Пушкин: «Единственная постройка, сохранившаяся со времен отца в Михайловском, — флигель (домик няни. — *А. З.*), который предоставляю осмотреть; остальные постройки возведены мною и лишены исторического интереса».

В 1899 году имение было продано псковскому дворянскому банку. При перестройке в 1908 году дом Пушкина сгорел, и вместо него был возведен, по проекту В. А. Щуко, новый дом, резко отличавшийся от первоначального дома поэта.

Этот дом снова сгорел в 1918 году. В 1922 году по решению советского правительства пушкинские места в Псковской области были объявлены государственным заповедником. К столетию со дня смерти поэта дом был восстановлен по новому проекту К. К. Романова, ничего общего не имевшему с прежними архитектурными решениями, в особенности с домом поэта, построенным Ганнибалом еще в XVIII веке.

В первый период Великой Отечественной войны немецко-фашистские захватчики временно оккупировали территорию Пушкинского заповедника. Они сожгли дом-музей поэта и домик няни, который сохранился в неприкосновенности с пушкинских времен, изрыли траншеями парки Михайловского и Тригорского. Они взорвали Святогорский монастырь, надругались над могилой поэта, заминировали её и подготовили к взрыву. Но бойцы Советской Армии 12 июля 1944 года освободили Пушкинский заповедник, не дав захватчикам возможности довести до конца их гнусные злодеяния.

В настоящее время восстановлен в своем первоначальном виде дом поэта в Михайловском, который воссоздан по проекту архитектора Л. И. Рожнова таким, каким он был при Пушкине, на основе тщательного изучения рисунка Иванова и воспоминаний современников; заново построен по сохранившимся чертежам и обмерам домик няни; полностью восстановлен и Святогорский монастырь, где покоится прах поэта; благоустроена вся территория Пушкинского заповедника, в особенности такие природные памятники, как Михайловские роща и парк и Тригорский парк.

В юбилейные дни трудящиеся Советского Союза, делегаты зарубежных стран будут чествовать память гениального поэта в восстановленном заповеднике, в воссозданном Лицее, где он учился, и в одном из лучших русских дворцов, который превращен в Государственный музей имени Пушкина.

А. ЗОЛОТОВ

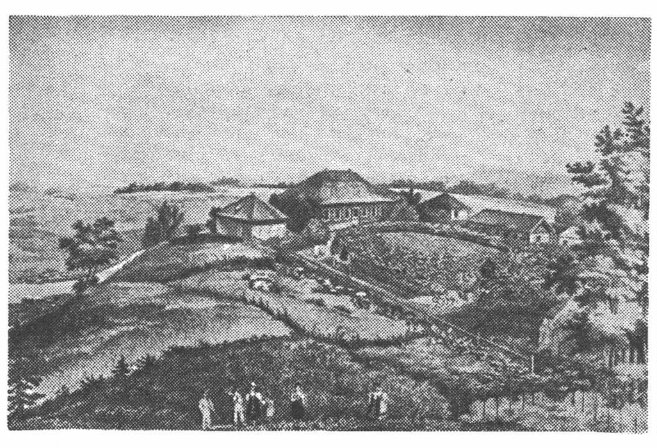
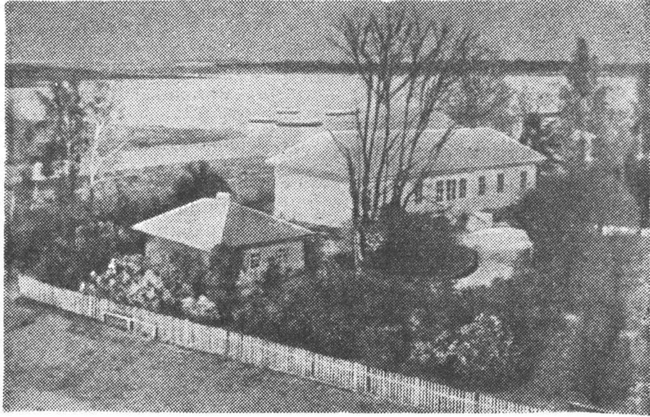

Рисунок землемера Иванова, изображающий дом Пушкина в Михайловском (1837 год).

Восстановленный по проекту архитектра Л. И. Рожнова дом Пушкина (1949 год).

Воссозданный Лицей

Город Пушкин. Сколько в нем памятных мест, связанных с именем великого русского поэта! И среди них особо выделяется светлозеленое здание Лицея, где учился великий поэт.

Немецкие захватчики нанесли зданию тяжелые раны. Но как только окончилась война, советские архитекторы приступили к восстановлению Лицея в том виде, в каком он был при Пушкине.

Множество фотографий, акварели, гравюры, наконец, рисунок самого Пушкина «Вид лицея» подтверждают, что сохранившиеся стены соответствуют первоначальному внешнему облику здания. О внутренней же архитектуре Лицея у «Ленакадемпроекта» таких обширных и бесспорных материалов на первых порах не было. В литературных воспоминаниях лицеистов встречаются беглые описания расположения комнат, обстановки. Эти скупые строки дают лишь общее представление. Между тем нужно было воссоздать лицейский актовый зал с документальной точностью, таким, каким его создал великий русский зодчий Василий Петрович Стасов. Здание Лицея, так называемый «Новый флигель» Екатерининского дворца, было сооружено еще в 1791 году архитектором Ильей Нееловым для жилья. В 1811 году В. П. Стасову было поручено дом перестроить, приспособив его для первого в России привилегированного императорского Лицея.

Архитектор - реставратор смотрит на знакомую репинскую картину, на которой изображен юный Пушкин, читающий перед Г. Р. Державиным свое стихотворение «Воспоминания в Царском селе». Вот этот самый актовый зал: колонны, паркетный пол, большой стол, покрытый красным сукном... Именно таким вспоминает лицейский зал И. И. Пущин, ближайший товарищ Пушкина. Впрочем, в картине изображены такие архитектурные детали, которые в литературных источниках отсутствуют.

В 1844 году, после переезда Лицея в Петербург, актовый зал и остальные помещения были перестроены под квартиры. И. Е. Репин писал картину 67 лет спустя. Какими же материалами пользовался он для своей работы?

И архитектор-реставратор решил пойти по пути художника.

Внутренний вид актового зала до перестройки был известен по литографии П. Бореля, относящейся к тридцатым годам прошлого века. В ней много сходного с обликом зала на картине Репина. Видимо, Репин пользовался литографией.

Поиски подлинных стасовских рисунков не увенчались успехом. Борелевская литография, конечно, давала представление об архитектонике зала. Но нужны были веские доказательства правдоподобности изображения. В фондах Пушкинского дома Академии наук СССР обнаружили другой старинный рисунок зала неизвестного автора. Его сравнили с литографией. Сходство было очевидным.

Затем были найдены документы, окончательно подтвердившие документальность литографии Бореля. В контракте В. П. Стасова с подрядчиком малярных работ Федором Брандуковым значилось, что подрядчик бронзировал орнамент, украшавший арочные проемы актового зала. Теперь стало понятным, почему на литографии орнамент изображен темным. Из того же контракта реставраторы узнали, что стены были окрашены «зеленоватым колером», а колонны стояли декоративные...

Тут, кстати, было сделано другое открытие. Невдалеке от Лицея стоит разрушенное немецкими оккупантами здание оранжереи, которое Стасов также перестраивал. При изучении этого памятника стасовской архитектуры реставраторы заметили, что украшавшие его дорические колонны по своему рисунку совпадают с изображенными на литографии. Архитектор теперь уже уверенно составлял основной проект восстановления.

И вот строители приступили к разборке перегородок. Под штукатуркой действительно были обнаружены арочные проемы, а под напластованием потолка открылись четыре гнезда, в которых закреплялись когда-то декоративные колонны. На стене, в пространстве между первым и построенным позднее потолками, уцелел отлично сохранившийся кусок подлинного стасовского карниза.

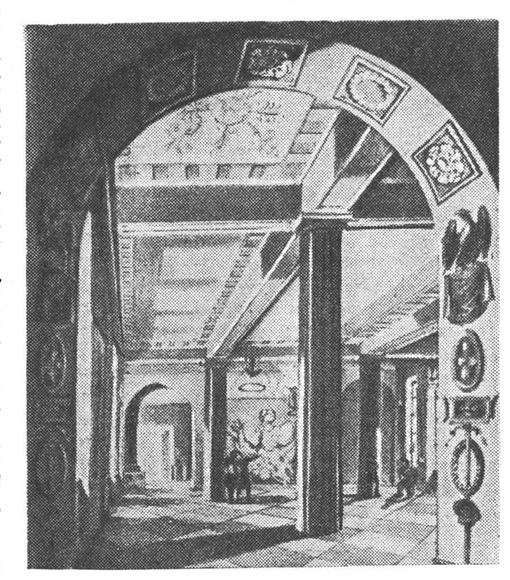
Так окончательно был найден исторически правдивый облик актового зал Лицея.

В содружестве с художником В. Щербаковым, со скульпторами И. Крестовским и Н. Михайловым автор проекта восстановления здания архитектор Л. Безверхний воспроизвел роспись на потолке, реставрировал большой настенный барельеф, арочные украшения.

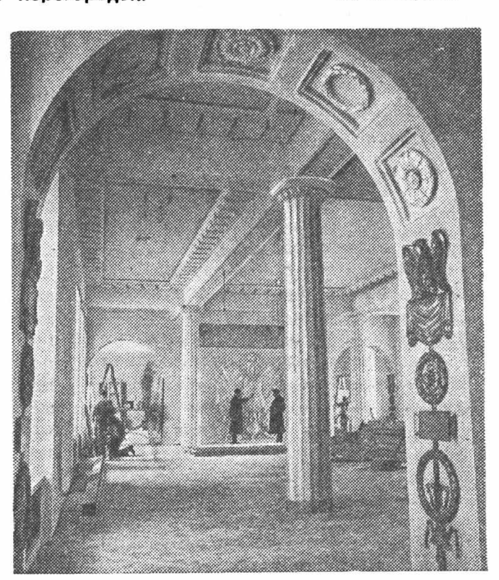
Исторический лицейский зал вновь ожил. В дни, когда будет отмечаться стопятидесятилетие со дня рождения А. С. Пушкина, здесь состоится торжественное заседание президиума Академии наук СССР, посвященное памяти великого русского поэта

С такой же тщательностью и бережным отношением к русскому классическому архитектурному наследству восстанавливается в городе Пушкине и Александровский дворец, особенно пострадавший от немецких оккупантов. В этом здании, одном из лучших творений Кваренги и Стасова, разместится Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

А. МЛОДИК

Литография П. Бореля, изображающая актовый зал Лицея.

Актовый зал после восстановления.

ПУТЬ УЧЕНОГО

Л. АЛЕКСАНДРОВ

Н. Д. Зелинский — магистр.

Н. Д. Зелинский — академик.

В глубине двора Московского государственного университета, за сквером, стоит небольшое двухэтажное здание. На стене табличка: «Лаборатория органической химии имени академика Н. Д. Зелинского».

Более полувека назад начал здесь свою плодотворную деятельность выдающийся советский ученый, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии Николай Дмитриевич Зелинский. Можно смело сказать, что его исследования послужили основой развития органической химии, а открытия сыграли важную роль в истории этой отрасли знаний. Ему удалось решить самые сложные проблемы, создать строгие научные теории, объяснить многие непонятные явления и подчинить непокорные химические вещества воле человека. Творческий путь Николая Дмитриевича — путь подлинного ученого, истинного патриота, смелого экспериментатора, неизменно сочетавшего теорию с практикой.

Н. Д. Зелинский родился в Тирасполе в 1861 году. Двадцатитрехлетним юношей он окончил Новороссийский университет в Одессе и напечатал свой первый научный труд, — сейчас число его трудов превышает пятьсот. В 1889 году Зелинский защитил магистерскую диссертацию, а два года спустя — докторскую. Темой своей работы молодой ученый избрал новую, неизведанную область химии — явления стереоизомерии.

В то время практика органической химии значительно опережала теорию. Ученые получали в своих лабораториях все новые и новые соединения, но не могли ни объяснить, ни тем более предугадать их свойства. Порой они открывали вещества, содержащие равное количество атомов углерода, кислорода, водорода или других элементов, и вместе с тем не похожие друг на друга. Производя повторные кропотливые анализы, химики убеждались, что дело тут не в ошибке опыта, не в погрешности расчетов. Тайна различия, видимо, скрывается в самом строении соединения.

На помощь исследователям пришла гениальная структурная теория русского ученого А. М. Бутлерова, которую до сих пор называют «нитью Ариадны» в запутанном лабиринте органической химии. Эта теория показала, что свойства веществ объясняются расположением атомов в молекуле. Учение Бутлерова раскрыло тайны многих химических соединений, но при дальнейшем развитии органического синтеза снова возникли непонятные явления.

И вот в своей докторской диссертации «Исследования явлений стереоизомерии среди насыщенных углеродистых соединений» Н. Д. Зелинский установил, что свойства молекул зависят от расположения атомов и их групп не только на плоскости, но и в пространстве. Этот труд открыл новые пути изучения и понимания особенностей химических соединений. В наше время существует целая область химии — стереохимия, которая рассматривает взаиморасположение атомов во всех трех измерениях.

Круг научных интересов Н. Д. Зелинского всегда отличался необыкновенной широтой. Его привлекали наиболее трудные и, казалось бы, неразрешимые проблемы. В 1891 году Н. Д. Зелинский отправился на канонерской лодке в глубоководную экспедицию, призванную найти ключ к загадке Черного моря. Воды этого моря обладают удивительной особенностью: на определенной глубине они заражены сероводородом — ядовитым газом, непереносимым для живых существ. Откуда взялся этот газ? Пробивается ли он из неведомых земных глубин сквозь трещины дна, появляется ли вследствие каких-то химических реакций? Ученые не могли ответить на эти вопросы.

Все лето канонерка бороздила воды Черного моря. Участники экспедиции брали пробы ила и везде находили сероводород. Биохимические эксперименты Н. Д. Зелинского впервые в мире доказали, что этот газ бактериального происхождения. Его вырабатывают особые сероводородные бактерии, населяющие черноморское дно. Так была раскрыта еще одна тайна природы.

Тридцати двух лет молодой ученый стал экстраординарным профессором при кафедре органической и аналитической химии Московского университета, вошел в ту самую лабораторию, которая ныне носит его имя.

Внимание ученых привлекала тогда химия нефти. «Черное золото» находило все более и более широкое применение. Хотя главным образом его использовали как топливо, но уже тогда намечались пути получения из нефти различных химических веществ.

Однако не всякая нефть могла служить сырьем для химической промышленности. Ценность нефти зависит от ее состава. Наша бакинская нефть, например, представляет собой смесь различных химических соединений, в которой преобладают так называемые циклопарафины. Это замкнутые цепочки атомов углерода, где на каждое звено приходится по два атома водорода. Такие соединения с трудом вступают в реакции, а потому из них нельзя получать ни красок, ни пластических масс, ни взрывчатых веществ.

Н. Д. Зелинский задался целью превратить эти «химические мертвецы» в высокоактивные соединения. Для этого надо было отнять у каждого атома углерода по одному атому водорода. Но то, что легко решается в теории, порой невозможно осуществить на практике. Ведь «лишние» атомы водорода не оторвешь никаким пинцетом, не отрежешь никакими ножницами. Необходимо было найти какие-то особо тонкие пути решения этого важного вопроса. Талант Николая Дмитриевича подсказал ему совершенно новый и необычный путь. Он пропускал циклопарафины над нагретой мелкораздробленной платиной. Платина сыграла роль пинцета. И «химические мертвецы» ожили. Так Н. Д. Зелинский сумел изменить природный состав бакинской нефти — она стала неисчерпаемым источником сырья для промышленности.

К сожалению, в 1911 году его плодотворная работа была прервана. В знак протеста против реакционной политики царского министра Кассо прогрессивный русский ученый покинул Московский университет и переехал в Петербург.

Через несколько лет началась первая мировая война. Весной 1915 года немцы применили отравляющие вещества. Тысячи солдат гибли от смертоносного тумана. Николай Дмитриевич не мог оставаться безучастным. Его знания, его опыт должны были отыскать универсальное средство защиты русских воинов, так как враг пускал в ход все новые и новые отравляющие вещества. Труды Н. Д. Зелинского увенчались полным успехом. Уже в августе 1915 года он нашел вещество, поглощающее любой ядовитый газ. Вскоре противогаз Зелинского был принят на вооружение русской армии.

Но еще до того, до организации массового производства, Николай Дмитриевич со своими немногочисленными сотрудниками собственноручно изготовлял противогазы и отправлял их на фронт. Ученый бережно хранит благодарственные письма людей, которых он спас противогазами.

После Великой Октябрьской социалистической революции Н. Д. Зелинский вернулся в Московский университет и снова приступил к изучению углеводородов нефти. Когда молодая Советская республика оказалась отрезанной от нефтеносных районов, а наша авиация настойчиво требовала высококачественных бензинов, он сумел создать их из солярового масла, большими запасами которого располагало народное хозяйство.

Исследования академика Зелинского дали замечательные теоретические и практические результаты. Наши химики научились теперь управлять многими процессами превращения углеводородов нефти и изменять по своему желанию их структуру, свойства и химический состав.

Научная деятельность Н. Д. Зелинского тесно переплетается с педагогической. Из его школы вышли крупные химики-академики Несмеянов, Наметкин, Казанский, доктора химических наук Юрьев, Шуйкин, Левина, Турова-Поляк и многие другие.

Велико число учеников Николая Дмитриевича, и разнообразны области химии, где они теперь трудятся, потому что разнообразны были, есть и будут интересы учителя. Он всегда находился среди новаторов науки и решал наиболее актуальные проблемы.

Одна из них — проблема высоких давлений. Обычно химические процессы протекают при нормальном давлении, то есть при давлении в одну атмосферу. Что произойдет, если искусственным путем его значительно повысить? Оказывается, что такое увеличение давления открывает перед химиком новые возможности. Оно ускоряет многие реакции, позволяет получать новые соединения и изменяет свойства хорошо знакомых веществ. Так, например, под большим давлением бумага становится твердой и прозрачной, глицерин способен пробить стенки стального сосуда, уголь может превратиться в алмаз. Изменяется внутренняя структура вещества, а следовательно, и его свойства. Многими открытиями обогатил Н. Д. Зелинский мировую науку, изучая поведение веществ при давлениях, измеряемых тысячами, а порой и десятками тысяч атмосфер.

Но и этой проблемой не ограничился советский ученый. Еще в 1912 году он начал исследовать сложную молекулу белка, чье строение никому не удавалось разгадать. Десятилетиями шла упорная борьба дерзновенного естествоиспытателя с природой, которая старалась сохранить эту тайну — тайну живой материи. В 1947 году борьба закончилась победой науки. Академик Н. Д. Зелинский и его сотрудник, профессор Московского университета Н. И. Гаврилов, объяснили, из каких атомов и групп состоит молекула белка. Новая теория строения белка, отмеченная Сталинской премией, получила неоспоримое подтверждение на опытах.

— Химия, — говорит Николай Дмитриевич, — часто одаряла меня величайшими наслаждениями познания еще не разведанных тайн природы. Она дала мне возможность послужить людям, облегчить их труд, избавить их от некоторых страданий, порой от гибели. Она помогла мне стать человеком, не бесполезным для Родины. Она определила тот путь, на котором мне удалось принести пользу в социалистическом строительстве и обороне Страны Советов.

Герой Социалистического Труда Каллиник Михайлович Малинин — главный ветеринарный врач Ухтомского районного отдела сельского хозяйства (Московская область).
Фото В. Евграфова

Воронежская область, Верхне-Хавский район. Водоем и полезащитная полоса на Опытной плодово-овощной станции.
Фото Г. Зельма

Овечьи отары колхоза имени 26 бакинских комиссаров, одного из лучших в Нахичеванской АССР.

Фото С. Фридлянда

МАЯК

Рассказ

Иван РЯБОКЛЯЧ

Рисунки С. Герштейна

Собравшись на свой участок, старый Ярош, звеньевой колхоза «Маяк», шагал по аллее из молодых, уже по-осеннему оголенных тополей, как вдруг со двора колхозной конторы на улицу стремительно выскочила уборщица конторы Елизавета Карповна Посмитная. Она на ходу завязывала серый грубошерстный платок и тревожно оглядывалась. Хотя ей шел уже четвертый десяток, все почему-то величали ее просто Лизой. Увидев Яроша, она со всех ног бросилась к нему.

— Ну и девка! Только показался жених на улице,— чуть с ног не сбила,— пошутил Ярош, расправляя на груди серебристый веник пышной толстовской бороды.

— Ой, Данило Петрович, вы все шутите,— взволнованно произнесла Посмитная, стараясь поймать его за пуговицу; когда ей это удалось, она оглянулась и прошептала со страхом: — К нам в «Маяк» приехала делегация!

— Приятная оказия: по чарочке будет. То-то у меня нос свербит с самого утра!— обрадовался Ярош.

В «Маяке» издавна повелось: после проверки договора на соревнование делегацию соседей приглашали к столу. А на столе уж было что выпить и закусить!

— Ой, нет!— воскликнула Посмитная.— Делегация чужая. В голубом автобусе с мягкими сиденьями. Вот какая оказия!

Лицо Яроша, наполовину скрытое бородой и усами, стало серьезным, сосредоточенным. Из-под нависших бровей озабоченно глянули серые с маленькими зрачками глаза.

— Ну, а ты, значит, и растерялась,— сказал он с укором.

— Так же сколько их понаехало! Человек двадцать! А в конторе только одна я с веником.

— Ох, эти мне дивчата! С веником ее увидели, так она и контору бросила и из села уже удрать готова.

— Данило Петрович! Меня послали за председателем. Побежала я, а теперь не знаю, с чем возвращаться: председатель и парторг давеча выехали в Сталино и до сих пор не вернулись. Нету дома никого.

— Как это нету!— прервал собеседницу звеньевой.— Давай бухгалтера!

— Бухгалтер с портфелем в банк поехал. Аванс будут нам выдавать.

— Ну, тогда бригадиров!— не сдавался Ярош.

— А бригадиры все в районе на семинаре. Мичурина изучают.

Тут уж пришла очередь растеряться самому Ярошу. «И принесло ж ее, эту делегацию, в такой день!» — с неудовольствием подумал он.

— А что ж это за делегация?— спросил он скрывая растерянность и озабоченно глядя в сторону конторы.— Может, какие американы или англичаны?

— Ой, Данило Петрович! Строгие все! Ко всему присматриваются. Как ревизоры какие. Пыль где-то заприметили — пальцем провели, бумажка какая-то на столе лежала — прочитали... И двор как-то чудно осматривают!

— Гм...

Ярош минуту помолчал, пальцы его задумчиво перебирали бороду, а серые глаза смотрели куда-то в далекую степь, куда держал он путь.

— Вот что, Лиза, Елизавета Карповна. Выходит, что мы с тобой высшая власть в «Маяке». Пошли! Будем вдвоем принимать делегатов. Американы так американы!.

II

Ярош и Посмитная опоздали: у конторы среди делегатов уже была самая молодая звеньевая колхоза — Надежда Ожина, комсомолка. От оживленной беседы круглые щеки ее расцвели и рдели завидной свежестью розы.

Надежда с ее молодежным певучим звеном была самым опасным соперником Яроша, сколотившим свое звено из престарелых женщин.

— А вот и мой соперник!— звонко объявила Надя делегатам и, не давая Ярошу опомниться, сразу бросилась к нему, дробно стуча об пол высокими каблуками аккуратных сапожек.— Знакомьтесь, Данило Петрович,— делегация дрогобычских крестьян и колхозников.

Она бойко крутнулась на своих высоких каблучках и легко поклонилась делегатам.

— А это наш знатный ланковой Данило Петрович Ярош. Рекомендую вам, товарищи, познакомиться с ним. Вредный человек! Победил мое звено!

«Так вот что это за делегация,— подумал старый Ярош.— Значит, свои! Свои!» Ладони его все еще ощущали дружеское пожатие шершавых рук дорогих гостей.

— Приехали к вам в Донбасс на экскурсию, Данило Петрович,—ласково говорил высокий, чисто выбритый руководитель делегации, назвавший себя Сидорчуком. — Видите, у нас, на Дрогобычине, уже имеется несколько сот колхозов. Которые уже и по два года хозяйствуют, а которые существуют менее двух месяцев. Народ наш хочет у вас поучиться.

«Ишь ты, что за люди,— тепло подумал Ярош.— А она такого наговорила, что я их за американов принял. Да этих людей хлебом-солью встречать надо!»

Ярош отозвал в сторону Посмитную и, что-то пошептав ей на ухо, отправил с срочным заданием к себе домой.

— Есть среди нас и единоличники,— продолжал беседу Сидорчук.— Вон стоит, с рыжими усами, в кожушке. Фамилия его — Слива. И вон тот, из пальто у него жилетка гуцульская выглядывает. То Кошелюк. Заядлый! А всего семеро единоличников!

Вся делегация столпилась вокруг Надежды. Вблизи нее стояли две дрогобычские звеньевые в цветастых платках. Они не сводили с Нади глаз, очарованные ее речью, да, вероятно, и ею самой, ее живой, энергичной фигуркой. Единоличники держались в стороне и в разговор не вступали. У некоторых из них — особенно у рыжеусого Сливы — было написано на лице выражение, будто разговор его мало интересует, будто он даже и не знает, для чего, собственно, находится тут.

«Гм! Вот оно что,— соображал Ярош.— Значит, у них теперь вроде тридцатый год. Так, так. Выходит, к надиным словам прислушивается, а сам себе думает: «Говори, говори, дивчина, а мы еще посмотрим... Нам нынче жить хорошо и единоличниками...»

Яроша так поразила эта мысль, что даже капельки пота заблестели у него на лбу. Он вспомнил тридцатый год, трудности и тяжелые раздумья некоторых односельчан в ту пору, когда создавали родной колхоз, их колебания и опасения, и в его взволнованном сердце зародилась живая тревога о судьбе этих людей. Выходит, есть еще на свете единоличники!

Теперь он искренно пожалел, что нет дома председателя и парторга. Вот бы кому поговорить с этими людьми!

— Товарищи гости!— сказал Ярош, вежливо снимая шапку и обращаясь ко всем.— Прошу прощения за такую неудачную встречу: как раз нету дома наших руководителей. Все в разъезде, все в делах. Хотя бы нас кто-нибудь предупредил...

— О, товарищ, это ничего. Это ничего!— заговорил вдруг Слива; Ярошу послышалась в его голосе нотка радости.

— Видите,— ответил ему звеньевой,— председатель наш или же парторг сумели бы вам куда лучше рассказать, нежели, скажем, я или Надежда.

— Это ничего, товарищ,— снова повторил Слива.— Рассказать можно и по радио. А нам бы увидеть. Своими глазами на все глянуть. За тем и приехали.

Так, теперь уже не было сомнения: Слива явно обрадовался, что нет ни председателя, ни парторга. Радовался, видимо, и чернобородый гуцул Кошелюк, только вида не подавал.

— Тогда позвольте вас пригласить осмотреть наше хозяйство,—сказал Ярош.

Порог конторы он переступил с тревожным ощущением большой ответственности, вдруг свалившейся на его плечи.

III

«Маяк» располагал крупным, разнообразных отраслей хозяйством. Сидорчук внес предложение разделиться на две группы, что и было сделано. Надя пригласила часть делегатов в автобус и повезла их в степь — знакомить с артельными полями.

С Ярошем остались Сидорчук, колхозники Люлько, Радчук и Довжик, единоличники Слива, Кошелюк и Дудко.

— Показывайте, товарищ, ваше хозяйство,— домогался рыжеусый Слива, словно куда-то торопясь.

Артельные службы находились довольно далеко друг от друга, и Ярош так спланировал экскурсию, чтоб меньше колесить, не возвращаться с одного конца села в другой.

Осмотр начали с инвентаря, с кузницы. Кузница стояла на краю се-

ла, сразу при дороге. Первое, что бросилось в глаза делегатам, был огромный прицеп к трактору.

«И какого чорта они его тут выставили», — выругался Ярош, быстро переступая через прицеп и стараясь отвлечь делегатов разговором.

Однако колхозник Люлько,— вероятно, плотник — удивленно остановился возле прицепа и воскликнул:

— Ого! Вот штуковина! Что это такое?

Вся группа столпилась около Яроша, и ему пришлось давать пояснения:

— Это, дорогие гости, тракторный прицеп. Когда трактор едет по полю, к нему мы цепляем бороны.

— Фью! Татку мой! Сколько ж ваш трактор волочит борон? — заинтересовался молодой парень в серой фуфайке, Левко Радчук.

— А это как какой трактор. Который тридцать, а который и шестьдесят! «ЧТЗ», например. А? У вас такого разве нету? Ну, будет! Потянет день — и двести гектаров заборонovано!

— У нас «ХТЗ», — вздохнул парень.

— Да, но скажите, товарищ,— вмешался Слива,— чего ж эта штука тут торчит?

— Видите, весь инвентарь уже свезен во двор, а этот прицеп приволокли последним да и въезд закрыли,— пояснял Ярош.

Поблизости кузницы беспорядочно лежали заржавевшие, давно забракованные конные плуги. Слива сразу же заметил их.

— А плужки саковские. Как и у нас,— произнес он не без ехидства.— Только что-то они у вас не больно в почете...

Ярош не ответил, молча повел дальше и остановился у громадного пятикорпусного плуга. Рядом стояли еще два таких же.

— Правильно сказал товарищ Слива. Это были плужки саковские, а вот это — Ростсельмаша,— лукаво пояснял он.— Этими плужками вспахано за сезон 1600 гектаров из 1700 гектаров пахотного массива. А этими, значит, сто. Неудобство...

Сидорчук, Люлько и Радчук очарованно смотрели на огромные плуги, хлопали ладонями по железу, с увлечением чмокали губами.

— А что это у них спереди? — допытывался Левко Радчук, держа тетрадь в руках: все увиденное и услышанное им в «Маяке» он старательно записывал, «чтоб молодежи и всем людям поведать».

Ярош рассказал о предплужниках, о глубокой культурной вспашке, наконец, горячо заговорил об академике Вильямсе, о его травопольном севообороте. Молчаливый чернобородый Кошелюк недоверчиво, исподлобья поглядывал на толстовскую бороду Яроша, потом переводил взгляд на его руки и, еще раз убеждаясь, что они мозолистые, рабочие, растерянно опускал голову.

У культиваторов Слива молчал, ничего не спрашивал, только наблюдал вместе с Кошелюком, как другие делегаты обхаживают и осматривают эти впервые увиденные ими машины, а заметив дисковые сеялки, не утерпел и сам стал их щупать и оглядывать. Один лишь Кошелюк стоял сбоку отчужденно, и только глаза его иногда поблескивали.

Когда со двора кузницы вышли на улицу, молчаливый единоличник Дудко не вытерпел:

— Нам бы вот так, машины! — тихо с завистью произнес он.

— Можно,— охотно ответил Ярош — так, словно это действительно было в его силах.— Это можно. Только будет ли у вас где повернуться на ваших нивках хотя бы такому прицепу, а? Не залезет ли он колесом в чужую нивку, не сломает ли межу? Что вы на это скажете, товарищ Слива?

Слива старательно закашлялся, а Кошелюк уставился себе под ноги.

— А где ж тракторы? — заинтересовался молоденький Радчук.

Не дослушав ответа звеньевого о ремонте тракторов в МТС, Слива вдруг захотел побывать в амбаре, проверить зерно.

— Все осмотрим, все,— успокоил его Ярош.— Но тут нам с руки на ферму заскочить. А амбары чуть дальше.

Однако Слива не соглашался, ему во что бы то ни стало хотелось раньше увидеть амбары.

IV

В «Маяке» хлеб хранился не в маленьких, довоенных амбарчиках — их сожгли немцы,— а в кирпичном зернохранилище, построенном после войны.

— Это ваш гамазей? [1] — делая ударение на слове «ваш», недоверчиво спросил Слива, когда они подошли к большому зернохранилищу, покрытому белым волнистым шифером.

— Это наш амбар! — пояснил Ярош.

Кладовщик в замасленной фуфайке и весь в муке загромыхал засовом и открыл дубовые двери. Из амбара дохнуло на гостей запахом сухого, отлично хранимого хлеба. Зерно насыпью лежало в высоких дощатых закромах, расположенных под стенами, по сторонам прохода — коридора.

— Татку мой! Сколько хлеба! — громко воскликнул Левко Радчук, потрясенный богатством.— И весь этот хлеб вашего колхоза?

Ярош и кладовщик усмехнулись:

— А то чей же?

Люлько, Дудко, Слива и все прочие ходили по коридору зернохранилища, протягивая руки в высокие закрома, доставали пшеницу, ячмень, просо, подсолнечник и любовно рассматривали на ладонях:

— Вот это хлеб, людоньки!

— Это пшеничка! Золото!

— Настоящее золото!

— Вот бы нам столько!

— А вы, может, сдачу еще не закончили?

Это спросил недоверчивый Слива.

Кладовщик снял с гвоздя на стене бумажку и официально, словно документ, прочел:

«Валовой сбор зерна по колхозу «Маяк» — 110 тысяч пудов. На трудодни распределено 32 тысячи пудов. Посевные, фуражные и страховые фонды — 25 тысяч пудов...»

[1] Магазин для склада и хранения хлеба, зерна.

— Стойте, стойте! — закричал Левко Радчук.— Прошу прощения, я не успел записать. Колхозникам сколько выдано? Так, так, 32 тысячи. А сколько же колхозников? Двести шестьдесят? Рабочих? Это те, что работают? Так, выходит...

— Выходит, более ста пудов... вот так здорово! Две тонны на рабочего! — взмахнув рукою, воскликнул сдержанный Сидорчук.

Левко уже не записывал, вопросительно и в то же время растерянно переводя взгляд с одного на другого.

— Нет, у нас выходит не так,— объяснил кладовщик.— У нас оплата по труду. Сколько труда вложил, столько и получай. Кому, действительно, две тонны, кому — полторы, а кому и все четыре.

Ярош уже не жалел, что в угоду Сливе сделал крюк к зернохранилищу, не жалел, что теперь придется поворачивать обратно, чтоб попасть на фермы. Наблюдая неподдельное увлечение и волнение гостей, вызванное богатством «Маяка», он и сам разволновался не меньше их.

Особенно поразила его перемена, которая вдруг произошла с Кошелюком. Лицо его побледнело, глаза блистали болезненным огоньком, руки, сгребая пшеницу, дрожали. Горстку золотистого зерна он бросил себе в карман. Слива и Левко Радчук последовали его примеру.

— Я покажу нашим людям,— горячо пояснил Левко,— какая у вас крупнозерная пшеница. Какой хлеб! Словам они не поверят. Я сам бы не поверил, не видя.

Левко припал со своей тетрадью к столику кладовщика, старательно записывая каждое название сорта и урожайность его на гектаре. Нашлась бумага и у остальных гостей. По примеру Радчука они облепили столик, как пчелы каплю меду,— тут, в «Маяке», им было что записывать...

V

Из зернохранилища направились на ферму. Плотник Люлько хвалил село и черепичные крыши колхозных хат. Радчук любовался стройными тополевыми аллеями вдоль улиц. Слива и Кошелюк о чем-то горячо шептались позади всех. Вдруг Слива догнал Яроша и, несколько смущенный, попросил повернуть во двор колхозника. Он указал на хату, кровля которой была крыта не черепицей, а грубым, с длинным стеблем камышом.

«Сомневается!» — подумал Ярош, входя в неоггороженный двор колхозницы — вдовы Середы.

Середа от неожиданности ахнула, увидя входящих гостей, и, пригласив их в хату, начала старательно смахивать пыль с табуреток и лавок.

Квартира ее состояла из светлицы, спальни и кухни. В спальне была узенькая простая кровать, окрашенная в голубой цвет, а в светлице — никелированная двухспальная постель с пирамидой подушек и думочек. Рядом стоял высокий из букового дерева шифоньер, между двумя окнами — комод с дюжиной фотографий, прислоненных к флакончикам от духов. Над комодом висело большое зеркало. В каждой комнате под потолком электрическая лампочка, а в светлице, над комодом, чернел диск репродуктора.

Побывали и в хлеву, где стояла корова, и в свинарнике, и в садике, и в клети. Мешков у вдовы нехватало, и полученное зерно она ссыпала прямо в угол клети, отгородив его досками. Получились закрома на четверть клети, пудов на двести зерна.

— Сколько же у вас рабочих? — с удивлением допытывался Слива.

— Двое. Двое у нас работают. Я да моя дочь, в звене она. А то еще одна меньшенькая, та в школе,— пояснила смущенная молодица.

Мацеста в Москве

Инженер-геолог С. А. Смолякова, работая в одной из поисковых партий, заболела ревматизмом. Ее привезли в Москву. Болезнь протекала в тяжелой форме и дала осложнение на сердце.

— Мацестинские источники радикально помогут вам, — говорили ей врачи. — Но ехать в таком состоянии в Сочи рискованно...

Что же делать? Как помочь больному человеку?

Смолякову направили в Центральный научно-исследовательский институт курортологии.

— Там, — сказали ей, — вы получите нужное лечение, вполне заменяющее мацестинские сероводородные источники.

Больную отвезли в институт курортологии, занимающий в Большом Новинском переулке красивое пятиэтажное здание.

Через полтора месяца С. А. Смолякову выписали. Уезжая домой, она написала в книге отзывов: «Я поступила в клинику Института курортологии в очень тяжелом состоянии. Ухожу отсюда совершенно обновленным человеком».

Приготовленная в Москве мацестинская вода оказалась такой же целебной, как и на своей родине. Искусственные сероводородные ванны вернули тяжело больному инженеру-геологу работоспособность.

Лечение искусственными курортными средствами в столице — одно из больших достижений советских ученых, работающих в Центральном институте курортологии. Институт, существующий уже свыше четверти века, возглавляет всю науку о курортах в стране и руководит научно-исследовательской деятельностью 12 курортных институтов на периферии. Его научные сотрудники изучают природные лечебные средства: источники, грязи, микроклимат. Кроме того они занимаются проблемами планирования и развития курортов, организуют рациональную постановку лечебного дела в санаториях. Подобных институтов не имеет ни одна страна в мире.

Институт курортологии оборудован по последнему слову науки. Здесь имеются терапевтическое, гинекологическое, неврологическое и хирургическое отделения, отдел по изучению курортных ресурсов страны. Лаборатории, лечебные кабинеты и клиники института располагают всем необходимым для углубленной научно-исследовательской работы и радикального лечения больных. Лечат тут больных грязями, сероводородными, углекислыми, хвойными, солеными, радиоактивными ваннами. Широко применяется лечебная физкультура, механотерапия, свето- и электролечение, массаж. Среди научных работников института 11 профессоров, 13 докторов и 30 кандидатов наук. Коллектив института дал уже около 2,5 тысячи научных работ.

По мере изучения работниками института благотворного действия естественных минеральных источников и грязей на больной организм становилась очевидной необходимость приближения курортного лечения к больным. Так возникла прекрасная идея — дать возможность пользоваться курортным лечением людям, которые по тем или иным причинам не имеют возможности выехать на курорты. Сотрудники института долго и упорно трудились над этой проблемой и блестяще разрешили ее. Они разработали методику искусственного приготовления целебных вод, не уступающих естественным минеральным источникам наших прославленных курортов — Мацесты, Кисловодска и других.

Больные принимают искусственные сероводородные ванны. У ванны — заведующий серолечебницей, старейший работник института, заслуженный врач РСФСР Я. А. Шевцов.

Фото Г. Санько

На тысячах больных, лечившихся в клиниках Института курортологии, доказана лечебная ценность искусственных минеральных вод. Таким образом, трудящиеся столицы получили возможность пользоваться курортным лечением, не покидая Москвы.

Найдены способы длительного хранения лечебных грязей. Из Одессы, Крыма, с Северного Кавказа поезда доставляют в Москву грязь, которая содержится в особом хранилище и не теряет своих целебных свойств.

Институт особенно гордится работой кандидата физико-математических наук Е. Н. Щепотьевой, предложившей простой и оригинальный метод приготовления родоновых вод, успешно заменяющих радиоактивные источники курортов Цхалтубо и Пятигорска.

— Метод приготовления заменителей естественных целебных вод прост и доступен каждой крупной больнице, — говорит директор Института курортологии А. Ф. Третьяков. — Мы уверены, что Министерство здравоохранения СССР и местные Советы помогут нам широко внедрить его в практику лечебных учреждений страны.

За годы своего существования институт направил на места свыше 400 комплексных экспедиций, в состав которых, помимо врачей, входили химики, физики, биологи, геологи, гидрологи. Экспедиции открыли и исследовали сотни новых курортных местностей с различными минеральными источниками, имеющими всесоюзное и местное значение. Особенно много сделано в районах, где до революции население не имело понятия о курортах, например, в Сибири, на Урале, в среднеазиатских республиках. Теперь тысячи больных лечатся на местных курортах, обладающих целебными водами и грязями такой же силы, как на Кавказе и в Крыму.

М. АМШИНСКИЙ

— Так сколько ж вы хлеба заработали? Прошу прощения...— не унимался единоличник, до боли дергая себя за ус.

— Да вот видите ж! Я уже и забыла, сколько тут...— отвечала Середа.— Один раз привезли двумя подводами тонну. А другой раз машиной — полторы тонны с лишком. И еще там полагается, привезут...

VI

К концу обхода хозяйства «Маяка» Левко Радчук всю тетрадь исписал цифрами и фамилиями.

Делегаты посетили десяток хат, побывали в артельном саду площадью в шестьдесят семь гектаров, у пруда, в погребах, в омшанике, на мельнице, где жернова вертит электромотор, у пилорамы, окруженной пахучими досками и горами опилок, в клубе, местном радиоузле, на молочной ферме и свиноферме, отстроенных заново после войны, и, наконец, очутились на конюшне. Теперь уже их сопровождал не один Ярош, а целый кортеж маяковцев...

Хозяева наперебой рассказывали гостям о своей жизни и работе, о своих планах на зиму, на будущий год и на последующие годы, отвечали на сыпавшиеся вопросы, и сами задавали их.

Говорили и о том, что, казалось, не имеет прямого отношения к артельному хозяйству. Кто-то расхваливал своих дочерей, учащихся в Москве, в консерватории, кто-то рассказывал о том, какие письма получает от сына — инженера с Урала, кто-то показывал фотографию сына-полковника, кто-то видел академика Лысенко и даже разговаривал с ним, кто-то вспоминал о приезде в колхоз академика Колесника.

Ярош со страхом и даже с некоторым неудовольствием заметил, что роль экскурсовода перешла от него ко всем колхозникам, прослышавшим о приезде гостей из-за Карпат и прибежавшим сюда.

Исчезли различия и среди делегатов. Слива обнимал коня, выведенного во двор на показ гостям, прижимаясь щекой к его могучей, лоснящейся шее, черный Кошелюк показывал людям взятую в их амбаре пшеницу, бил себя в грудь,— видно, давая какую-то клятву. Левко Радчук и плотник Люлько перестали записывать и только все слушали с широко открытыми, удивленными глазами.

Во двор конюшни, требуя сигналом дороги, вкатился голубой автобус. Присутствующие, расступаясь, на минуту затихли, потом сгрудились все вокруг автобуса, радостно встречая группу, вернувшуюся с поля.

Первой выскочила из автобуса Надя, сидевшая рядом с шофером. Она подбежала к Ярошу и, шутя щелкнув высокими каблучками, доложила:

— Поля осмотрели. Гости познакомились с нашим севооборотом, с видами на урожай озимых, с парами, лесозащитными полосами...

Люди притихли, слушая ее звонкий рапорт. Старый Ярош поспешил воспользоваться тишиной. Он снял шапку и, поклонившись гостям, сказал:

— Всюду вы были, все повидали, ни в чем я вам не отказал. Не откажите ж и вы мне в одной просьбе.

— Как можем отказать вам, Данило Петрович?

— Говорите, просим!— в один голос горячо произнесли Люлько и Слива.

— Не были вы еще у меня,— сказал Ярош,— прошу вас, дорогие гости, ко мне в хату. После трудов праведных, как говорится, и перекусить не грех.

VII

Месяц уже выгнал в синюю безбрежную степь свое серебрсокое стадо, когда со двора старого Яроша выкатил на улицу голубой автобус и тихо направился в степь.

Старый Ярош долгим взглядом проводил его красный предостерегающий огонек. Справа от Яроша стояла звеньевая Надежда Ожина, слева — рядовая колхозница Посмитная.

— Поехали наши гости,— с жалостью произнес Ярош, когда затерялся во мраке ночи красный огонек.

— А я и не знала, что среди них единоличники есть,— задумчиво произнесла Посмитная.— Аж чудно! Я давно уже не видела живого единоличника.

Ярош откинул голову так, что бороду его разметал ветер, и громко рассмеялся.

— Какие единоличники? Колхозники!— воскликнул он.— Все тут, в «Маяке», заявление написали и у меня оставили. Как клятву... Так-то, Лиза, Лизавета Карповна: из дому выехали единоличниками, а домой прибудут колхозниками. Такая непобедимая сила у нашего «Маяка»!

Помолчав, старик шутливо сказал:

— А ты говорила: хозяев нету, некому принимать делегацию. Ого-го!

— А вы говорили, у вас нос свербит, чарку чувствует,— ответила ему в тон Посмитная.

— О, мой нос не ошибается!

Ярош молодецки подхватил обеих колхозниц под руки и гордо повел к своей хате. Там росла и ширилась громкая, призывная песнь маяковцев. Они пели о себе, о своем родном, любимом «Маяке» и к песне их жадно прислушивалась вся необъятная земля.

Перевод с украинского ТАТЬЯНЫ СТАХ

ВОСКРЕСНЫМ ДНЕМ

Анна ВАЛЮС

Рисунок О. Верейского

По дороге, осторожно обходя лужи, идет невысокая девушка; на ней синее драповое пальто, берет и маленькие, по ноге сапожки. Девушка подходит к крайнему дому, только-только отстроенному: вокруг еще валяется строительный мусор. Она тщательно чистит сапоги о поскребок, обтирает еловыми лапами, кинутыми на крыльцо, и тихо тянет на себя дверь. В сенях пахнет сырыми рогожами. Девушка останавливается.

— Ты меня даже к мотоциклу ревнуешь! — слышится в избе.

— Дурак, вот кто ты!

— Ладно! Пускай я дурак! Но вот ты у нас умная: соображала бы! Работе мешаешь! Из-за тебя не только что девушки, ребята остерегаются приходить ко мне. Кому охота нарваться на грубость!

Девушка усмехается и громко стучит в дверь. Голоса смолкают.

— Кто там? Заходите! Отперто.

Девушка входит. Михаил собирает на столе разбросанные листки книги. Мария у зеркала поправляет волосы.

— А, Любушка! — ласково говорит она.— Садись, садись. Молодец какая, что пришла.

Михаил молчит. Люба замечает стаканы с недопитым чаем и отводит глаза: оглядывает комнату. Светлого дерева большой буфет раскрыт, и в нем сверкает посуда. Видна стена другой комнаты, этажерка с книгами.

— Хорошо как устроились! — говорит Люба.

— Пойдем, я тебе другие комнаты покажу,— предлагает Мария.

Люба глядит на белый, скобленый пол.

— Сапоги мокрые...— нерешительно говорит она.

— Ничего! Я все одно каждый день мою. Пойдем.

...Когда они возвращаются, Михаил стоит у окна и смотрит на белое, заснеженное поле, что тянется до самого леса. У соседей топят печь, но едва показывается из трубы дым, ветер накидывается и рвет его на куски.

— Миша,— говорит Люба,— а я за тобой. Не сходим сейчас до тети Кати?

— Не поемши?! — вскипает Мария и тут же прикусывает губу.

Михаил натягивает дождевик. Они выходят.

Катерина Ивановна сидит у стола и перебирает крупу. На сундуке примостился Борька и вслух читает книгу. Жарко топится печь.

— А! — Катерина Ивановна приветливо улыбается.— Милости просим. В гости или по делу?

— Мы по делу, тетя Катя, — говорит Михаил и снимает плащ. — Как к секретарю парторганизации...

— Тогда пожалуйте в кабинет, — смеется Катерина Ивановна и добавляет: — А ты, Борюшка, перебери-ка крупу. И за печкой последи. Как прогорать начнет, меня кликни.

Она пропускает Любу и Михаила в другую комнату, проходит следом и плотно прикрывает дверь.

— Катерина Ивановна,— говорит Михаил,— есть у нас одно предложение. Когда согласны, помогите. Без вашей помощи нам трудно будет: обида может выйти и вообще...— он ерошит волосы.— Мы, комсомольцы, считаем, что у нас в колхозе больно тихое соревнование: робеют люди тягаться с нашими героями. И решились мы, чтобы оживить соревнование, организовать комсомольскую бригаду. Что скажете, тетя Катя?

— Решили верно. Только подумать надобно, подобрать людей. И перво-наперво бригадира.

— Говори, Люб...

— Тетя Катя! — Люба смело смотрит в глаза Катерине Ивановне.— Тетя Катя! Я так считаю: если ребята мне доверяют, я сумею, по-моему...

Катерина Ивановна, приоткрыв рот, садится.

— Так,— говорит она наконец.— А мать про это знает?

— Тетя Катя! — еще громче говорит девушка.— Хватит мне за маминой юбкой скрываться. Она меня выучила, а теперь я и сама пользу могу давать.

— Может,— подтверждает Михаил.

Катерина Ивановна задумывается.

— Тетя Катя, — уговаривает девушка, — вы подумайте о моей жизни. Выросла я в семье знатной колхозницы, и, сколько себя помню, все мне про то говорили... Вовсе маленькой была, когда мамины карточки вырезала из газеты. И стала я мечтать, тетя Катя, чтобы скорее вырасти и выучиться работать, как мама. Уж какая я счастливая была, когда она взяла меня в бригаду! Я ведь из кожи лезла, старалась...

Катерина Ивановна молча кивает.

— Вы не думайте,— упавшим голосом говорит Люба,— что мы с мамой поссорились или что другое... Я все ее задания на «отлично» выполняю. И славе ее я не завидую. Я вовсе не об этом думаю. Я знаю, какой человек — моя мама! А только,— голос ее крепнет,— бригада у нас большая. Делу-то лучше будет, когда мы с ней разойдемся. С двоих и спросится вдвое. Верно, тетя Катя?

— Ладно,— наконец отвечает Катерина Ивановна.— Поговорю с Прасковьей. Этой помощи ждете?

— Точно! — радуется Михаил.— А то мы не знали, как подступиться. Чтоб без обиды и по-честному.

— Ну, гляди, не осрамись, Люба. Серьезное дело! Ты, небось, и народ себе уже приглядела?

Люба смущенно кивает.

— После обеда приду к вам. Смотри, чтоб мать была дома.

— Больной прикинусь, а из дому не выпущу! — смеется Люба.

— Прямо даже не верится, что ты ко мне не по делу, в гости, пришла, Катя! — говорит Прасковья Михайловна.— Как хорошо-то! Каждый день видимся, да все не то: в поле, в правлении; поговорить по душам некогда.

В избе пахнет пирогами. Прасковья Михайловна и Катерина Ивановна пьют чай. На растопыренных пальцах они держат блюдца, дуют; сделав глоток, закусывают горячей ватрушкой.

— И мастерица ты пекчи, Прасковья! — удивляется Катерина Ивановна и спрашивает, кивая на занавески: — Чтой-то с Любашей?

— Голова разболелась. С утра была ничего, веселая, а после обеда и разболелась; только я к Стеше собралась...

* Начало цикла «Деревенские рассказы» А. Валюс и В. Лукашевича в № 13 «Огонька».

Прасковья подходит к занавеске и спрашивает:

— Ну как, Любушка: полегчало от уксусу?

— Вовсе прошло! — слышится веселый голос Любы.— Я, пожалуй, к Вальке Горшковой пойду...

— Что ты, что ты! — пугается мать.—Снова разболится. Ты поспи.

Прасковья задергивает занавеску и на цыпочках идет к столу.

— Что значит — одна дочка! — усмехается Катерина Ивановна.

— Утешение мое! — лицо у Прасковьи Михайловны ласковое.— Да ты ешь, Катя. Вот этого варенья еще попробуй. Ты его не кушала. И расскажи, что такое секретарь райкома говорил...

— Разнос нам был! — мрачно отвечает Катерина Ивановна.— Ивану Никитичу и мне.

— Больно он строгий.

— Ты,— говорит,— Марией не хвастай, председатель. И Прасковьей Михайловной тоже. Что ее воспитал. Да ты,— говорит,— еще в школу ходил, когда она с товарищем Сталиным разговаривала.

— Ишь, укор нашел: молодость!

— Нет,—говорит,—ты мне скажи: кого они воспитали, твои передовики? Кому опыт передали?

— Ну, уж это он зря! — протестует Прасковья Михайловна.— Конечно, передали. Взять хоть мою бригаду: каждый — мастер высокого урожая. В моей звезде есть доля каждого члена бригады.

— Лютовал, ужас! — продолжает Катерина Ивановна.— Все колхозники,— говорит,—должны подпирать передовиков, на пятки им наступать. Движению надо быть массовым. А ты людям не даешь настоящего дела, не доверяешь. И откуда, кричит, у тебя такое высокомерие к людям?

— Высокомерие! — ахает Прасковья Михайловна.— Батюшки! Что ж ты не заступилась, Катя, за Ивана Никитича? Разве же есть у него высокомерие?!

— Есть, Прасковья, есть. Я спервоначала и хотела заступиться, а потом, как раздумалась, так и вижу: есть. Больше скажу: и у меня есть, и, прости за правду, ты тоже не без грешка. Только Ивана Никитича ругали, а на нас понадеялись, что сами поймем. Поймем да исправим. На то мы и коммунисты.

— Не знаю, в чем таком я виноватая,— обидчиво говорит Прасковья Михайловна,— а только я честно передаю людям то, что знаю. И весь мой труд для народу.

— Сколько же сейчас людей в колхозе прибавилось: вернулись с армии, молодежь подросла! Дай им опытных руководителей, какие бригады выйдут! Глядишь, и новые земли поднять могли б.

— Опять под мою бригаду подкапываешься!

Прасковья Михайловна гневно встает.

— А где же нам искать,— спокойно говорит Катерина Ивановна.— Не из Москвы же их ждать. А есть у нас опытная знатная колхозница, Герой Социалистического Труда: не с нее ли спросить? Прасковья,— Катерина Ивановна ласково обнимает подругу,— ну, скажи, чего ты держишь народ возле себя? Боишься, что распадется бригада и слава твоя спадет? Так нет же: ты других воспитаешь, не хуже. Я тебя знаю!

Прасковья Михайловна молчит.

— Или ты боишься за своих людей, что не справятся без тебя? Так сама же говоришь: каждый — мастер высокого урожая. Доверять надо людям.

Прасковья Михайловна долго сидит молча.

— Ты мой взгляд знаешь, Катя: бригаду разорять, что винт вынуть из машины. Ну, ладно, куда ни шло, одного человека отдать могу. Кого просишь?

— Любу,— спокойно говорит Катерина Ивановна и протягивает пустую чашку: просит еще чаю.

Прасковья Михайловна встает и снова садится; наконец, спохватившись, наливает чай и подает чашку Катерине Ивановне.

— Петю возьми. Хороший будет бригадир! Пришел ко мне мальчиком, а нынче богатейший работник... Или Капу.

— Хорошо. И Петю возьмем. И Капу. Твоя бригада не обеднеет. А от Любы не отступлюсь.

— Трудно ей будет...— шепчет Прасковья Михайловна.

— Прасковья! — Катерина Ивановна с грохотом отодвигает стул.— Мы тебе девку губить не дадим. Вовсе ее под себя подмяла! Веру в свои силы у ней убиваешь. И так на весь район осрамила...

— Чем это я ее осрамила?

— А на комсомольской конференции. Ее в президиум выбрали, а она не идет: это не меня,— говорит,— выбрали, это, наверное, маму...

Прасковья Михайловна огорченно машет рукой и долго сидит, по-старушечьи подперев щеку рукой:

— Не пойдет она от меня. Еще обидится: гоню.

— А мы спросим ее.

Из-за занавески выходит Люба; она серьезна, а большие глаза потемнели.

— Мам, я пойду. Только ты на меня не обижайся.

Она обнимает мать. Прасковья Михайловна гладит плечо дочери:

— Жалко мне тебя... Голова вон болит!

Катерина Ивановна звонко смеется:

— Не замуж выдаешь в чужую деревню. Тут же будет, под боком. Небось, без помощи не оставишь.

Мальчишеский голос кричит во дворе:

— Любка!

— Чего?

Люба высовывается в форточку.

— Тебя Михаил дожидается. Он у нас сидит. И Мария тоже пришла.

— Сейчас приду.

— Наша маманя, случаем, не у вас?

— Тута!

— Пускай домой идет. Папаня серчает: в воскресенье, говорит, и то не посидит дома...

— В гости сходить не дадут! — сердится Катерина Ивановна.— Когда ж пойти? В будни-то все дела...

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

РАССВЕТ

Песка однообразное шуршанье,
Раскат азовских неспокойных вод.
В саманном доме предвесенней ранью,
Шинель накинув, курит лесовод.
Он будит почвоведа:
— Эй, пехота,
Подъем!
Их койки рядом.
— Нам пора! —
Их прерванная заполночь работа
Продолжена задолго до утра.
Их штаб — в песках у Арабатской стрелки.
За дверью — обнаженная земля,
Зернистый кварц и прах ракушек мелких,
Полынь, засохший стебель ковыля.
Их армия готова к наступленью.
Сигнала ждут посадочные звенья.
И над столом они склонились оба.
На нем — древесных срезов образцы,
И семена, и взятые для пробы
Соседнего района солонцы.
Десятки книг. Стакан с остывшим чаем.
Зеленая на карте полоса.
С настольного портрета Докучаев
Глядит на присивашские леса.
Их нет еще. Но сомкнутые кроны
Бушуют на двухверстке фронтовой —
Акации и молодые клены,
Обнявшиеся с крымскою сосной.
Песчинок рой о стекла глухо бьется,
Но чудится, в окно стучится сад,
Вода звенит и плещется в колодцах,
Ветвистые колосья шелестят.
Светает. Где-то над седым лиманом
Кричит баклан. За голубым окном
За прорванным редеющим туманом
Волна морская ходит ходуном.
Заря горит над стрелкой, розовея.
Друзья склонились над столом своим.
Спасенный от восточных суховеев,
За их спиной степной, пшеничный Крым.
Пора, пора! Уже курятся степи.
Пора, пора! Уже везут бензин.
Идут за тракторами на прицепе
Ряды лесопосадочных машин.
И лесовод в обнимку с почвоведом
Выходят на крыльцо, окрылены.
Горит заря. Предрешена победа.
. . . .
Так начинался первый день весны.

Микола ШАПОВАЛ

БРАТЬЯ ЛЕВКО*

А где-то песни на крутосклонах:
В лесах дубовых, в полях зеленых.
И лесорубы вернулись в села.
А им навстречу почтарь веселый.

Немало писем есть у Милуки —
И он вручает их прямо в руки.
Писали в Киеве их и в Бресте.
— А что в Донбассе?—спросили вместе.

— А что нам пишут из Сталинграда? —
Спросил взволнованно брат у брата.

...И утром норму покрыли втрое.
И топоры заходили злее,
Чтоб у далеких друзей-героев
В квартирах новых стало теплее.

Перевел с украинского
Семен ГУДЗЕНКО

СОЛДАТ-СТРОИТЕЛЬ

В городе выросло зданье — в солнечных бликах играет.
Кончил работу строитель — пот на лице вытирает.
Рядом, в саду, возле сквера, памятник ставят солдату.
Первым он в город ворвался, насмерть сражался когда-то.
Вот он стоит с автоматом — кровь на лице вытирает.
Рядом красуется зданье — в солнечных бликах играет.

Перевел с украинского
Г. АБРАМОВ

* М. и Ю. Левко — знатные лесорубы Закарпатья.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЯРМАРКА В ПОЗНАНИ

Флаги многих государств развевались на Международной ярмарке в Познани. По приглашению польского правительства, в традиционных XXII познанских торгах приняли участие СССР, Чехословакия, Болгария, Румыния, Венгрия, Албания, Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия, Голландия, Великобритания, Швейцария, Франция, Италия, Австрия. Участвовала в ярмарке и советская зона оккупации Германии.

— Центральное место на ярмарке в этом году, как и в минувшие годы,— сказал при торжественном открытии ярмарки вице-премьер Польши Гилярий Минц,— занимает павильон Советского Союза. Он демонстрирует мощную советскую технику, прогресс и силу великой социалистической державы, с которой мы тесно сотрудничаем и с помощью которой быстро и успешно развивается хозяйство нашей страны.

И действительно, наиболее посещаемыми местами на ярмарке были павильон СССР и открытая площадка, на которой рядом с огромной нефтяной вышкой демонстрировались мощный экскаватор, тракторы, комбайны, сельскохозяйственные и другие машины советской конструкции. Прогресс техники в СССР вызывал живейшее внимание и интерес посетителей. Книги отзывов заполнены многочисленными записями, в которых люди разного возраста и общественного положения от чистого сердца высказывают восхищение победами советской технической мысли.

«Я с радостью смотрел прекрасные достижения инженеров-конструкторов и рабочих СССР, которые с каждым годом обогащают народное хозяйство Советского Союза. СССР не только борется за мир, но и сумеет его защитить»,— такой отзыв оставил в книге посетителей советского павильона министр национальной обороны маршал Польши Михаил Жимерский.

«Поражен развитием советской промышленности и техники. Труд советского рабочего, который знает, для чего он трудится, принес замечательные результаты»,— записал в книге посетителей Казимир Хебановский, директор промышленной школы в Грудзиондзе.

Общий вид павильона СССР.

«Я поражен величием индустрии СССР. Я знаю, что такого величия можно достигнуть только благодаря дружным усилиям всего народа под предводительством великого вождя Сталина». Эту запись сделал посетитель Саковский из Познани.

«Экспонаты, выставленные в вашем павильоне, являются для нас наглядным уроком, как надо строить социалистическую Польшу,— пишет Л. Корчевская.— Я с глубоким удовлетворением смотрела экспонаты страны, тесно связанной с нами узами дружбы».

В многочисленных павильонах Польской Народной Республики и особенно в павильоне тяжелой промышленности выставлялась продукция польских государственных предприятий. Здесь — впервые показанные на этой ярмарке тракторы варшавского завода «Урсус», и первенцы польской автомобильной промышленности грузовые автомобили «Стар», и новейшие текстильные машины, металлообрабатывающие станки, огромные вальцы для прокатки стали, паровозы, трамваи нового типа, пассажирские и товарные вагоны. Все это говорит о больших успехах, достигнутых новой Польшей в индустриализации страны, о плодотворности братских экономических отношений между Польшей и Советским Союзом.

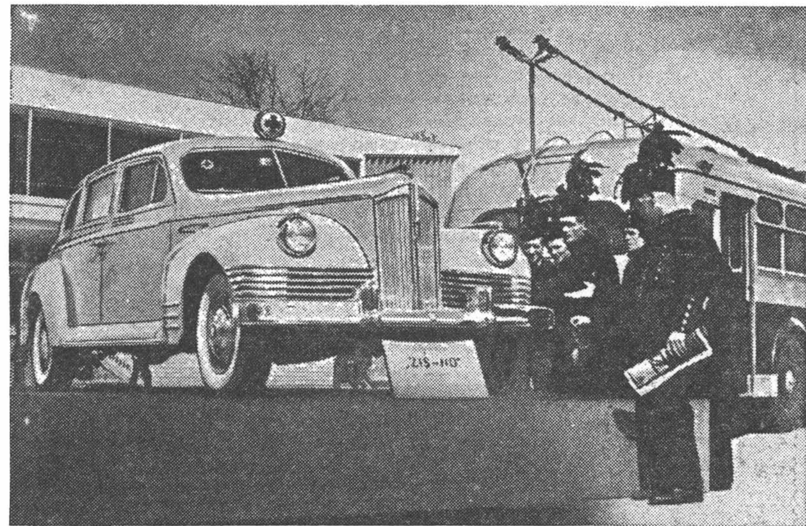
О расцвете народной экономики говорят и образцы товаров, которые были выставлены в павильонах стран народной демократии — Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Албании.

На Познанской ярмарке были представлены и западноевропейские капиталистические страны. Этот факт говорит о том, что некоторая, трезвая часть деловых кругов Западной Европы, вопреки давлению американских монополистов, желает продолжать экономические связи с Польшей и с другими странами народной демократии.

Международная познанская ярмарка явилась смотром экономических достижений Советского Союза и стран народной демократии, мирная продукция которых — вклад в дело мира и сотрудничества между народами.

Мих. ЯРОВОЙ

Польские горняки осматривают советские автомобили новейших марок.

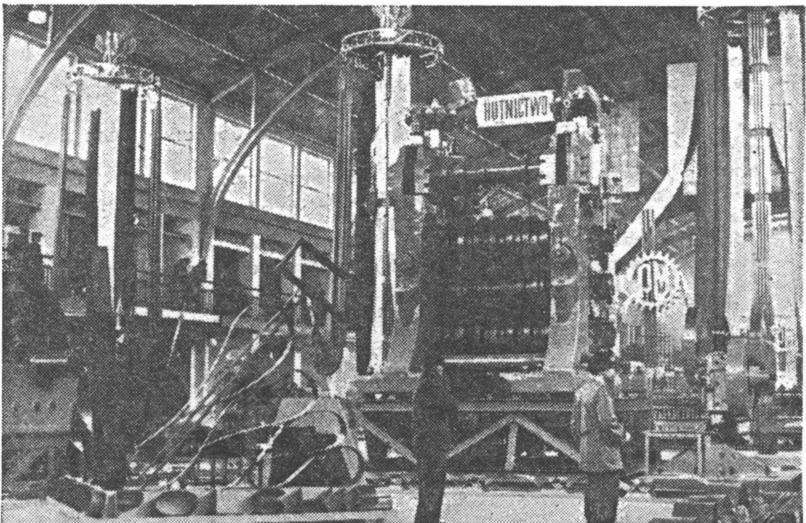
В павильоне Советского Союза.

Польские студенты у нового станка в польском павильоне тяжелой промышленности.

Стан для прокатки стали, изготовленный на польских заводах.

В южной Бизонии

(Путевые заметки)

Юрий **КОРОЛЬКОВ**

Хотите наглядно представить себе европейскую колонию Уолл-стрита? Поезжайте в южную часть Бизонии, которую по старой памяти иногда еще называют Баварией.

В Баварии с первых дней оккупации безраздельно господствуют американские власти. Она может поэтому представлять интерес с точки зрения «чистой» уоллстритовской политики.

Неподалеку от Мюнхена есть городок Аугсбург. Здесь, как и во всей Бизонии, американские власти создали «отряды индустриальной полиции». Официально они предназначаются для охраны промышленных предприятий, но в действительности все эти многочисленные «сторожа» занимаются совсем другими делами. Живут они в казармах, на военном положении, учатся стрелять из пулеметов. Руководит этим делом американская разведка в Европе. В отряды «индустриальной полиции» она вербует только бывших немецких солдат, знающих военное дело, да беглых военных преступников других национальностей. С недавних пор во главе этих фашистских формирований встал военный преступник — бывший начальник штаба гитлеровской армии генерал-полковник Гальдер.

Во время предыдущей поездки в Бизонию я смог познакомиться с секретной инструкцией для личного состава «индустриальной полиции» в Аугсбурге. В ней американские инструкторы поучают своих подопечных, как нужно разгонять рабочие демонстрации, в каких случаях применять дубинки, в каких — слезоточивые газы, пожарные брандспойты, когда стрелять в демонстрантов. В предвидении того, что немецкие трудящиеся без особого энтузиазма будут воспринимать американскую «демократию», инструкторы из американской разведки заранее спешат обучить своих наемников сооружению огневых точек для уличных боев, взаимодействию с танками и даже со штурмовой авиацией.

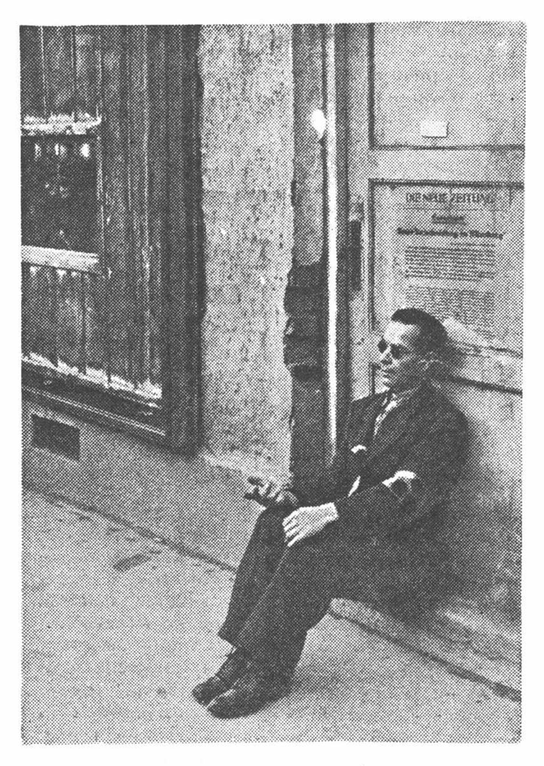
Заокеанские руководители не только инструктируют, но и «теоретизируют». Вышеупомянутая инструкция требует, чтобы «индустриальные полицейские» на зубок знали, «что такое толпа и чем она отличается от сборища»... На вопрос, «что такое волнение», полицейский обязан без запинки ответить словами инструкции: «Волнение — это выражение недовольства и нервозности, вызванное голодом, безработицей или социальными недостатками». Преподавание такой «словесности» входит в обязательный курс обучения...

Надо отдать должное предусмотрительности американских бизнесменов: положение трудящихся становится здесь все более мрачным. «Выражения недовольства» становятся весьма нередкими в Бизонии. По официальным данным, количество безработных в Баварии достигает четырехсот тысяч человек. Разоряются мелкие предприниматели. Сотни предприятий, фирм, кустарных мастерских продаются с аукциона, особенно после сепаратной денежной реформы, осуществленной американскими банкирами.

Осматривая Мюнхен, я заглянул в небольшой обувной магазин около ратуши. Над дверью красовалась вывеска: «Шкейдер и сын. Элегантная обувь». У витрины толпилось несколько прохожих, рассматривавших выставленные ботинки на деревянных подошвах. Но внутри магазина я был единственным посетителем. Хозяин, он же продавец, заискивающе предлагал мне свои товары. Мы разговорились. Был конец дня, а магазин продал только одну пару туфель. Вчера торговля шла успешнее: продано три пары. Но бывают дни, когда магазин не видит ни одного покупателя.

Я разговаривал с рабочим из Алаха. У него трое детей, заработок — тридцать пять марок в неделю. За вычетом квартирной платы остаются гроши. Нехватает денег даже на то, чтобы выкупить по карточке молоко для ребенка.

Зато на черном рынке продается все, что угодно. Не только продукты. Проворные дельцы торгуют паспортами в Испанию с готовыми визами.

Бездомный нищий.

Мюнхен, как и другие города Бизонии,— город резких, бьющих в глаза контрастов. Наряду с беспросветной нуждой, катастрофическим обнищанием — расточительная роскошь, в которой живут, как встарь, крупные спекулянты, биржевики, промышленники-монополисты. По вечерам открываются кафешантаны, из которых несутся оглушающие звуки джазов. Бывший театр давно уже превращен в игорный дом. Там постоянно толпятся игроки. Вот дама с лицом, багровым от волненья, сидит у зеленого стола. Ей, очевидно, везет. Воровато оглядываясь, она засовывает марки в цветную сумочку. Рядом, тяжело отдуваясь, играет такой же красный, обрюзгший старик. Он ставит последние деньги, проигрывает и, тяжело ступая, выходит из зала. Крутится электрическая рулетка. На стол, расчерченный квадратами, падают новые марки. К столу проталкиваются новые игроки. Царит атмосфера азарта. Искаженные лица, потные руки на зеленом сукне, хриплые возгласы, костяной стук шарика... При входе в казино лакей в зеленой ливрее и администратор в черном костюме старательно записывают имена и адреса посетителей: бывают самоубийства, записи облегчают розыск...

А вот другие штрихи насаждаемой в Бизонии заокеанской «культуры». В кино идут детективные голливудские фильмы. Небывало возросли бандитизм и проституция. Я разговаривал с директором уголовной полиции. Он привел жуткие цифры: в Мюнхене за последние годы преступность увеличилась в пятьдесят раз, проституция— больше чем в десять раз.

Бавария слывет цитаделью реакционного сепаратизма в Германии. В Мюнхенском ландтаге то и дело раздаются призывы к созданию «великой Баварии». Не так давно раскрылись тайные пружины, действующие в Баварии. Стало ясно, откуда тянутся нити к баварским сепаратистам. Когда-то говорили: «Все пути ведут в Рим». Теперь эти пути ведут несколько дальше: через Рим, точнее Ватикан, в Америку...

В прошлом году в кармелистском монастыре Шенеберг состоялась конференция баварских сепаратистов. На ней присутствовал южно-германский представитель Ватикана Фаульгабер, с которым теснейшим образом связан американский военный губернатор в Баварии Ван-Вагенер. На конференции в деталях обсуждался вопрос о создании «Дунайской федерации»— реакционного католического государства в центре Европы. Базой этого государства должна быть Бавария и присоединенная к ней Западная Австрия. Всю эту мышиную возню негласно направляют католические круги США, в частности, кардинал Спеллмэн, тес-

Разгон демонстрации в Мюнхене.

нейшим образом связанный с банкирским домом Моргана.

Пока папское воинство в союзе с американскими монополиями выкраивает в Европе территорию для реакционного католического государства, их баварские политические марионетки в поте лица трудятся над углублением раскола Германии. Несколько месяцев назад была создана так называемая «баварская партия». Ее программный лозунг — «Бавария — для баварцев» — мало чем отличается от гитлеровской проповеди расизма. Дело дошло до того, что в Баварии был издан закон, по которому всем небаварцам запрещается... носить баварские кожаные штаны. А местный деятель Якоб Фишер, новый американизированный проповедник расистской теории, публично заявляет, что «брак между баварцем и блондинкой из северной Германии является позором крови».

Все это — детали той идеологической обработки, которая при покровительстве американских властей проводится в Баварии. Здесь уже процветает религиозная и расовая дискриминация: из баварских школ изгоняют детей некатолического вероисповедания.

На пост главы нового католического государства прочат наследника баварского королевского дома — принца Рупрехта, отсиживающегося пока в своем замке. Вскоре после окончания войны у принца отобрали его поместье, вернее, не отобрали, а купили, выдав ему из народных средств огромную сумму денег. Принц получил деньги и... остался в поместье. Потом Рупрехта решили восстановить и в правах собственности. От проведения такой «аграрной реформы» принц не остался в накладе...

По поводу земельной реформы мне пришлось еще в прошлом году беседовать с тогдашним министром земледелия Баумгартнером. Министр говорил что-то невнятное о «технических трудностях» проведения реформы. Потом выяснилось, что вообще-то намечено к разделу всего лишь около сорока тысяч гектаров — один процент земельной площади Баварии. Я напомнил тогда Баумгартнеру, что, по статистическим данным, свыше полутора миллионов гектаров — одна треть всей полезной земли в Баварии — принадлежит крупным помещикам. Только одна семья Турн-унд-Таксис владеет в Регенсбурге поместьем в двадцать пять тысяч гектаров. Министр сослался на то, что цифры эти «устарели» (хотя я цитировал справочник 1948 года!), и перевел разговор на другую тему...

Со времени этой беседы прошел год. Теперь Баумгартнер стал лидером баварской партии. Представитель крупных аграриев, он уже и не вспоминает о земельной реформе. Вообще в «высших кругах» Баварии считается даже неприличным говорить о разделе помещичьей земли среди неимущих крестьян. Я посетил под Мюнхеном имение барона фон Финка — крупного банкира и военного преступника. Американские власти сообщали, что это имение конфисковано и находится под управлением опекуна. Выяснилось, что в качестве «опекуна» действует старый управляющий Финка, а содержание двухсот батраков, работающих в имении, оплачивает... американская администрация. Доходы от поместья получает сам господин Финк. Так выглядит «земельная реформа» в Баварии.

Бавария стала пристанищем международной контрреволюции. В Мюнхене осели десятки самых различных «комитетов» и «правительств», сформированных из беглых военных преступников. Польские андерсовцы, болгарские, чешские и другие изменники — все отребье, убежавшее из стран народной демократии, нашло себе здесь пристанище, покровителей и сообщников. Американские власти поддерживают, поят, кормят и обучают диверсантов, провокаторов и шпионов.

Во время поездки по Баварии мы посетили Обераммаркау — горную деревушку, расположенную километрах в пятнадцати от зимнего курорта. В Баварии она была знаменита тем, что жители ее устраивали религиозные мистерии на библейские темы. Теперь эта деревня приобрела иную известность. При въезде мы обратили внимание на вывеску и указатель с надписью: «Европейская школа американской разведки». Наш вопрос, что это за учебное заведение, вызвал большой переполох среди наших американских проводников. Их нервозность стала понятной несколько позже. В Обераммаркау почти открыто работает школа провокаторов и шпионов. Руководят ею американские разведчики, а читают лекции гитлеровские генералы и военные преступники разных национальностей, продавшиеся американской разведке. Школа готовит диверсантов и провокаторов для засылки в страны народной демократии.

Картина Южной Бизонии будет неполной, если не сказать о Нюрнберге — городе затяжных процессов. Здесь под видом судебных разбирательств дел германских военных преступников проводится гнуснейшая фальсификация истории второй мировой войны, оправдываются не только сами преступники, но и их преступления. Здание «Дворца юстиции», где заседают американские судьи, охраняют... бывшие эсэсовцы, завербованные среди беглых военных преступников. Уже одна эта символическая деталь достаточно характеризует деятельность «беспристрастных» американских судей!

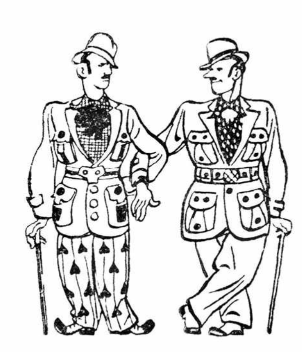
Когда пишутся эти строки, в Нюрнберге заканчивается последний, двенадцатый по счету процесс. Это суд над гитлеровскими дипломатами. Подсудимые не особенно беспокоятся за свою судьбу. Они заранее знают, что их ждет оправдательный приговор. На их защиту встала вся международная реакция, начиная от американских политических «боссов» и кончая римским папой и лордом Галифаксом, который в мюнхенские времена «сотрудничал» со многими из подсудимых...

Все это происходит в Южной Бизонии, в американской зоне оккупации Германии.

Бавария,
апрель 1949 года.

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

ЗАБОТЫ АМЕРИКАНСКИХ ТЕКСТИЛЬНЫХ КОРОЛЕЙ

Текстильная промышленность США, а вместе с ней и промышленность готового платья одними из первых ощутили приближение экономического кризиса. Бешеный рост цен в послевоенные годы и снижение реального дохода широких масс привели к тому, что у средней американской семьи не остается средств на покупку одежды. Продажа готового платья и текстильных товаров резко снижается.

Еще в прошлом году огромный аппарат рекламы, печать и радио были мобилизованы на расхваливание новых фасонов женского платья. Но это не помогло американским королям текстиля и мод. По всей стране прокатилась волна бойкота покупателями текстильных товаров и готового платья, на которые фабриканты непрерывно взвинчивали цены. В результате в конце августа прошлого года паника охватила район Уорт-стрит в нижней части Манхеттена, в Нью-Йорке, где находятся крупнейшие фирмы и базы, продающие до 90 процентов всей текстильной продукции США.

Известие о хорошем урожае хлопка вызвало новую лихорадку на текстильных биржах. Текстильные фабрики стали закрываться или переходить на сокращенную рабочую неделю, появилась массовая безработица среди рабочих-текстильщиков. Потребление хлопчатобумажных тканей за последние месяцы сократилось еще на 30 процентов, а шерстяных — почти на 40. «Смертный приговор текстилю?» — под таким красноречивым заголовком появилась статья в американском журнале «Тайм».

Стараясь извернуться и не желая снижать свои прибыли, текстильные магнаты решили снова прибегнуть к старому лекарству — к модам. На сей раз они возложили свои надежды на американцев мужского пола. В январе этого года в Бостоне было созвано экстренное совещание четырехсот фабрикантов мужского платья. Совещание проходило под лозунгом «В 1949 году оденем мужчин в пестрые цвета». В качестве образцов новейшей моды участники совещания предлагали: пиджаки с огромными, замысловатыми накладными карманами и многокрасочными поясами с пряжками «смелого фасона», рубашки, напоминающие палитру художника, и носки цвета радуги.

Однако даже сама американская печать не предвещает успеха этим маневрам монополистов, желающих «обмануть» надвигающийся кризис и сохранить высокие барыши.

«КРАМОЛЬНЫЙ» ЛЕРМОНТОВ

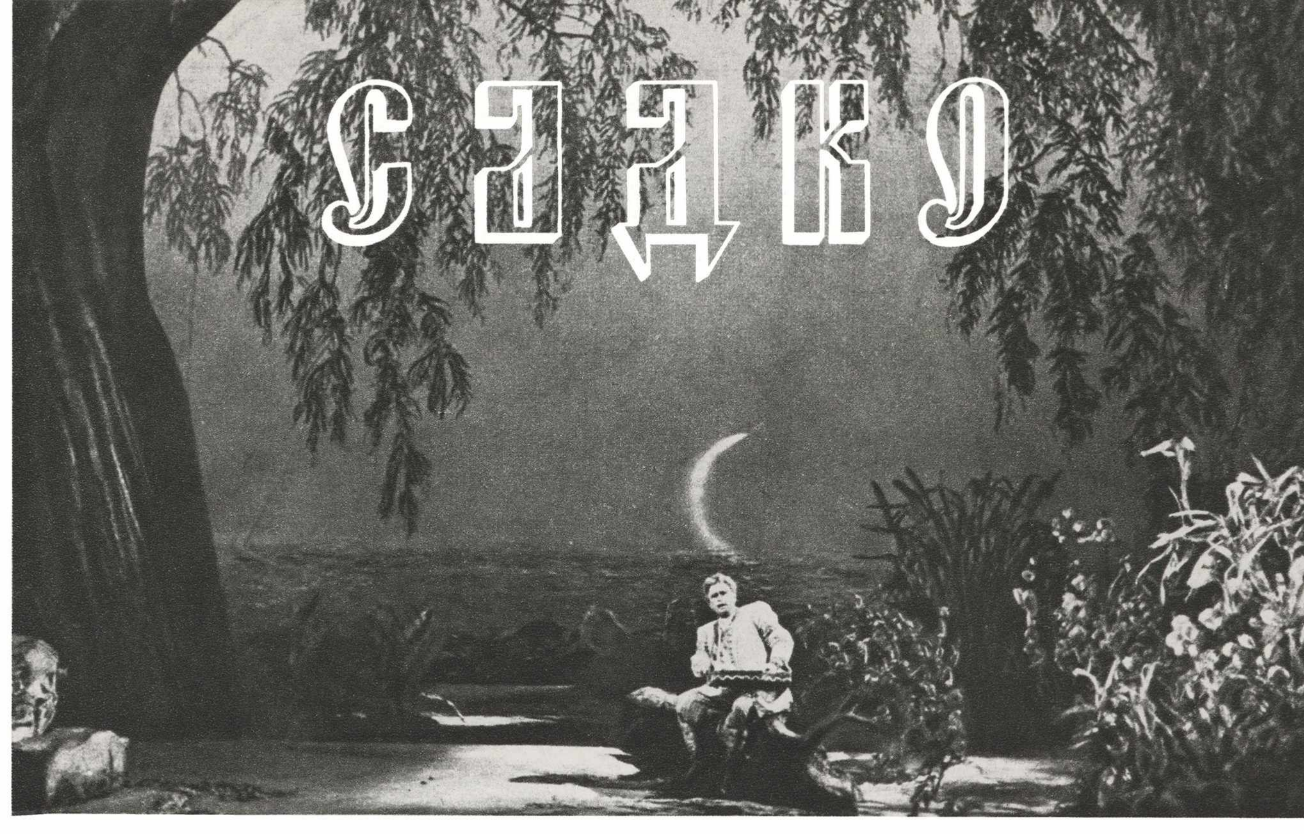

Недавно министр просвещения Турции Бенгуоглу решил изъять из турецких публичных библиотек произведение великого русского поэта М. Ю. Лермонтова «Вадим». Представители турецкой прогрессивной общественности запротестовали, заявив, что повесть Лермонтова «Вадим» пользуется среди турецких читателей большой популярностью и что это произведение имеет широкое распространение во всех цивилизованных странах.

Эти доводы не охладили воинственного пыла турецкого министра просвещения. Он настаивал на своем. Дело дошло до комиссии меджлиса по вопросам национального просвещения. Комиссия пришла к «компромиссному» и «примирительному» решению. Она согласилась с новым проектом Бенгуоглу: изъять из «Вадима» те места, которые, по мнению министра, являются «опасными» для «турецких традиций». Так турецкий меджлис решил «исправить» русского классика...

Патентованные лжецы типа Ялчина и иже с ними кричат сейчас на все лады о «свободе печати» в Турции. Случай с «крамольным» Лермонтовым наглядно показывает, как хорошо усваивают «маршаллизованные» турецкие политики опыт «западной цивилизации».

ПРЕМЬЕРА БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Опера «Садко» в Большом театре Союза ССР. Сцена на берегу Ильмень-озера. Садко — Г. Нэлепп.
Фото А. Горнштейна

Древняя новгородская былина о торговом госте Садко занимала внимание Н. А. Римского-Корсакова, по его собственным словам, в течение всей его композиторской деятельности.

Еще в 1867 году двадцатитрехлетний композитор написал симфоническую картину «Садко», получившую высокую оценку его друзей по «могучей кучке» и концертных слушателей. Затем почти три десятилетия этот сюжет продолжал волновать творческое воображение Римского-Корсакова, и только в 1895 году он закончил оперу-былину «Садко». Над оперой Римский-Корсаков работал около года, широко использовав в ней музыкальный материал своей ранней симфонической картины. С тех пор эта опера более полустолетия украшает репертуар лучших музыкальных театров страны.

Страстная творческая любовь Римского-Корсакова к русскому народному искусству, к русскому быту, к родной природе, к народной фантастике, к изображению ярких национальных характеров получила в этой опере полное и яркое выражение.

Былина о Садко представляла необычайный простор для художественных устремлений великого композитора, и в его опере они осуществились с громадной силой и глубоко впечатляющей убедительностью. Здесь чудесно соединяются, контрастируя и переплетаясь, образы реального мира и поэзия народной сказки, чарующие музыкальные пейзажи и фантастическая причудливость феерии.

Реальный мир оперы — это Садко, его жена Любава, «прекрасная, любящая и верная» (по характеристике самого композитора), богатый купеческий Новгород, пирующий и веселящийся, шумная, пестрая, разноликая новгородская толпа, напыщенные «настоятели», «гости», «молодшая братия», ставшая дружиной Садко, скоморохи, калики, слепцы, гусляры...

Для музыкального воплощения бытовых сцен оперы композитор нашел яркие, привлекательные краски. Здесь широко использовано музыкально-образное богатство былинного фольклора. Особенно великолепны многочисленные хоры, своеобразные по ритмике, по мелодическому материалу, глубоко народные, увлекательные.

В центре оперы — новгородский гусляр Садко. Композитор с огромной любовью музыкально воплотил в этом образе характерные национальные черты, которыми наделила Садко русская народная поэзия. Садко весь в благородном беспокойстве, в порыве, в устремлении вперед, в любознательной предприимчивости, в исканиях неизведанного.

Для его музыкальной характеристики композитор обратился к широкому и развитому мелодическому речитативу, проходящему сквозным мотивом через всю оперу. «Речитатив этот, — пишет Н. А. Римский-Корсаков, — не разговорный язык, а как бы условно-уставный былинный сказ или распев, прообраз которого можно найти в декламации Рябининских былин».

В образе Садко Римский-Корсаков подчеркнул также идею, близкую ему и отраженную в ряде его произведений, — идею о могущественной роли искусства, музыки, песни. Садко — гусляр, и торжество ему приносят его песни, которые, обладая неотразимыми чарами, «полонили» морскую царевну Волхову и грозного Морского Царя, песни, которые доставили бедному, отвергнутому и осмеянному купеческим Новгородом гусляру и богатство, и возможность дальних странствий, и всенародную славу.

Наряду с былинным, эпическим, реалистическим планом в «Садко» есть и другой, параллельный план — сказочный, фантастический, подводный. И сколько неиссякаемой изобретательности, колористического изящества, гармонической причудливости проявил здесь гениальный композитор! В этих волшебных страницах, как и в музыкальных пейзажах моря, Римский-Корсаков — мастер музыкальной сказки и «звуковой живописи», после глинкинского «Руслана и Людмилы» не имеющий себе равных в мировой музыкальной литературе.

Авторы нового спектакля «Садко» в Государственном академическом Большом театре — дирижер Н. Голованов, режиссер Б. Покровский, художник Ф. Федоровский — с продуманностью и подлинным мастерством воплотили эту оперу на лучшей музыкальной сцене нашей страны.

Художнику Ф. Федоровскому особенно удались пейзажные декорации: берег Ильмень-озера и плавающие лебеди, пристань в Новгороде у Воздвижения и бусы-корабли, море и корабль Садко, погружение в подводное царство, дно морское, финальный пейзаж у вновь родившейся реки, в которую превратилась морская царевна Волхова.

Новгородские эпизоды поражают своей живописностью: например, толпа, слушающая былину Нежаты в первом акте, — это картина мастера, в которой ощущается и масса в целом и индивидуальность каждого его участника. Зрелищные эффекты гармонируют и с музыкой оперы и с другими компонентами спектакля.

Но, разумеется, основа успеха новой постановки «Садко» в уровне музыкального исполнения.

С филигранной ясностью и блеском дирижер Н. Голованов, этот талантливый и неутомимый пропагандист лучших образцов русской музыки, проводит от начала до конца весь спектакль.

Внушительное впечатление оставляет в этом спектакле и хоровое исполнение (главный хормейстер — М. Шорин), четкое, интонационно чистое, выразительное.

В спектакле участвуют лучшие певческие силы театра. Отличный драматический тенор Г. Нэлеппа, исполняющего партию Садко, звучит ровно во всех регистрах; выразительность, безукоризненная фразировка и, главное, глубоко художественное воплощение народно-национального характера образа артистом оставляют большое впечатление.

Эпически величава В. Давыдова в ответственной партии Любавы.

Приятно отметить непрекращающийся художественный рост певицы Е. Шумской, исполнявшей партию Волховы. Мягкий, женственный образ морской царевны артистка трактует с обаятельной простотой и музыкальностью. Очень хороша в этой роли и Н. Шпиллер — обладательница редкого голоса и выдающийся мастер оперной сцены. Но нам представляется, что характер голоса этой артистки не совсем соответствует роли: она несколько «тяжелит» партию Волховы.

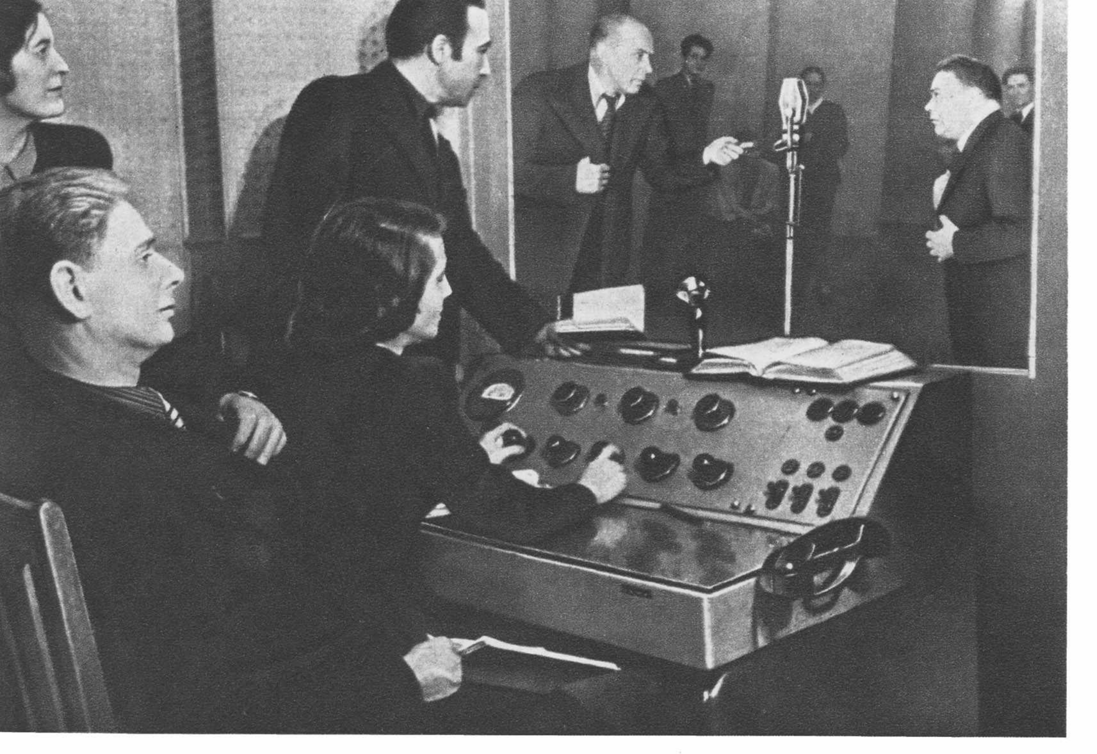
Настоящим певческим праздником звучит эпизод иноземных гостей: И. Козловский и А. Орфенов (в очередь поют Индийского гостя), П. Лисициан (Веденецкий гость), М. Рейзен (Варяжский гость) радуют зрителей вокальным мастерством и исполнительской одаренностью.

На сцене Большого театра «Садко», это чудесное сокровище русской оперной классики, нашло достойное, талантливое сценическое воплощение.

С. КОРЕВ

Сцена в Новгороде из оперы «Садко». Веденецкий торговый гость — П. Лисициан. Садко — Г. Нэлепп. Нежата — Б. Златогорова.

Запись трагедии «Борис Годунов» в студии радиокомитета. В тонмейстерской (слева направо): редактор Е. Суворина, режиссер Н. Горчаков, тонмейстер А. Толстопятова и художественный руководитель радиопостановок Ф. Каверин следят за репетицией сцены из «Бориса Годунова». У микрофона Б. Добронравов — Борис Годунов (слева) и М. Яншин — Шуйский.

«Наш современник»,— так называется пьеса К. Паустовского, которую ставят Малый театр и Русский драматический театр в Риге.

Над ролью Пушкина в Малом театре работают М. Царев и молодой актер Н. Афанасьев; няню Арину Родионовну играют Е. Турчанинова и В. Рыжова.

Ленинградский драматический и ряд периферийных театров покажут пьесу «Александр Пушкин» Д. Дэля.

Московский театр имени Ермоловой репетирует пьесу в стихах А. Глобы «Пушкин» — о последних днях жизни, о дуэли и смерти поэта.

Автор показывает, как русские и иностранные реакционеры, безродные космополиты Булгарин, Геккерен, Дантес и другие повели жестокую борьбу с поэтом, посягнули на гордость русского народа, на русскую культуру.

Актеры и режиссеры, работающие над этой постановкой, ощущают ее как спектакль большой любви и гнева, спектакль жизнеутверждающий, обращенный к нашим дням, озаренный солнцем поэзии великого Пушкина.

В апреле коллектив участников постановки: режиссер В. Комиссаржевский, художник А. Васильев и исполнители основных ролей В. Якут (Пушкин), Л. Орданская (Наталья Николаевна), И. Соловьев (Николай I), Л. Галлис (Дантес) — выезжал в Ленинград, в пушкинские места. Они побывали на Мойке, в домике Пушкина, посетили его кабинет, библиотеку; поехали на Черную речку. И всюду, где бы они ни были, в каждый уголок, связанный с Пушкиным, в любое время шел народ, чтобы поклониться своему любимому поэту.

Перед артистами вставал во весь рост поэт, как «живой с живыми говоря».

ТЕАТРЫ НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ ПУШКИНА

И. ВЕРШИНИНА

Фото Э. Гутгарца

Вся страна готовится к юбилейным торжествам, посвященным 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Драматические театры ставят произведения великого поэта, инсценировки его повестей, поэм. Оперы и балеты на сюжеты Пушкина идут во всех музыкальных театрах Советского Союза. Нет чтеца, который не читал бы бессмертные строки пушкинских стихов и повестей.

Много новых постановок драматических театров увидит зритель в июне, в пушкинские дни. Инсценировку повести «Дубровский» готовит Центральный детский театр в Москве, ленинградский, азербайджанский ТЮЗ, Латвийский Художественный театр и русский театр в Кишиневе; «Маленькие трагедии» ставят в Баку и во Львове; многие театры инсценируют «Полтаву», «Станционного смотрителя», и другие произведения Пушкина.

В пушкинский юбилей будут также показаны пьесы советских драматургов о жизни и творчестве поэта.

«Наш современник»

Воссоздать на сцене образ поэта — волнующая, почетная и очень сложная задача.

Впервые на сцене должен возникнуть подлинный, исторически верный образ великого поэта. Биография Пушкина неоднократно привлекала драматургов. До революции было написано немало пьес о нем, но почти все они искажали облик великого художника и гражданина.

В пьесах советских драматургов, над которыми работают наши театры, раскрывается образ поэта-гражданина — «русского человека в конечном его развитии» (по выражению Гоголя), человека, стоящего намного впереди своего времени — нашего современника.

На репетиции пьесы А. Глобы «Пушкин» в Театре имени Ермоловой. Пушкин — В. Якут, Наталья Николаевна — Л. Орданская.

«Борис Годунов»

Над дверью зажигается табличка: «Тише! Микрофон включен». Тонмейстер отдает приказание: «Аппаратная, внимание! Включите мотор!»

Большое толстое стекло отделяет от зала кабину тонмейстера. Огни хрустальных люстр и бра ярко освещают светлозеленые стены студии.

В этом зале слова звучат особенно четко.

Идет запись трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов».

Более трех месяцев работает коллектив актеров Московского Художественного театра под руководством режиссера Н. Горчакова над знаменитой трагедией. В радиопостановку вошли 10 сцен. Борис и народ — вот основная линия спектакля.

Бориса играет Б. Добронравов. Глубоко и убедительно раскрывает он трагедию Бориса — умного, просвещенного царя, но одинокого и обреченного ненавистью народа.

Режиссер и литературный редактор сосредоточенно следят из тонмейстерской за исполнением, боясь пропустить хоть одно неверно произнесенное или неверно истолкованное актером слово поэта.

Идет запись сцены «Царские палаты».

Все участники этой сцены здесь, в студии. У каждого в руках томик Пушкина, но у микрофона ни один актер не читает текста по книге.

К микрофону приближается М. Яншин-Шуйский — «уклончивый, но смелый и лукавый...»

Шуйский сообщает Борису о появлении в Литве самозванца, назвавшегося именем убитого царевича Димитрия.

«Димитрия?..» — Борис растерян, недоумевает.

«Димитрия!..» — это уже вопль; в нем страх, отчаяние, ужас.

Вся кровь кинулась в лицо Борису. Но присутствие сына отрезвляет его, он овладевает собой. «Димитрия!» — говорит он уже ровным голосом.

С глубоким вниманием следят за страстным диалогом все присутствующие на репетиции. Но вот Яншин вместо «вокруг его» сказал «вокруг него». Мгновенно режиссер прерывает запись — поправка, и Шуйский сызнова заверяет Бориса, что

«Димитрий
Во гробе спит!»

Напряженно вслушивается Добронравов-Борис в каждое слово монолога Шуйского. То страх, то надежда в его глазах; пытливо, немного исподлобья наблюдает он за выражением лица боярина.

Яншин-Шуйский отходит от микрофона. Борис один, в смятении, еле переводит дух: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!» Закрыв лицо руками, обессиленный, он опускается на стул.

В дни юбилея передачу «Бориса Годунова» услышат миллионы радиослушателей. Жаль, что они будут только слушателями, а не зрителями этой постановки.

Репетиция оперетты «Акулина» («Барышня-крестьянка») в Московском театре оперетты.

«Барышня-крестьянка»

На большом невзрачном ящике сидят две девушки и с увлечением поют. Ящик заменяет им изящно изогнутый мостик, нависший над ручьем, отделяющим скудные владения Муромского от обширных нив Берестова.

Отсутствие декораций не смущает молодых актрис. Роли, которые они играют, настолько увлекли их, что творческая атмосфера на репетиции возникла с первых же музыкальных фраз.

Одна из девушек, Настя, — лукавая наперсница барышни. Другая — сама Лиза Муромская, или Акулина, как назвала она себя при встрече с молодым Берестовым. «Акулина» — так называется (пока условно) и оперетта, написанная Н. Адуевым и композитором И. Ковнером по мотивам повести Пушкина «Барышня-крестьянка».

Эта повесть еще при жизни поэта была показана на театральных подмостках в виде двухактного водевиля. С тех пор был еще ряд попыток инсценировать «Барышню-крестьянку»; последние из них — балет и опера, написанные уже в советское время.

В оперетте Н. Адуев стремился предельно сохранить пушкинский текст. Но, кроме целиком вошедших из повести диалогов, в оперетте развиты положения, о которых лишь вскользь говорится в первоисточнике. Так, большое место уделено автором образам Насти и Степана. Привлечены также материалы и персонажи из других произведений Пушкина, связанные с темой или средой «Барышни-крестьянки». На балу у Муромских мы встречаем среди действующих лиц Буянова, Петушкова, Бурмина...

Музыка оперетты построена на народных русских мелодиях.

В спектакле, который Московский театр оперетты покажет в пушкинские дни, заняты все поколения труппы, начиная от старейших артистов Н. Бравина, М. Днепрова и кончая молодыми выпускниками студии З. Белой, К. Кузьминой, Г. Гудковой и другими.

Ставит спектакль режиссер С. Мызникова.

«Цыганы»

Луч прожектора, разрезав темноту, ярко освещает портрет поэта. Но вот свет тускнеет, гаснет, и постепенно во мраке начинают вырисовываться очертания шатров, кибиток, телег — табор...

«Над лесистыми брегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены».

Слышится эпическая цыганская песня.

Песня переходит в разговор, но и здесь слова льются, как мелодия.

Инсценировку поэмы Пушкина «Цыганы» готовит к юбилею великого поэта цыганский театр «Ромэн».

Спектакль идет на русском языке. Это оправдывается тем, что цыгане говорят по-русски из-за присутствия Алеко. Сцены, в которых Алеко не участвует, идут на цыганском языке.

Постановщик и автор инсценировки — художественный руководитель театра П. Саратовский.

С поэмой «Цыганы» театр встречается не впервые. Поставленная в 1937 году, она долгое время не сходила с его сцены. Сейчас над новой постановкой, в которой принимают участие ведущие артисты театра Л. Черная, В. Киселев, И. Ром-Лебедев, М. Скворцова и другие, коллектив работает с большим увлечением.

Репетиция спектакля «Цыганы» в театре «Ромэн»

Концерт Радосветы Бояджиевой

С большой симпатией встретили столичные слушатели появление за дирижерским пультом молодой представительницы исполнительского искусства братской славянской страны — болгарского дирижера Радосветы Бояджиевой.

Молодая артистка, недавно окончившая Ленинградскую консерваторию, показала подлинное художественное мастерство, красивый пластичный жест, чувство ритма, большой эмоциональный размах.

Слушателей покорила глубокая продуманность дирижером каждого произведения, представленного в программе.

В наибольшей степени это проявилось в интерпретации увертюры-фантазии «Ромео и Джульетта» П. И. Чайковского.

«Ромео и Джульетта» часто исполняется лучшими советскими дирижерами. И каждый раз слушатель по-новому воспринимает это замечательное произведение. Так было и на этом концерте. Радосвета Бояджиева по-своему прочла партитуру «Ромео и Джульетты». Под ее управлением государственный симфонический оркестр Союза ССР сыграл увертюру-фантазию «Ромео и Джульетта» с исключительной убедительностью, силой и одухотворенностью.

Седьмая симфония Бетховена представляет собой серьезное испытание для каждого дирижера. В трактовке этого произведения Радосвета Бояджиева вновь продемонстрировала свои выдающиеся дирижерские данные. Особенно запомнились в её исполнении блестящее, брызжущее весельем скерцо симфонии, великолепный, ритмически упругий, праздничный финал, чудесные пасторальные образы природы, романтически повествовательное вступление.

Проведенное Радосветой Бояджиевой оркестровое сопровождение «Концертной пьесы для фортепиано с оркестром» Шумана отличалось проникновением не только в существо произведения, но и в замысел основного исполнителя — пианиста Святослава Рихтера, игравшего с присущим ему блеском и воодушевлением.

В завершение программы была исполнена уже знакомая нашим слушателям болгарская рапсодия «Вардар» композитора Панчо Владигерова. Это произведение, насыщенное народным колоритом, позволило дирижеру проявить в полной мере свою творческую фантазию и большой темперамент.

Ю. СЕМЕНОВ

Удачный спектакль

«У порога» — так называется пьеса молодого украинского драматурга Н. Дубова, поставленная недавно на сцене Киевского русского драматического театра имени Леси Украинки. Впервые пьеса, премированная на республиканском конкурсе, была показана в Киеве в дни XVI съезда большевиков Украины.

Автор ставит насущный вопрос о моральном облике советского человека у порога нашего завтрашнего дня — коммунизма.

В преддверии коммунистического общества, ведя напряженную и самоотверженную борьбу за свое светлое будущее, советские люди освобождаются от пережитков и привычек прошлого, от «родимых пятен» капитализма.

Основная идея пьесы Н. Дубова «У порога» — разоблачение индивидуализма — раскрывается на судьбе талантливого советского инженера Бугрова, начальника лаборатории научно-исследовательского института. Бугров изобрел генератор для передачи электроэнергии без проводов на большие расстояния и хочет один, без помощи коллектива, осуществить проект. Этот замысел кончается неудачей, и изобретатель, допустивший ряд просчетов, близок к отчаянию. На помощь ему приходит коллектив научных работников. Творческое содружество с коллективом помогает решить трудную и важную для страны задачу.

Постановщик М. Пилявский, режиссер народный артист УССР М. Романов и актеры много потрудились над тем, чтобы создать интересный и волнующий спектакль.

Роль начальника лаборатории, изобретателя Бугрова, исполняет народный артист УССР М. Белоусов. Он рисует образ увлекающегося, порывистого, самовлюбленного человека. Под влиянием товарищей Бугров отказывается от своей обособленности и включается в активную работу института. И зритель верит, что у этого талантливого инженера будет еще много новых и смелых замыслов.

Наибольшей творческой удачи достиг народный артист УССР М. Романов в роли химика Черепанова. Правдиво и убедительно рисует он облик ученого-мечтателя, тесно связанного с коллективом, заботливого и чуткого человека.

Запоминаются актеры Д. Франько (электромонтер Ильичев), М. Швидлер (научный сотрудник Морозова), заслуженный артист УССР Г. Долгов (инженер-механик Хорьков), народная артистка УССР Л. Карташова (мать Бугрова).

Со сдержанным благородством исполняет заслуженная артистка УССР О. Смирнова роль Натальи Матвеевны, научного сотрудника, жены Бугрова.

Некоторые шероховатости пьесы — недостаточная убедительность образа жены Бугрова, приспособленца Сальникова — объясняются неопытностью драматурга

Спектакль «У порога» — бесспорная удача Театра имени Леси Украинки и серьезная творческая заявка молодого автора Н. Дубова.

Это первая пьеса украинского автора, поставленная в театре за последние три года. Хочется пожелать талантливому коллективу театра больше работать с местными драматургами.

С. ГЕРАСИМОВ

←

Сцена из 3-го действия пьесы Н. Дубова «У порога» в Киевском театре имени Леси Украинки. Инженер Черепанов — народный артист УССР М. Романов, лаборантка Леночка — артистка М. Швидлер.

Фото П. Бернштейна

Девушка с полустанка

15 лет назад в большой город пришла девушка с полустанка. Она избрала трудную и необычную для женщины профессию машиниста. Советская страна помогла ей достигнуть намеченной цели. О трудовом героизме Шуры Воронковой — девушки с полустанка — рассказывает новый фильм — «Путь славы» *.

Этот фильм, раскрывающий весь трудный путь Шуры Воронковой — от девушки с полустанка до Героя Социалистического Труда,— первый шаг на творческом пути его создателей — режиссеров Б. Бунеева, А. Рыбакова и М. Швейцера. Это первая работа молодых советских режиссеров.

Судьбы авторов фильма и его героини как бы переплетаются. Правда, у них разные профессии, но профессии были выбраны по призванию, по склонностям. Молодым везде у нас дорога. Каждый находит свое место в жизни, каждому помогает страна. Может быть, именно поэтому молодой творческий коллектив привлекла тема трудового становления человека в нашем социалистическом государстве, где каждый уверен в завтрашнем дне, где молодежи предоставлены все возможности для роста.

Кинокартина «Путь славы» показывает трудовые подвиги Шуры Воронковой в дни мира и в дни Великой Отечественной войны, когда под фашистскими бомбами, под огнем вражеской артиллерии она смело и уверенно водила железнодорожные составы к фронту. В последних кадрах мы видим Шуру Воронкову в стенах Библиотеки имени Ленина. Она продолжает учиться, перед ней открывается новый, такой же славный путь. Широкая дорога открыта и перед молодыми режиссерами. Они, несомненно, будут помнить слова, которые произносит в картине начальник политотдела железной дороги: то, что хорошо вчера, недостаточно сегодня и совсем мало завтра.

Л. ЕФИМОВ

На фото в кругу: Шура Воронкова — артистка О. Иванова. Внизу кадр из фильма. Фашистская бомба попала в железнодорожное депо. Убит учитель Воронковой.

* Производство киностудии «Мосфильм», сценарий К. Виноградской, режиссеры: Б. Бунеев, А. Рыбаков, М. Швейцер, оператор Н. Большаков, музыка В. Юровского.

ПЛАНЕР ПАРИТ В ОБЛАКАХ

В. АНТОНОВ

В тот час, когда просыпаются птицы, чтобы песней приветствовать восход весеннего солнца, пробуждается для долгой дневной страды Тушинское поле, похожее на огромную зеленую скатерть, брошенную на берегу Москвы-реки. С тихим звоном падает на землю цепь у въезда, и на аэродром проходит грузовая машина с людьми в промасленных комбинезонах.

Скромные, незаметные труженики, они первыми появляются на аэродроме и последними его покидают. Хотя их жизнь целиком отдана авиации, они редко поднимаются в воздух, вся их большая, неоценимая деятельность проходит на земле. Мы видим их хлопочущими около самолетов и планеров, стоящими на старте с поднятыми вверх флажками, старательно выписывающими слова метеосводки, дежурящими около бензобаков, выполняющими десятки других обязанностей, от которых зависит успех полета, судьба машины и, главное, жизнь человека. Заботливые руки этих людей должны, прежде чем самолет или планер покинет землю, ощупать каждую их заклепку, трос, шов.

Люди, обслуживающие большое хозяйство аэродрома, начинают день Тушинского поля. Тут и там слышатся их голоса. Откуда-то вынырнул грузный бензозаправщик. Раскачиваясь слегка из стороны в сторону, он покатил по обочине лётного поля, оставляя за собой клубы пыли. Медленно поползли в стороны массивные двери ангара, открыв пеструю картину стоящих плотным строем машин. Среди них нетрудно узнать ветерана учебного флота «По-2» и его преемника — новую аэроклубную машину конструктора Яковлева. Между ними, подняв вверх одно крыло, расположились их младшие братья — планеры.

Люди авиации отличаются той особой трудовой сноровкой, которую хорошо может почувствовать лишь наблюдатель с острым глазом. Они работают без суеты и резких рывков, их движения точно размерены и безошибочны, полны внутренней энергии и силы. Прошло всего несколько минут, а команда, обслуживающая планерный старт, уже успела разобраться в ангарной тесноте, вывести самолет, которому предстоит сегодня нелегкий труд воздушного буксировщика, вынести под открытое небо планеры и укрепить их на тросе у полуторки.

Не теряя времени, водитель трогает грузовик в путь, озабоченно поглядывая назад, на краснокрылых птиц. Рядом с ними шагают люди, бережно поддерживая планеры за крылья, словно ведут на поводу разгоряченных коней. Безмоторная и бесшумная авиация хотя и не так требовательна, как обычная, но и ее полеты связаны со значительными хлопотами, нуждаются в серьезной подготовительной работе.

Вслед за буксирным самолетом и планерами на старт, расположенный в центре аэродрома, прибывают радисты со своей походной аппаратурой. Пока стартовая команда выкладывает белый посадочный знак «Т» и холщевую стрелу, указывающую направление взлета, поодаль останавливается санитарная машина. Несмотря на то, что полеты на планере не представляют опасности, непреклонные правила, продиктованные заботой о человеке, заставляют врача неотлучно дежурить.

В жизни лётного поля есть минута, волнение которой знакомо каждому, кто поднимался в воздух. О ней возвещает взвившийся вверх белый флажок стартера. И как бы ни был многоопытен и искушен человек, он не может избежать того особого состояния приподнятости, которое порождает зрелище последних приготовлений к полету. Это чувство хорошо знакомо планеристам и невольно передается всем нам, участникам и свидетелям весенних «вылазок» в небесные просторы с аэродрома Центрального аэроклуба столицы.

Первым сегодня взлетит Игорь Петров, представитель старой гвардии воздушных спортсменов. Он занимает место в кабине планера.

Летчик-планерист А. Винокуров.

— Какая высота?— кричит пилот буксирного самолета.

— Тысяча метров,— отвечает Петров.

Товарищ Копейка, руководитель полетов, дает знак. Самолет приходит в движение, натягивает трос и увлекает за собой огромную птицу, распластавшую свои крылья над молодой зеленой травой. Планер легко и свободно скользит по земле, едва ее касаясь. Спустя несколько мгновений самолет с планером уже в воздухе.

Взволнованные и радостные, мы стоим, провожая глазами чудесную птицу. Ее длинные, острые крылья четко видны на голубом небе.

— Вот это аппарат!— говорит кто-то голосом, полным восторга.

Легко и свободно планер плывет в теплом весеннем воздухе. Над центром аэродрома пилот резко ломает линию полета.

— Петля!— восклицает кто-то.

— Бочка!

— Переворот!

— Какой вираж!— восхищенно шепчет мой сосед.

В стремительном, увлекающем темпе одна фигура сменяет другую. Красные крылья рисуют на голубом стекле неба фантастический узор. Там, высоко в воздухе, планер, кажется, потерял вес и плывет, не тратя энергии.

У этой птицы, созданной руками человека, не только стремительность и величавость орла: она неутомима, как царь пернатых. На одном из планеров советская планеристка Клепикова установила международный рекорд дальности полета. В 1939 году она пролетела без посадки 749 километров. Прошло десять лет, но рекорд продолжает жить, так же как и другие рекорды советских планеристов, в частности замечательный рекорд дальности полета на двухместном планере.

Готовится подняться в воздух товарищ Копейка. Опытный летчик, он выступает здесь, в Тушине, как прилежный ученик, близко подошедший к вершинам планерного мастерства. У планериста и пилота самолета, разумеется, много общего, но в их искусстве тем не менее есть и свои особые черты. Больше того: порой в воздухе ими владеют совершенно противоположные устремления.

Когда летчик взлетает в небо, он смотрит вниз, на землю, на ее города, холмы, дороги, реки, как на этапы пути: они служат ему ориентирами. Планерист, помимо этого, видит в земле еще источник силы, на которую опираются крылья его птицы.

Чтобы достигнуть рекордных результатов, планерист должен в равной мере обладать высоким искусством пилотажа и глубокими познаниями метеорологии, которую он обязан освоить не хуже аэродромного синоптика. Он должен быть в воздухе неутомимым, искусным следопытом, владеть особым чутьем, уметь найти восходящие воздушные потоки, поддерживающие планер.

Глядя сверху на землю, планерист прежде всего ищет очаги, порождающие вертикальные воздушные течения. Его другом может оказаться свежая пашня, над которой появля-

ются массы нагретого воздуха, идущие вверх. Приятен сердцу планериста и крутой холмик недалеко от реки. Десятки других ничего не говорящих неопытному человеку примет, влияние которых зависит от времени года, рельефа, близости гор и рек, радуют парителя, разгадавшего сложные и таинственные законы воздушных течений.

Всякий, кому приходилось летать, знает, что такое болтанка. Любой летчик стремится ее избежать. А планерист, наоборот, уходит от мертвого штиля и доволен, когда мощная струя воздуха властно бьет снизу в крылья, бросает планер, как спичечную коробку. Пилот самолета постарается обойти облачный фронт, между тем как опытный паритель чувствует себя в облаках, особенно кучевых, в родной стихии: в облаках рождаются могучие воздушные течения, иной раз подбрасывающие деревянную птицу сразу на сотни метров.

Хорошая, абсолютно ясная погода, радующая сердце всех нас, живущих только на земле, не всегда устраивает планериста. Сегодняшнее голубое небо без единого пятнышка искренно огорчает участников полетов.

— Не за что зацепиться, ни единого облачка,— говорит один из них.

— Это потому, что еще холодновато. Если ночью заморозок, утром не скоро появляются облака,— добавляет второй.

— Разве это погода?— тяжело вздыхает высокий молодой человек, бросив мрачный взгляд на сияющее, бездонное небо весны.

Из-за этого безмятежно чистого неба сегодня вынужден сократить свой полет Игорь Петров. Сделав несколько кругов над аэродромом и не найдя нигде поддерживающих потоков, он заходит на посадку. Мягко ударившись о землю, планер несколько секунд скользит по траве, на мгновение замирает на одном месте, потом медленно опускает хвост и склоняется на крыло.

Вслед за Петровым снижается товарищ Копейка, также мало успевший в поисках воздушных потоков. Он уступает свое место Александру Винокурову, вместе с которым я должен подняться в воздух. Затянув нас на заданную высоту, «По-2» резко отваливает в сторону и ныряет вниз. Странное ощущение охватывает человека, впервые поднявшегося на планере и привыкшего чувствовать в летающем самолете рядом с собой могучую стальную силу моторов. В первые минуты свободного парения возникает ощущение, что планер повис в воздухе, не двигается с места. Необычайной кажется и тишина, нарушаемая лишь однообразным шуршанием, напоминающим рокот дождя.

Внизу под нами открывается широкая картина города, одевшегося в зеленый убор. Тень планера мелькнула над водами Москвы-реки, темной лавой застывшей среди песчаных берегов. Над их холмами Александр Винокуров снова пытает счастье, рассчитывая натолкнуться на сильную струю воздуха, вздымающуюся ввысь. Он ведет планер с тем мастерством, которое приходит лишь с годами упорной тренировки и доступно людям увлекающимся, вкладывающим в любимое дело всю душу. Шестнадцать лет назад его, слесаря Московского электрозавода, направила в аэроклуб комсомольская организация. С тех пор жизнь Винокурова неразрывно связана с авиацией. Он одинаково хорошо водит самолет и планер, мастерски владеет парашютом, имея на счету 200 прыжков.

Петров, Винокуров, Раценская и другие спортсмены Центрального аэроклуба приобрели свое мастерство еще в довоенное время. Рядом с ними на летном поле можно увидеть молодежь, пришедшую в аэроклуб в последние годы: техника Крылова, студента Пчелкина, газосварщика Игонина. В дни войны советские планеристы честно выполнили свой долг, находясь в рядах защитников Родины: одни работали на боевых машинах, другие посвятили себя воспитанию молодых летных кадров для фронта, третьи водили воздушные караваны в тыл врага, на партизанские базы.

В нынешнем году ДОСАВ решил возродить былую славу планеризма, организовать ряд соревнований. Будем надеяться, что они пройдут успешно и положат начало новому подъему прекрасного спорта сильных и смелых, в котором советские люди давно утвердили свое неоспоримое право на мировое первенство.

Люди советского спорта

Токарь Юрий Тарелкин

Фото В. Евграфова

У двадцатилетнего ивановского токаря не совсем обычная спортивная биография. Заниматься спортом он начал поздно, всего два года назад. Но в течение одного лишь прошлого года Юрий Тарелкин стал спортсменом третьего, второго, а затем и первого разряда и чемпионом по штанге спортивного общества «Труд». Этот невысокого роста, русоголовый, плечистый и румяный молодой человек — один из тех силачей-самородков, которых так много в русском народе.

Ю. Тарелкин за токарным станком центральных авторемонтных мастерских.

Возможно, что Юрий Тарелкин никогда бы и не взял в руки штангу и вообще не занялся спортом, не будь у него младшего брата Вовы—убежденного боксера и рьяного любителя футбола. Он и затащил Юрия в секцию бокса ивановской спортивной школы молодежи. Но в первом же бою через несколько минут Юрий был переведен Вовой в нокаут, а еще через минуту сошел с ринга. Конечно, обидно понести поражение от младшего брата! И жажда реванша заставила Юрия Тарелкина взяться за изучение бокса.

Вскоре выяснилось, что бокс у Юрия «не пошел». Тогда Тарелкин решил попытать свои силы в гимнастике. Упражнения на брусьях и перекладине понравились ему куда больше. Но однажды он случайно зашел в секцию штангистов. Смотрел, смотрел, а потом и сам выжал штангу в 55 килограммов, равную его собственному весу.

Для того, чтобы медленно поднять три с половиной пуда над головой и удержать их на вытянутых руках, Тарелкину пришлось напрячь все свои силы. Но именно эта напряженная сосредоточенность воли и мускулов, завершившаяся победой над тяжестью, и принесла Юрию то необычайное удовлетворение, какое не испытывал он от других физических упражнений.

«Вот это спорт! Буду штангистом!»—решил Тарелкин. Он, однако, не торопился принять приглашение тяжелоатлетов записаться к ним в секцию. Прежде Тарелкин начал самостоятельно тренироваться.

Ареной этих тренировок были центральные авторемонтные мастерские, где работает Юрий. Тяжестей под рукой сколько угодно — рессоры, валы... В свободную минуту Тарелкин брал какую-нибудь тяжелую штуку и выжимал ее, выталкивал, а автодеталями даже жонглировал. Так продолжалось изо дня в день. И один из лучших токарей, выполняющий у станка по две — три нормы, стал в цехе также общепризнанным спортсменом.

С февраля прошлого года Юрий Тарелкин занимается в секции тяжелой атлетики. К своей большой физической силе молодой штангист начинает прилагать спортивную технику. Он старательно изучает приемы работы с тяжестями, регулярно учится в спортивной школе. Дома он упражняется с двухпудовкой и гантелями. Тренировками Юрия руководит экс-чемпион страны А. Касперович.

Первые же выступления токаря-штангиста на спортивных соревнованиях приносят ему большой успех. Он выполняет нормы третьего, а затем и второго спортивных разрядов. В легчайшем весе Тарелкин становится одним из сильнейших штангистов Ивановской области.

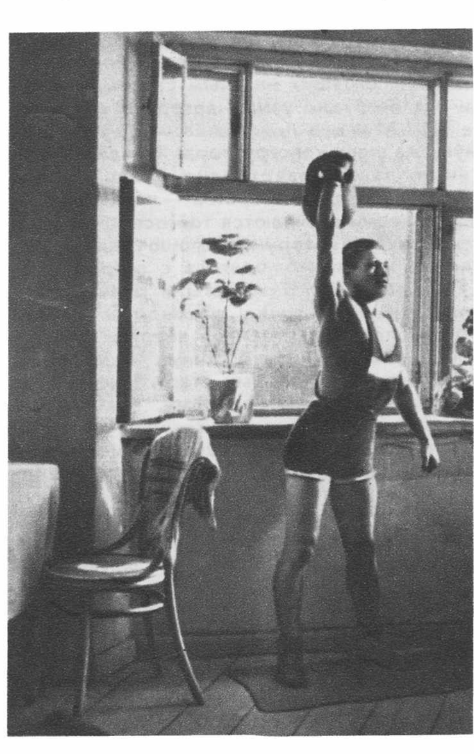
Осенью прошлого года на соревнованиях спортивного общества «Труд» токарь занимает первое место. Через месяц на розыгрыше первенства ВЦСПС первые семь мест заняли мастера спорта, а на восьмом оказался Тарелкин, никому еще тогда не известный молодой спортсмен из Иванова. На этих же соревнованиях ивановец выполнил норму перворазрядника.

Юрий Тарелкин успешно продолжает овладевать мастерством штангиста. Его последнее достижение в сумме трех движений — 257,5 килограмма (жим — 82,5; рывок — 75; толчок — 100).

Так растет и добивается все новых успехов молодой токарь-атлет, только в прошлом году впервые взявшийся за гриф штанги.

М. ЕРЕМЕЕВ

Гор. Иваново.

Ю. Тарелкин по утрам дома упражняется с двухпудовой гирей.

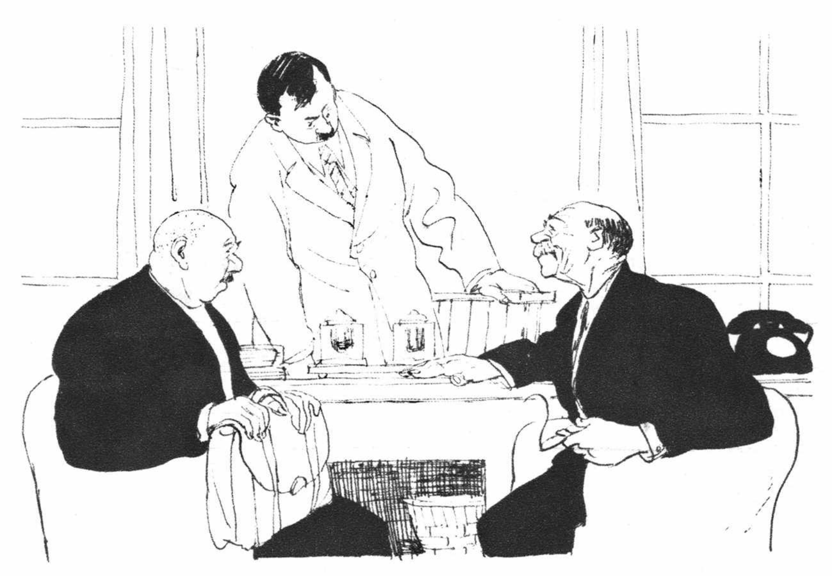

Рисунок И. Семенова

Трудное положение

М. ЭДЕЛЬ

Деловой разговор между заместителем директора Большого Городицкого фарфорового завода Амплеевым и заместителем директора животноводческого совхоза Купиным явно не клеился: замдиректора совхоза просил изготовить три кобальтовых чайных сервиза с монограммами.

— Понимаешь, Николай Парфенович, — говорил представитель совхоза,— чем можно сейчас удивить дорогих гостей? Сливками? Барашком? Шкуркой каракульчи на память? Это же ерунда на данном этапе. А тут твой завод под боком. Вы же к нам обратитесь и во время сева и во время уборки. Поможем! Какая может быть речь! Прошу только три сервиза и, конечно, чтоб с золотой каемкой и, безусловно, именные...

Николай Парфенович слегка покачивал головой и глядел на гостя, как врач на больного, который еще не знает о своей тяжелой болезни.

— Известно тебе, сколько лет существует наш завод? — сказал Николай Парфенович.—Без малого сто лет! И знаешь ли ты, что на нашем заводе в основном работают три династии: Трубкины, Амплеевы и Кирдягины? Что эти три рабочих династии наш завод строили, обновляли и вообще у нас на заводе больше традиций, чем в Малом театре?

— Какое имеют отношение эти три династии к моим трем сервизам?

— А моя как фамилия? Амплеев! А девичья фамилия моей жены? Трубкина! Понял, в каком я положении?

— Ничего не понимаю. Ты что наводишь тень на ясный день?

В этот момент на пороге кабинета показалась небольшая фигурка Ивана Никодимовича в черном костюме и очках в позолоченной оправе. Весь коллектив Большого Городицкого фарфорового завода называл Ивана Никодимовича — начальника цеха художественной росписи — «заведующим жизненными неполадками». От начальника цеха пахло эфиром и красками.

Увидев «заведующего неполадками», замдиректора завода поднялся с кресла, оперся кончиками пальцев о письменный стол и пригнул голову, как боксер на ринге. Казалось, что Николай Парфенович сию минуту перемахнет через стол и бросится нето в бой, нето бежать.

Иван Никодимович молча поздоровался с Купиным, опустился в кресло и стал протирать очки.

Николай Парфенович трагически взглянул на замдиректора совхоза. Глаза его ясно выражали: сейчас ты будешь свидетелем моих страданий...

— Ну что? Давайте сразу,— стараясь быть выдержанным и нервно барабаня пальцами по столу, сказал Николай Парфенович.—Что? Печника? Грузовую машину? Досок для стадиона? Олифу? Кровельщика? Легковую в родильный дом?

Иван Никодимович повернулся к Николаю Парфеновичу и спокойно ответил:

— И чего ты кипятишься?

От этого спокойного тона Николай Парфенович еще больше закипел:

— Наперед заявляю,—загремел он,— машин нет! Транспорт возит продукцию и торф. Столяров нет. Печники ремонтируют котельную. Легковая на ремонте. Ни одной доски нет. Если я сейчас, сию минуту помру, то и гроба не из чего будет сделать. Все!

— И чего ты вол-ну-ешь-ся? — с расстановкой повторил Иван Никодимович.— Я как член завкома...

— Слыхал! Знаю! Когда тебя, мучителя, уже переизберут? Все знают, что ты уже 15 лет подряд член завкома...

— Ты тоже был членом завкома,—сказал Иван Никодимович и строго посмотрел на Николая Парфеновича поверх очков.

— Был! Но я не мучил руководство, как вы...

Речь Амплеева прервала его секретарь, просунувшая в дверь один только носик и шепнувшая:

— Иван Никодимович, вас просят по срочному делу.

Иван Никодимович вышел.

— Он вернется, — грустно заявил Николай Парфенович своему гостю, молчаливо наблюдавшему эту сцену.— Обязательно вернется... Я только не знаю, зачем он пришел? И попробуй чего-нибудь не дать ему! Попробуй! Я осенью задержал олифу для ремонта заводской школы, так он пожаловался редактору нашей многотиражки, и на другой день появилась заметка «Бездушное отношение товарища Амплеева к школе».

— Надо было призвать к порядку руководителя вашей прессы. Это же подрыв единоначалия и авторитета... Ты бы поговорил с редактором,— посоветовал Купин.

— Поговорить с редактором? Говорил, дорогой товарищ! Так поговорил, что и обедать не пришлось. Редактором заводской многотиражки моя жена. Она же Трубкина! Ее дед в 1918 году отбивал завод от англичан и американцев, когда они шли с севера...

— Тогда надо было поговорить с завкомом, — солидно заметил замдиректора совхоза. — Зачем либеральничать?

— С завкомом? Ты видел этого старичка, видел, с какой важностью он входил в кабинет? Он заместитель председателя завкома! И мой тесть! Мой тесть! Ты себе представляешь? Мало того, что меня пропечатали в газете, так я еще получил замечание от завкома. Понял? Понял, в каком я положении? Я знаю, что ты сейчас скажешь! Надо было, мол, обратиться в партийный комитет. Вполне резонно! Вполне! А секретарем парткома Борис Кирдягин, Герой Советского Союза, племянник моего тестя и женат на дочери главного механика Амплеева. А отец секретаря парткома вместе с отцом главного механика вот эту заводскую трубу строил, а мой отец тогда каменщиком работал.

За сто лет тут все перероднились, переженились, и теперь не поймешь, кто тут Амплеев, кто Кирдягин и кто Трубкин! Везде свои, куда ни кинешься.

Купин искренно удивился:

— Что же тут плохого? Если бы у нас в совхозе...

— И не мечтай,— перебил его Николай Парфенович.— Все равно критикуют. Так критикуют, что деваться некуда. Пойми мое положение. Заведующей детским садом моя теща Олимпиада Николаевна Трубкина. Я ей пообещал сделать детские кроватки для сада. Но не сделал. Скандал! Вся родня шум подняла. А родня чуть ли не весь завод! Вот и подумай: сегодня жена напечатала статейку, а на другой день у тещи именины. Что ж я из-за этой заметки к теще на именины не пойду? Критикуют, не боясь испортить отношений.

А мой тесть меня просто в нервную лихорадку вгоняет.

Допустим, у какой-нибудь вдовы погибшего воина крыша не в порядке. Допустим, со временем надо помочь. Нет, ты ему немедленно, немедленно, дай толь, гвозди и кровельщика. У кого-то новорожденный заявился. А дед новорожденного — лучший мастер формовочного цеха, а отец — начальник каолинового карьера, который выполняет план на 160 процентов. Немедленно новорожденному подарок от завкома — расписная чашка с надписью: «Вырастешь и лучшую чашку сделаешь». И гони директорский «зис» в родильный дом, потому что мать новорожденного — стахановка-формовщица.

В этот момент вернулся Иван Никодимович. Амплеев страдальчески глянул на замдиректора совхоза: сейчас, мол, услышишь.

— Николай... Николай Парфенович, видишь какое дело,— тихо сказал «заведующий неполадками»,— сегодня приезжают гости с Омельчинского завода для обмена опытом и проверки договора соцсоревнования... так что...

— Знаю! В чем дело? Я же послал автобус на станцию.

— Правильно. Мы и хотим, так сказать, почествовать их в клубе. Тебе поручается слово от дирекции для, так сказать, приветствия.

— Приветствовать? Что ж, могу...— настороженным тоном сказал Николай Парфенович, предчувствуя, что приветствием дело не кончится и что здесь пахнет каким-нибудь новым «подвохом».

— Все? — спросил он.

— Видишь ли... такое дело, желательно их также угостить: они наши товарищи по профессии и завод у них тоже хороший. Правда, еще молодой он — ему только 23 года исполняется, но перевыполняет. И кроме того там наши Кирдягины, Амплеевы и Трубкины мастерами, инженерами работают, директор у них из наших рабочих.

Николай Парфенович пронзил Ивана Никодимовича убийственным взглядом:

— Пусть завком дает средства!

— Завком дает, за завком не беспокойся. Но надо, чтоб и дирекция.

— К директору и обращайтесь! У меня никаких фондов нет. Идите к директору!..

— Вот мы и просим, чтоб ты походатайствовал.

— Не буду я ходатайствовать,— решительно заявил Амплеев.

Иван Никодимович опустился в кресло и стал протирать очки. Николай Парфенович уже знал, что в таких случаях ему готовится неотразимый удар, и затаил дыхание.

— И Парфен Иванович просит...— совсем тихо и как бы нерешительно сказал Иван Никодимович.

— Кто просит? — словно ослышавшись, переспросил Николай Парфенович.

— Он просит, — сказал «заведующий неполадками», надевая очки и не глядя на замдиректора.

Николай Парфенович вдруг стал с интересом глядеть в окно и как бы мимоходом промолвил:

— Много не дадим. А вообще, конечно, поможем завкому. Я поговорю с директором.

Иван Никодимович ушел. После тягостной паузы Купин спросил:

— А кто это Парфен Иванович?

— Парфен Иванович? Наш депутат,— со вздохом ответил Николай Парфенович.— И мой отец, между прочим. Заведует ФЗО. Вот так. Понял? А ты хочешь, чтобы я тебе для начальства делал подхалимские сервизы с монограммами и золотой каемочкой. Видишь, в каком я положении. Сделай я тебе эти сервизы, так меня критикой устной и печатной в такой оборот возьмут, что жить на белом свете не захочешь. Сейчас подымется крик: «Фамилию, рабочую династию дискредитируешь! Завод позоришь!» Трудное у меня положение... Чашек, тарелок, блюдец для твоей рабочей столовой могу дать хоть целый вагон. А сервизы с каемкой, с именем-отчеством не могу. Со света сживут...

Замдиректора совхоза молча пожал руку замдиректора завода и ушел.

Ушел с обидой.

ПО ПРИВЕДЕННЫМ НОТНЫМ ОТРЫВКАМ ВСПОМНИТЕ НАЗВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ФАМИЛИИ КОМПОЗИТОРОВ.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Я. ШАМРАЕВСКИЙ (Ташкент)

По горизонтали:

4. Приятельница. 11. Произведение или сообщение малодостоверное. 12. Женская одежда. 13. Занавеска. 14. Склад для хранения оружия. 15. Минерал. 16. Русский художник. 20. Гончарное художественное изделие. 21. Каменный уголь. 22. Частица ядра атома. 25. Край подошвы. 27. Женское имя. 32. Герой романа Дэфо. 33. Расценка. 36. Венгерский писатель. 37. Телеграфная азбука. 38. Вещество, употребляемое в парфюмерии. 39. Доказательство виновности. 40. Мифический царь древней Фригии. 41. Русский зодчий. 42. Перечень требований избирателей своему депутату. 45. Настоятель католического монастыря. 50. Почетное вознаграждение. 55. Теплое течение в Тихом океане. 56. Город в СССР. 57. Высокий детский голос. 61. Легкая постройка для ярмарочных зрелищ. 62. Страна на Пиренейском полуострове. 63. Пролив между Ионическим и Адриатическим морями. 64. Государство в Южной Америке. 65. Область в Чехословакии. 66. Морское животное.

По вертикали:

1. Предводитель рабов в древнем Риме. 2. Болезнь. 3. Геометрическое тело. 5. Река в Америке. 6. Средство связи. 7. Спортивные состязания. 8. Изоляция лиц, перенесших эпидемическую болезнь. 9. Дерево. 10. Пряность. 16. Немецкий философ. 17. Узкая дощечка. 18. Композитор. 19. Роман Золя. 23. Единица административного деления. 24. Область в Африке. 25. Литературное произведение. 26. Водоплавающая птица. 28. Богач в Индии. 29. Горячность. 30. Учебная комната. 31. Персонаж повести «Дни и ночи» Симонова. 33. Река в Европе. 34. Аппарат радиолокации. 35. Лицевая сторона здания. 43. Красящее вещество. 44. Электрод. 46. Украшение из ленты. 47. Нападающая сторона. 48. Опекун. 49. Растениевед. 51. Чешский реформатор, сожженный на костре в XV веке. 52. Порода попугаев. 53. Горы в Азии. 54. Лекарство. 58. Начало. 59. Накладные голенища. 60. Швейная принадлежность.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 21

По горизонтали:

1. Омонимы. 5. Плов. 7. Анис. 9. Аллигатор. 10. Антиква. 13. Борацит. 16. Автор. 18. Плавник. 20. Геликон. 21. Нобилитет. 22. Брага. 24. Амбра. 25. Анапа. 26. Пихта. 28. Десна. 29. Штука. 32. Вебер. 35. Аркан. 36. Корректор. 38. Вибрион. 39. Палатка. 40. Оброк. 42. Статика. 43. Позитив. 46. Коломянка. 47. Брат. 48. Доза. 49. Ориноко.

По вертикали:

2. Мальва. 3. Нега. 4. Метеор. 5. Пила. 6. Ванилин. 7. Арбалет. 8. Свет. 11. Навага. 12. Авгит. 13. Ботик. 14. Идиома. 15. Флора. 17. Кобра. 19. Компаньон. 20. Гелиотроп. 23. Анкер. 24. Атака. 27. Репин. 28. Декрет. 30. Аргали. 31. Галка. 33. Проба. 34. Укроп. 36. Контакт. 37. Рафинад. 40. Окуляр. 41. Корнак. 42. Серб. 44. Вена. 45. Тмин.

Крылатые слова Пушкина

Говоря о «Горе от ума», Пушкин предсказал, что многие стихи гениальной комедии Грибоедова сделаются народными поговорками. Сам Пушкин, создатель русского литературного языка, обогатил русскую разговорную речь крылатыми словами и выражениями. Вот некоторые из них:

Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Все флаги в гости будут к нам.

Глаголом жги сердца людей.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!

Есть упоение в бою.

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя...

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!

О чём шумите вы, народные витии?

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.

Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно поют?

Так тяжкий млат,
Дробя стекло, куёт булат.

А счастье было так возможно,
Так близко!

Будь строг, но будь умён.

Гений и злодейство —
Две вещи несовместные.

Иных уж нет, а те далече.

Какая смесь одежд и лиц,
Племён, наречий, состояний!

К беде неопытность ведет.

Москвич в Гарольдовом плаще...

Обычай — деспот меж людей.

Он... чином от ума избавлен.

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Учёный малый, но педант.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А—05237. Подписано к печати 24/V—49 г. Изд. № 380. 5½ печ. л. Тираж 350.000. Заказ 1055. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ СПОСОБСТВУЮТ УСПЕШНОМУ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ГРАНДИОЗНОГО СТАЛИНСКОГО ПЛАНА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИРОДЫ

ЦЕНА 3 РУБ.